

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Выпуск 8

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

**Брянск
Издательство БГТУ
2010**

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общей ред. Н.В.Попковой. – Брянск: БГТУ, 2010. – Вып. 8. – 227 с.

ISBN 978-5-89838-481-4

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории. Авторы – ученые и аспиранты вузов г. Брянска и Брянской области.

Предназначен для преподавателей философских и социально-гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов.

Редколлегия:

В.Г. Горбачёв – кандидат философских наук, доцент;

Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор;

Е.А. Дергачёва – кандидат философских наук, доцент,
ответственный секретарь;

Н.В. Попкова – доктор философских наук, профессор,
ответственный редактор.

Рецензенты:

кафедра философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии, заведующий кафедрой профессор, доктор философских наук А.Ф.Шустов.

ISBN 978-5-89838-481-4

© Брянский государственный
технический университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	5
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i>	
Тенденции глобального техногенного развития общества и природы	5
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА, О.А. ПУШНАЯ</i>	
Социология «нового» кочевничества на постсоветском пространстве	13
<i>Е.А. ЛАРИЧЕВА</i>	
Экономический рост и его пределы	28
<i>Н.Н. ЛАПЧЕНКО</i>	
Информационно-техногенное развитие общества и перспективы формирования искусственных форм жизни	35
<i>Н.А. НОЗДРИНА, Н.В. ИСКАНЦЕВ</i>	
Социально-политический аспект исламского фундаментализма	46
<i>А.В. ПАТРАКОВА</i>	
Религия и вера: проблема выбора современного человека	61
<i>О.А. ПУШНАЯ</i>	
Философские аспекты возобновляемой энергетики в техногенном обществе	67
<i>В.А. УСОВ</i>	
Трансформация сознания в условиях техногенного общественного развития	71
АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	78
<i>К.С. БИЯК</i>	
Информационная реальность и этапы ее развития: современное состояние философского анализа	78
<i>В.Г. ГОРБАЧЕВ</i>	
Философская антропология в контексте проблем современного образования	90
<i>Э.С. ДЕМИДЕНКО</i>	
Проблема научно-философского моделирования развития жизни	102
<i>В.В. КРАВЧЕНКО</i>	
Проблема определения понятия «правовая культура»	113
<i>В.В. МИРОШНИКОВ, О.А. ГОЛЕНКОВА</i>	
Социально-ориентированные системы менеджмента как инструмент повышения качества жизни	117

<i>Н.А. НОЗДРИНА, Н.В. ИСКАНЦЕВ</i>	
Социальная теория политической оппозиции	125
<i>Н.В. ПОПКОВА</i>	
Антропология техники: проблемы и перспективы	144
<i>Ю.Ю. СИВЕРИНА</i>	
Философская оценка культурных трансформаций современности	153
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ	162
<i>Д.М. КОШЛАКОВ</i>	
Представления о связи трансцендентного и имманентного в культуре	162
<i>В.М. ЛОБЕЕВА</i>	
Проблема абсолюта: единство религиозной веры и философской рациональности (концепция Б.Н. Чичерина)	171
<i>О.А. КРЫЛОВА</i>	
Роль «Восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета в социально-философском осмыслении категории «субъект истории»	177
<i>А.А. СВИДЕРСКИЙ</i>	
Формирование деятельностных установок культуры в первобытном обществе	183
<i>Н.Н. СИМКИНА</i>	
Проблемы культурного взаимодействия	193
<i>В.М. СКОРОДУМОВ</i>	
Размышления о сущности философии	204
<i>А.А. ЧЕРНИЛОВСКИЙ</i>	
Предыстория социального и социально-технологического предвидения и его первая попытка в работе Ш. Рише «Через сто лет»	208
<i>А.Ф. ШУСТОВ</i>	
Специфика орудийного этапа развития технической деятельности и его социокультурная обусловленность	215
<i>Сведения об авторах</i>	<i>222</i>
<i>Требования к рукописям в сборник «Проблемы современного антропосоциального познания».....</i>	<i>224</i>
<i>Список членов Брянского отделения РФО в 2010 году.....</i>	<i>226</i>

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. ДЕРГАЧЕВА

ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОГЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Проблематика техногенного развития является сейчас особенно актуальной для исследования характера современного общества, человека и биосферы, которые стремительно изменяются на основе использования достижений наукотехники (науки, техники и технологий). Промышленная революция конца XVIII в., на наш взгляд, еще не до конца оценена философией и наукой с точки зрения ее социоприродных последствий для человека и земного мира, поскольку, как проницательно заметил еще в начале XX в. Н.А.Бердяев, общество при помощи машины создает «новый космос» и тем самым отрывает человека от его матери-земли [2, с.149-156], то есть вырывает из биосферы и делает жителем сотворенного при помощи машины «нового космоса». В свою очередь, П.Тейяр де Шарден также подчеркивал, что на смену естественному земному миру приходит искусственный [15, с.151-152]. Грандиозная машинно-промышленная революция стала рубежом между биосферным и постбиосферным земным миром, что достаточно убедительно показано на обширном статистическом и социологическом материале в монографиях Э.С.Демиденко последних лет [3, 5], хотя, на наш взгляд, восхождение промышленной революции было предопределено уже эпохой неолита (аграрной революцией примерно 10 тыс. лет назад), положившей начало переходу человечества от собирательной экономики к производящей и ознаменовавшей эпоху социализации земного мира социумом. И если в аграрном обществе с медленными темпами прогресса функционирование и развитие социума еще во многом зависело от природных условий (хотя социальные закономерности стали оказывать заметное воздействие, но еще в локальных масштабах), то в постаграрном доминирующим фактором становится социальный при возрастающем влиянии онаученного человеческого разума, техники и технологий.

Промышленная революция означала переход от естественных производительных сил (человека и одомашненных животных) с преобладанием аграрного производства и ремесла к научно-

техническим, предполагающим человеко-машинное взаимодействие в индустриальных и постиндустриальных общественных системах. В течение XVIII-XX вв. в ходе научно-технического прогресса происходит стремительное увеличение научно-технической энергетики с 2 до 99% в общей совокупности социальной энергетики, сопровождающееся переходом общественных систем и земного мира в целом на путь техногенного развития, созданием качественно нового типа среды обитания людей – трансформированной природной и создаваемой техносферной, возрастанием темпов социально-экономических изменений, хозяйственной и научной деятельности, социально-природной и техносоциальной детерминированности общественной жизни.

Переходные социоприродные процессы на планете приобрели значительное ускорение в последние полстолетия интенсивного развертывания научно-технической революции (НТР). Таким образом, постаграрное, техногенное общество формируется на планете благодаря наукотехнике: вначале как индустриальное, а в конце XX в. индустриально развитые страны переходят на новую стадию развития – постиндустриальную. Только за два столетия (XIX-XX вв.) в техногенном развитии земного мира произошли значительные количественные и качественные перемены, которые связаны с возрастанием степени удовлетворения человеческих потребностей, социализацией человека и биосферы; созданием искусственной предметной и электромагнитной природы (техносферы); увеличением примерно в пять тысяч раз количества ученых (с 1 тыс. до 5 млн) [16, с.58], более чем в 6 раз – населения мира (с 0,9 млрд до 6,1 млрд), более чем в 2 раза – средней продолжительности жизни (с 30 до 65-80 лет). Масштабы воздействия онаученного человеческого разума, творящего техносферу и преобразующего биосферу, по размерам и степени влияния на экосистемы Земли в XX в. стали сопоставимы с естественными природными процессами. Наибольшие блага в ходе техногенного развития получают промышленно развитые, урбанизированные страны, а развивающиеся находятся в технико-экономической зависимости от них. К техногенным общественным системам сейчас относятся страны Запада и Япония, вступившие на путь постиндустриального развития, Россия и индустриальные

страны бывшего СССР, Китай и индустриализирующиеся страны Юго-Восточной Азии.

Понятия «техногенный», «техногенное общество» употребляются в современной социально-философской литературе в значениях «технический», «технико-технологический», «техносферный», «индустриальный», хотя эти термины несут разную смысловую нагрузку. Современный техногенез социоприродного развития, как обосновывает автор статьи в своей монографии, представляет собой коренные изменения и трансформации в обществе и естественной природной среде, происходящие под воздействием науки и основанной на ней технико-технологической деятельности человечества [11, с.29-54].

Современное общество является сложной, выходящей за пределы человечества, биосоциотехногенной системой и развивается на основе комплекса социотехнических, социобиосферных, технобиосферных и других определяющих взаимосвязей при постепенной передаче доминирующих и развивающих земной мир функций от биосферы онаученным технико-технологическим системам. Глобализирующееся техногенное общество вместе с техногенно трансформированной биосферой формируют техногенный земной мир, который по своему охвату пока еще меньше земного биосферного мира, но с нарастающей скоростью приближается к последнему, перестраивая биосферу по социотехносферным канонам. Нарастающая техногенная (экономическая и научно-технологическая) рационализация социоприродного мира, основу которой на планете составляют рыночные методы хозяйствования, коренным образом меняет облик человеческого общества, превращая его в надприродно-искусственное. Концептуальный анализ техногенной общественной системы и противоречий ее развития и рационализации был ранее проведен нами в статьях и монографиях [6, с.217-266; 9; 10; 11, с.55-90; 12].

Некоторые исследователи в соответствии с теорией постиндустриализма разделяют индустриальную и постиндустриальную общественные системы и не относят к техногенным постиндустриальные общества ввиду качественных различий в структурах общественного производства, повышения значимости наукоемких, информационных отраслей в постиндустриальной экономике (до двух третей занятых) при

сокращении занятости в промышленном производстве. Но как показывают наши исследования [11, с.66-68], техногенное общество продолжает существовать и в постиндустриальном обществе, так как основной базой постиндустриального развития, формирования производственной и общественной инфраструктуры остается индустрия, которая значительно рационализируется: занимает все меньше территории суши на единицу произведенной продукции, в ней стремительно сокращается число работников на основе роста производительности труда. Дальнейшее развитие и рационализация техногенного общества у многих исследователей (Г.Кан, О.Тоффлер, Ф.Фукуяма) ассоциируется с существенным улучшением благосостояния человечества. Но такие достижения в XX в. являются не только результатом эффективной деятельности на основе научно-технических производительных сил, но и результатом активного уничтожения биосферы как природной основы земной жизни, так как из ее ресурсов создаются материальные блага человечества. И если основатель теории техногенной цивилизации (общества) В.С.Степин, а вслед за ним В.И.Толстых рассматривают будущее планетарное постиндустриальное общество как посттехногенную цивилизацию, так как происходит выработка и пересмотр стратегий выхода человечества и природы из кризисов, которые породила техногенная цивилизация [14, с.7], то представители Брянской научно-философской школы социоприродных исследований (Э.С.Демиденко, Н.В.Попкова и др., к числу которых относится автор данной статьи) обращают внимание на техногенный характер индустриальной и постиндустриальной общественных систем, их динамично ускоряющееся развитие на базе НТР, расширение техносферы и ее интеграцию с социумом и биосферой, а также на замену мира естественного, биосферного миром искусственным, постбиосферным, техно-ноосферным [4, с.1000; 6; 8; 11].

В большинстве научных работ современных авторов находят отражение экономические и научно-технические аспекты глобализации современного общества, то есть осуществляется анализ общества в отрыве от земной биосферной природы. Мы же основываемся на единстве природного и социального с его появлением в их совместном развитии, то есть на системном социоприродном подходе к изучению генезиса общества в сложной системе эволюции жизни на Земле в целом.

Происходит не просто глобализация общества в общепланетарном масштабе, а его качественное изменение – техногенная социализация, переподчинение в ходе техногенного эволюционного развития биосферы, ее разрушение, формирование с помощью наукотехники постибиосферного живого мира на основе биосферного. Если В.И.Вернадский и Э.Леруа в начале XX в. указывали, что в ходе социализации биосферы закономерно формируется ноосфера и предполагали, что биосфера будет улучшена человеческим разумом и трудом, то в начале XXI в. мы констатируем иной процесс: техногенное общество разрушает экосистемы Земли и природотворческие функции биосферы, техносферизирует и трансформирует нарастающими темпами живое вещество планеты с целью удовлетворения потребностей населения. Так, в настоящее время человечество извлекает из естественного биохимического круговорота около 40% первичной продукции биоты, из них около 12% уже не продуцируется естественными природными экосистемами. Это примерно в 40 раз больше, чем в начале XX в., то есть за последнее столетие в результате антропогенного воздействия существенно снижена мощность биоты, что в свою очередь приводит к глобальным генетическим и биогеохимическим изменениям [13, с.75-78]. К числу философов, в трудах которых нашли отражение различные аспекты социоприродного подхода, мы можем отнести таких отечественных ученых, как Н.А.Бердяев, В.И.Вернадский, Э.С.Демиденко, В.А.Зубаков, А.М.Ковалев, В.А.Кутырев, Н.Н.Моисеев, А.П.Назаретян, Ю.В.Олейников, А.А.Оносов, В.И.Пантин, Н.В.Попкова, А.Д.Урсул, включая и автора данной статьи, а также зарубежных представителей «Большой», или «Универсальной» истории – таких, как Дж.Даймонд, Д.Кристиан, Ф.Спир.

Глобальное техногенное развитие общества и природы отличается нарастающим формированием техносферы (как совокупности научных и технико-технологических искусственных объектов и трансформационных процессов, воздействующих на естественные и искусственные системы) и искусственного материального мира в целом. Жизнь в техносфере – урбанизированных городских поселениях – становится неотъемлемым атрибутом человеческого существования, условием эффективного производства и прогресса, средством обеспечения

человеческой жизнедеятельности и формирования основных жизненных установок. Так, только за XX в. техносфера увеличилась примерно в 3 раза по занятой площади, а биосфера сократилась более чем на 15% [1, с.131]. В XXI в. происходит дальнейшее территориально-пространственное распространение техносферы. По приблизительным оценкам, общая площадь урбанизированных территорий мира к 2070 г. достигнет 19 млн км², или 12,8% всей и более 20% жизнепригодной территории суши, в то время как она составляла 4,69 млн км² в 1980 г. [7, с.3]. Крупнейшие города мира, объединенные транспортными и коммуникационными системами, образуют гигантский техносферный геополис со своеобразной урбан-техносферной жизнедеятельностью, которую можно рассматривать уже как постбиосферную, а со временем ожидается становление всепланетарной техносферной жизнедеятельности. Этот техно-урбанистический каркас представляет ядро социоприродной глобализации мирового сообщества. Вот почему, на наш взгляд, на смену биосферной системе жизни приходит не просто глобальная социоприродная, а социотехноприродная система, включающая техносферу. Она утвердится уже в третьем тысячелетии, если человечество не предпримет решительных мер по сохранению биосферы, биосферной жизни и человека.

В ходе глобального перехода жизни на нашей планете – от естественной к искусственной – происходит деградация естественной природной среды, хищническая эксплуатация социальных и особенно биосферных ресурсов, нарастает социально-экологический кризис, что сопровождается усилением техногенности эволюции земного мира. Естественный природный мир не только социализируется, как это было на протяжении природно-социальной, доиндустриальной эволюции, но и техногенно социализируется, техносферизируется, наполняется искусственной и трансформированной биосферной реальностью, причем естественных биосферных систем постепенно становится все меньше. Социально-техногенная компонента осуществляемых изменений превалирует над биосферной, так как комплексное воздействие социальных и техносферных факторов приводит к разбалансировке естественных структур и процессов в экосистемах.

В XX в. антропогенные изменения стали глобальными и охватили весь земной мир, что сопровождается массовой гибелью

различных видов организмов, истощением озонового слоя, сокращением площади лесных массивов, ухудшением плодородия почв и истощением в ближайшем столетии продуктивных земель (это ставит вопрос о биотехнологическом производстве продуктов питания и формировании искусственных почв), качественным истощением вод суши, возникновением кислотных дождей, интенсивным накоплением опасных отходов небюсферного происхождения и другими кризисными процессами. К этому необходимо добавить, что если в доиндустриальном обществе биосфера самовосстанавливалась, то сейчас она не в состоянии восполнять потери. Глобализирующееся техногенное развитие общества и природы приводит к формированию глобальной социотехноприродной системы на земном шаре и созданию постбиосферного (техно-ноосферного) живого мира, то есть мира, творимого онаученным человеческим разумом на основе искусственных (не существующих в природе) технологий. В этом мире сосуществуют как трансформированные (одомашненные, окультуренные, социализированные) биосферные организмы, так и техно-ноосферные, то есть созданные в научных лабораториях по разработкам учёных и специалистов. К ним относятся биотехнологические, клонированные, генетически модифицированные, трансгенные и другие живые искусственные организмы, объединяющие гены различных растений и животных, то есть на основе наукотехники появляются новые, искусственные формы жизни, которые сосуществуют уже с трансформированными биосферными. Остается нерешенной проблема поведения трансгенных растений в природе, опасность перенесения их свойств на естественные биосферные виды, что будет способствовать распространению одних видов и угнетению других. Перспективы распространения таких организмов пока предсказать трудно, поэтому учёные выступают за ограничение их введения в биосферу, особенно клонированных и трансгенных, и во многих странах введен запрет на их использование.

Глобальное техногенное развитие общества, с одной стороны, ведет к усилению социализации населения, возрастанию интеллектуальности и творческих начал в труде при существенном уменьшении значимости физической энергии человека, а с другой – к разрушению природного здоровья человека. Направляемый

техносферой переход от более естественных к менее естественным состояниям земной природы, выход человека из сферы естественного отбора сопровождается весьма сложной техносферно-биологической трансформацией самого человека, приводит к углублению интеграции его организма с техникой и техносферой, насыщению искусственными веществами небiosферного происхождения, химико-техногенной и электромагнитной агрессии искусственной среды, что негативно сказывается на здоровье: увеличивается число болезней цивилизации (онкологических, психических, генетических), обусловленных деформацией естественных природных экосистем в результате научно-технического прогресса, ухудшения качества и витаминных свойств продуктов питания, техносферизации условий жизнедеятельности и особенностей техногенного образа жизни и привычек. Так, неблагоприятные экологические условия среды инициируют до трети заболеваний современного человечества [17, с.270]. Глобализирующееся техногенное общество формируется как основа искусственного земного мира, включающего техносферу, технологически измененные биосферные организмы и искусственные живые организмы, что способствует глобальному разрушению природной среды и нарастанию экологического кризиса человечества. Будущее человечества предопределено во многом техногенным развитием. Продолжительность существования *homo sapiens* на планете Земля зависит от того, насколько разумно социум подойдет к сохранению биосферы, биосферных организмов и биосферных основ человеческой жизни и ограничит замену их искусственно-техносферными, опасными для социоприродной системы. Единство природоохранных и человекоохранных мероприятий всех государств позволит реализовать стратегию выхода из смертельно жесткого социально-экологического кризиса.

Социально-экологические проблемы могут быть решены не на путях разрушения индустриальной экономики, а ее укрепления на основе достижений научно-технической революции, существенного уменьшения масштабов экологически опасной хозяйственной деятельности, усиления безопасного формирования техносферы. Глобальное техногенное развитие должно основываться на стратегии гармонизации взаимоотношений общества, природы и наукотехники при преобладании принципа биосфероцентризма во имя выживания человечества и сформированной земной природы на нашей планете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Т.А. Экология. Природа – Человек – Техносфера / Т.А.Акимова. – М., 2007.
2. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – №2.
3. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М., 2003.
4. Демиденко, Э.С. Техногенное общество / Э.С.Демиденко // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
5. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.; Брянск, 2006.
6. Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – М.; Брянск, 2007.
7. Денисов, В.В. Экология города / В.В.Денисов, А.С.Курбатова, И.А.Денисова. – М., 2008.
8. Дергачева, Е.А. Брянская научная школа социоприродных исследований в 2002-2007 годах / Е.А.Дергачева // Вестник РФО. – М., 2007. – №3 (43). – С.17-18.
9. Дергачева, Е.А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития / Е.А.Дергачева // Вестник РУДН. Сер.: Философия. – 2008. – №1. – С.12-17.
- 10.Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А.Дергачева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.
- 11.Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
- 12.Дергачева, Е.А. Техногенное общество, особенности его становления и развития / Е.А.Дергачева // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – №1-2. – С.13-18.
- 13.Ильин, В.И. Экология / В.И.Ильин. – М., 2007.
14. Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации / В.С.Степин // Вопросы философии. – 1996. – №10.
- 15.Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П.Тейяр де Шарден. – М., 2001.
- 16.Философия и методология науки. – М., 1996.
- 17.Хаскин, В.В. Экология человека / В.В.Хаскин. – М., 2008.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА, О.А. ПУШНАЯ

СОЦИОЛОГИЯ «НОВОГО» КОЧЕВНИЧЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной жизни. Глобализационные

процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков - массовая миграция населения стала одним из характерных явлений жизни мирового сообщества. Возросла роль географической мобильности в жизни людей, их участия в глобальных, межнациональных и межрегиональных миграционных процессах – *«новом» кочевничестве третьего тысячелетия*. Растущий дисбаланс демографического развития между развитыми и развивающимися странами, увеличивающийся разрыв в уровнях социально-экономического развития между отдельными странами и регионами мира, распад социалистической системы, усиление геополитической нестабильности в ряде африканских и азиатских стран, на Ближнем Востоке – эти и другие события второй половины 1980-1990-х гг. привели в движение огромные и часто неуправляемые волны миграционных передвижений и выдвинули международную миграцию населения в ряд важнейших глобальных процессов.

Уже только масштабы международной миграции позволяют говорить о ней как о явлении, имеющем глобальное значение. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2005 г. в мире насчитывалось более 190 млн «классических» международных мигрантов (то есть людей, живущих не в странах, где они родились). Иначе говоря, в настоящее время один из каждых 35 жителей земного шара является «классическим» международным мигрантом, при этом в развитых странах международным мигрантом является каждый десятый житель (в эти цифры не включены нелегальные мигранты) [1, с.24].

Фактически, если говорить обо всех категориях населения, в той или иной форме вовлеченных в международные миграционные потоки, то в настоящее время, по существу, каждый шестой житель земного шара является международным мигрантом. В настоящее время все страны современного мира в той или иной степени оказываются вовлеченными в мировые миграционные потоки. Первое место в мире по числу находящихся в стране международных мигрантов занимают США (38,4 млн чел.), затем следуют Россия (12,1 млн чел.) и Германия (10,1 млн чел.) [2, с.8]. Несомненного внимания заслуживают и региональные особенности международной миграции населения. Несмотря на то, что большинство

международных мигрантов происходит из развивающихся стран, современные миграционные потоки представляют собой не просто движение «с юга на север» или «с востока на запад»; около трети легальных международных мигрантов перемещаются из одной развивающейся страны в другую и такая же примерно доля переезжает из развивающихся в развитые страны.

За последние 50 лет произошли значительные изменения в региональном распределении международных мигрантов [3, с.80]. Международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества. Международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин, среди которых преобладающими являются социально-экономические, что, в свою очередь, способствуют развитию трудовой миграции. По оценкам Международной организации по труду (МОТ), на начало XXI в. во всем мире насчитывалось более 86 млн легальных трудящихся-мигрантов (вместе с членами семей эта цифра возрастает до 120-180 млн чел.) против 3,2 млн чел. в 1960 г. [2, с.7]. Несмотря на то, что трудящиеся-мигранты составляют не более 4,2% от общей численности экономически активного населения развитых стран, значение трудовой миграции для ряда стран и отдельных отраслей экономики намного выше. Так, в 2004 г. трудящиеся-мигранты составляли почти 45% экономически активного населения Люксембурга, около 25% – в Австралии и 22% – в Швейцарии [10, с.59].

Необходимо отметить, что многие страны являются как источниками одних трудящихся-мигрантов, так и «странами назначения» для других трудящихся-мигрантов. Так, Канада традиционно является «страной назначения» для значительного числа трудящихся-мигрантов, но направляет в свою очередь большое количество работников, особенно обладающих высоким уровнем квалификации, в США; Таиланд принимает значительное число неквалифицированных иммигрантов из Мьянмы, Камбоджи и Лаоса, направляя своих граждан в такие страны, как Израиль, Япония и Тайвань. Россия в глобальных потоках трудовой миграции выступает и как принимающая страна, и как страна-донор.

В большинстве принимающих стран доля иностранных работников с начала 1980-х годов постоянно возрастала и к 1999 году составила в Германии 9% общей численности занятых, в Австрии – 10%, в Швейцарии – 18%, в Люксембурге – 57% [6]. В России этот показатель еще очень низок: менее 0,5%. Впрочем, это данные официальной статистики. На самом деле мигранты играют в экономике многих регионов страны гораздо большую роль. Согласно неофициальным оценкам, их доля составляет 5–7% занятых, т.е. достигает примерно такого же уровня, как в Бельгии, Франции, Швеции [9, с.107]. Постоянный спрос на неквалифицированный и низкооплачиваемый труд мигрантов, существующий в развитых странах, рождает соответствующее предложение в бедных странах. Так формируется и воспроизводится миграционный режим, который является одним из элементов современного экономического порядка, поддерживая и обслуживая его. Миграционное пространство СНГ является относительно либеральным (благодаря безвизовому режиму), но не составляет исключения, подчиняясь тому же миграционному режиму, что и остальной мир. В России миграция развивается примерно так же, как во многих развитых странах мира. В настоящее время спрос России на мигрантов в большей мере обусловлен экономическими причинами. В крупнейших российских мегаполисах, регионах с динамично растущей экономикой, пограничных областях, где трудовая миграция бурно развивалась на протяжении первой половины текущего десятилетия, мигранты уже заняли определенные экономические ниши, которые в будущем будут углубляться и расширяться. В таких регионах труд иностранных работников уже сейчас стал структурообразующим фактором экономики, которая не может эффективно функционировать без привлечения мигрантов.

В России основой разделения труда между местными и приезжими работниками является процесс национальной сегрегации. Довольно четко выражена и *гендерная специфика*, т.е. «мужские» и «женские» сферы занятости. К первым относятся, в первую очередь, строительство, тяжелый труд в промышленности, на транспорте, в коммунальном и сельском хозяйстве. Ко вторым – торговля, сфера общественных и домашних услуг, индустрия досуга и развлечений, секс-занятость. Согласно официальным данным в 2007 году, 40% трудовых мигрантов были заняты в строительстве, 30% – в торговле,

10% – в промышленности, 7% – в сельском хозяйстве, 5% – в транспортной отрасли, 8% – в других видах деятельности [10, с.61]. Такое отраслевое разделение мигрантского труда сохраняется и в 2009 г. [5]. Эти данные не учитывают нелегальную миграцию, масштабы которой в России огромны.

Россия как основная принимающая страна в регионе строит свою иммиграционную политику по примерно таким же схемам, как и другие принимающие страны (квотирование, обеспечение преимущественного права местных работников на занятие данного рабочего места, принцип «инициативы работодателя» и т. п.). Миграция сегодня развивается крайне противоречиво и иррационально. Глобализация приводит к кризису национального государства как полномочного управляющего субъекта, способного, в частности, контролировать перемещения людей. Огромный размах приобрела нелегальная миграция, ставшая характерной чертой современного миграционного режима. Согласно официальным оценкам, нелегальных мигрантов в России 10 млн. В основном это приезжие из стран СНГ и Юго-Восточной Азии [6]. По оценкам экспертов, *как минимум три четверти мигрантской занятости находится в тени*, а то и просто вне закона. В среднем 74% опрошенных указали, что получают зарплату так называемым «черным налом», т.е. без официальной ведомости, не платят никаких налогов и отчислений. Наличие тесной связи между теневой экономикой и нелегальной трудовой миграцией бесспорно.

Однако механизмы их взаимовлияния сложнее, чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, теневая экономика провоцирует нелегальную миграцию, предъявляя спрос именно на неформальный, дешевый и незащищенный труд мигрантов, поощряя их отказ от легализации своего статуса. С другой стороны, наличие большого числа нелегальных мигрантов в стране, для которых недоступна официальная занятость, стимулирует развитие и процветание теневого сектора, предоставляя работодателям постоянно пополняемый резервуар дешевого труда. Недобросовестные предприниматели, действующие в «мутной воде» российской экономики, имеют практически неограниченные возможности манипулирования как самими нелегальными работниками, так и полученными незаконными сверхприбылями. Проблема в том, что эта прибыль не попадает в карман государства.

«Экономия на зарплате» мигрантов, так же как и гораздо более существенная экономия работодателей на налогах, превращается в доход теневой экономики и ее агентов. Другим, не менее важным источником экономии для работодателя при найме мигрантов, является *непритязательность мигрантов, их пониженные требования к условиям труда и быта*. Как показывает практика, работодатели зачастую под разными предлогами отказываются платить. *Сверхурочная работа, без какой бы то ни было доплаты* – типичная практика теневой занятости. Еще одна типичная черта теневого найма – *сильная зависимость работника от работодателя* в том, что касается условий, не относящихся напрямую к трудовому процессу. Для 20% мигрантов работодатель обеспечивает питание, 37% – жилье, 12% – медицинские услуги, 5% опрошенных даже сигареты получают от работодателя. Такая практика способствует изоляции и полной зависимости работника от работодателя [5].

Организация миграции и трудоустройства осуществляется через сложившийся теневой институт. Лишь 3–5% опрошенных мигрантов получали информацию о своей будущей работе официальным порядком. Это объясняется слабостью официальных структур, регулирующих трудовую миграцию. За прошедшие с начала массовой трудовой миграции годы сложились разветвленные и гибкие сети, которые используются новыми поколениями мигрантов для организации поездок на заработки, а также для переезда в Россию на постоянное место жительства. В настоящее время более 70% мигрантов находят работу через родственников и знакомых, т.е. с помощью сложившихся неформальных мигрантских сетей, которые сейчас обслуживает 10–15% мигрантского потока. Мигранты прекрасно знают, что обращение к теневым сервисам связано с различными рисками – только 10% не видят их либо считают незначительными; около 60% считают, что существует большая вероятность быть обманутым. В целом через теневую инфраструктуру трудовой миграции проходит более 90% потока. Государственные каналы трудовой миграции и официально действующие сервисы (в том числе и негосударственные) в сумме «обслуживают» не более 5%. Около 20% опрошенных еще до выезда знали, где и кем будут работать в России. Из-за отсутствия официальных миграционных служб значительное число мигрантов обращаются за помощью в трудоустройстве к частным посредникам.

Так называемое «черное посредничество» превратилось в организованный институт теневой экономики, активно использующий отработанные схемы, – объявления в газетах и других СМИ, личную вербовку работников и т. п. Вербовка может осуществляться прямо на рабочем месте, и тогда работник передается «с рук на руки» от одного работодателя к другому, как правило, за определенную плату. Вербовка может происходить и на так называемых «невольничьих рынках», где собираются мигранты, ищущие работу. В Москве такой рынок расположен под открытым небом на Ярославском шоссе: это огромная толпа людей, состоящая из мигрантов и представителей работодателей, ищущих дешевых работников. До 2007 г. официальные данные о заработной плате трудовых мигрантов не собирались. Поскольку большинство мигрантов и сейчас заняты «по теневой схеме», вряд ли такие данные смогут показать реальную картину. Как показало исследование Международной организации миграции (МОМ), на момент опроса (июль-сентябрь 2007 года) в среднем мигранты получали около 11 тыс. рублей в месяц, что примерно эквивалентно 420 долл. США и равно средней зарплате в России (10,9 тыс. рублей по данным Росстата на сентябрь 2006 г.) [6]. Эти данные подтверждаются рядом ранее проведенных исследований. На первый взгляд, доходы мигрантов кажутся немалыми (табл. 1).

Таблица 1

Работа и зарплата мигрантов

Регион	Число часов работы в среднем в день	Число дней работы в среднем в неделю	Среднемесячная зарплата (рублей)	Сколько Вы могли бы заработать в месяц у себя на родине (долларов США)?
Москва	10,4	6,1	13337	111
Астрахань	8,9	6,4	8238	98
Карелия	8,7	6,4	8513	104
В среднем	9,6	6,3	10948	106

Источник: опрос Международной организации миграции (МОМ), 2008 г. [5].

Однако следует учитывать, что мигранты работают в среднем на 15–20 ч. в неделю больше, чем граждане России. Их рабочая неделя составляет 55–60 ч., а более чем для трети мигрантов – 70 ч. и даже больше (т.е. они работают по 10 ч. в день без выходных).

Примерно половина мигрантов считает, что им платят столько же, сколько платили бы местным за такой же труд, т.е. не отмечают какой

бы то ни было дискриминации в оплате труда, 38% опрошенных ответили, что местные работники получают большую заработную плату. 10% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Лишь 2% мигрантов считают, что их труд работодатели оценивают выше, чем труд местных работников. Но нельзя забывать, что работают мигранты за эти деньги значительно больше. Таким образом, данные опроса показывают, что расхожее мнение о мигрантах как «дармовой рабочей силе» является стереотипом, не всегда имеющим под собой реальную основу. Средняя зарплата мигрантов действительно несколько ниже. Однако разрыв не столь велик, чтобы говорить о даровом труде. Он во многом связан со структурными моментами: уровень квалификации мигрантов ниже, они сосредоточены в низовых секторах рынка труда, практически выключены из наиболее высокооплачиваемых сфер занятости (финансового, энергетики, управления бизнесом и т.п.). Лишь отчасти разрыв объясняется дискриминацией как таковой.

Важен и субъективный момент. Многие мигранты получают в России вполне устраивающие их деньги. Зарплата мигрантов в России в среднем в три раза выше, чем она могла бы быть на родине. Более 70% мигрантов считают свой выезд на работу выгодным и собираются продолжать эту деятельность. Не стоит игнорировать и гуманитарную составляющую трудовой миграции, о которой часто забывают, увлекаясь подсчетами экономических выгод и потерь. Огромному количеству населения соседних с Россией стран эта миграция позволяет достойно жить. Не будет преувеличением сказать, что она формирует средний класс этих стран, тем самым способствуя поддержанию социальной стабильности на постсоветском пространстве.

Сильные выталкивающие факторы, которые в основном носят экономический характер, являются характерной чертой современной миграции в Россию, что подтверждают данные опроса, представленные в табл. 2. Большинство мигрантов нашли в регионах прибытия то, чего они добивались: 73,5% оценили свою зарплату (доход) как очень хорошую или сравнительно неплохую. Тем не менее, весьма существенная проблема в том, что многие мигранты, особенно приезжающие на временные заработки, оказываются в положении людей второго сорта. В определенной степени это обусловлено тем, что значительная их часть по показателям

образования и квалификации относится к социальным низам, они вынуждены терпеть бытовую неустроенность, отсутствие надежных социальных гарантий существования.

Таблица 2
Основные мотивы миграции (в % к числу опрошенных*)

Мотивы	Приехавшие на заработки
Отсутствие работы	62,6
Низкие заработки	53,2
Неблагоприятный климат	3,2
Плохая экология (загрязнение окружающей среды)	1,6
Межнациональные конфликты	2,3
Отсутствие перспективы жизни	21,3
Другое	3,5

*Сумма по столбцам не равна 100%, опрос предусматривал несколько вариантов ответа
Источник: опрос МОМ, 2008 г. [4, с.79].

По данным обследования Международной организации миграции (МОМ) 2008 г., около половины опрошенных мигрантов не имели стабильной занятости на родине (были безработными, имели разовую или временную работу). До выезда на работу в РФ 40–50% мигрантов можно было отнести к группе крайне бедных, так как их доходов не хватало даже на предметы первой необходимости (т.е. на скудное пропитание, минимально необходимую одежду и т.п.) Характерным для российской трудовой миграции является то, что *65% мигрантов прибывают из бывших советских республик*, причем их численность постоянно растет. Особенно много трудовых мигрантов в 2007 г. прибыло из Узбекистана (29,9%), Таджикистана (21,7%) и Украины (18,2%), а также Киргизии (9,5%). Одна из главных причин использования иностранной рабочей силы из стран ближнего зарубежья в приграничных регионах – ее *экономическая выгодность*. Прежде всего это низкие транспортные расходы на доставку рабочей силы, а также отсутствие существенных затрат на размещение и обустройство в случае маятниковой миграции. Исследование процессов трудовой миграции в России позволило авторам статьи выделить ряд особенностей, присущих российским миграционным потокам.

Во-первых, по данным социологических исследований, большинство мигрантов (примерно 20%) приезжают на срок, не превышающий шести месяцев. Занятость таких мигрантов носит, как правило, сезонный характер. Во-вторых, трудовая миграция в Россию продолжает оставаться в значительной степени мужским занятием. В официальной статистике доля мужчин составляет 82,4%. Это связано, в первую очередь, с отраслевой структурой занятости трудовых мигрантов, поскольку 40% мигрантов работают в строительной отрасли. *В-третьих, средний возраст мигрантов – 32–33 года, причем более 75% из них моложе 40 лет.* За последние годы трудовая миграция помолодела: повзрослевшая молодежь в странах выезда (особенно в странах Центральной Азии) все чаще идет по дороге миграции, проторенной старшим поколением. Несмотря на молодой возраст, более половины мигрантов имеют собственную семью и детей. Более половины мигрантов являются единственными кормильцами в семье; при этом многие (35–40%) имеют трех и более иждивенцев. Именно безысходность, вплоть до прямой угрозы голода, заставляет многих мигрантов соглашаться на рабские условия труда в России. *В-четвертых, большинство трудовых мигрантов имеют временную занятость, в основном в частном секторе экономики.* Неэффективность управления миграцией выражается также в неспособности государств скоординировать миграционную политику и экономическую потребность в мигрантах. Большие группы мигрантов оказываются в положении нелегалов из-за того, что не могут законным путем занять рабочие места, существующие в принимающей стране. В общественно-политической дискуссии о миграционных проблемах в России преобладает негативный тон. В большинстве случаев афишируются «потери», связанные с миграцией, которые уже получили официальную численную оценку. По данным ФМС, в России на 2007 г. экономический ущерб, причиненный нелегальной миграцией в виде неуплаты налогов, составил более 8 млрд долл. в год [6]. Кроме того, ежегодно мигранты из стран СНГ вывозят из России свыше 10 млрд долл., минуя систему государственного контроля. При этом объем зарегистрированных денежных переводов мигрантов из этих стран в 2006 г. превысил 3 млрд долл. Таковы «потери». «Выгоды», которые Россия получает от миграции, фигурируют только в немногочисленных отчетах

экспертов, подчеркивающих, что мигранты производят в России не менее 8–10% ВВП [5]. *В-пятых, миграционные процессы влекут за собой изменения в социальной и демографической структуре российского общества.* Они оказывают существенное влияние на общественное разделение и уровень оплаты труда, на рынок труда в целом, на уровень социальной напряженности. К сожалению, количественные характеристики миграционного оборота крайне редко рассматриваются в органической связи с его конкретными социальными последствиями: они могут быть как позитивными, так и негативными. Так, обмен населением России с зарубежными странами характеризуется миграционным приростом для нашей страны, в 2005 г. он составил более 107 тыс. чел. [4, с.76]. В глобальном плане (в том числе демографическом) этот факт можно оценивать положительно. В частности, миграционный прирост населения компенсирует его естественную убыль, обусловленную тем, что показатели смертности многие годы преобладали над показателями рождаемости (рис.1).

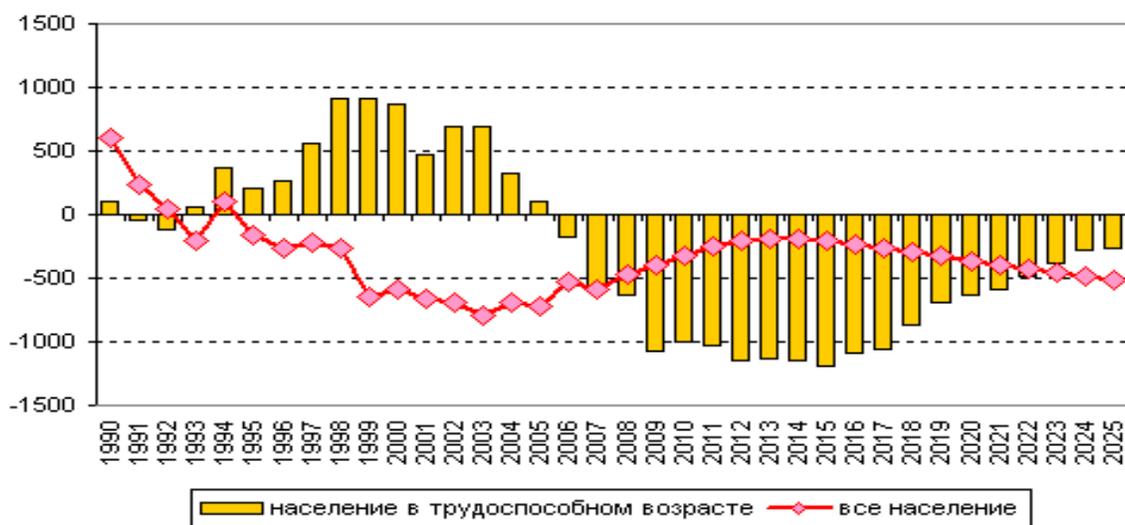

Рис.1. Изменение (прирост/убыль) общей численности населения и численности населения в трудоспособном возрасте в 1990-2008 гг. и по прогнозу на 2009-2025 гг.

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 г. Бюллетень. Росстат, 2008 [8], расчеты авторов.

Во многих регионах страны локальные рынки труда уже сейчас испытывают не только относительный, но и абсолютный дефицит рабочей силы. К 2015 г. трудовые ресурсы страны сократятся на 8 миллионов человек, а к 2025 г. – на 18–19

миллионов. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста произойдет в 2010–2017 гг., когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы будет превышать 1 млн человек. Однако если рассмотреть качественный состав мигрантов, пребывающих в Россию, по уровню образования, профессиональной подготовке, этнической принадлежности и другим показателям, то миграция выглядит проблематичной. *В-шестых*, в последнее время наблюдается *рост культурной дистанции между мигрантами и местным населением*. Они все хуже знают русский язык. *Снижается образовательный уровень трудовых мигрантов*. Большинство мигрантов имеют среднее (34%) и среднее специальное образование (30%). Среди работников, приезжающих в Россию на заработки, мигранты с неполным средним образованием (14%). Небольшой процент опрошенных отметили, что имеют высшее и незаконченное высшее образование (13 и 6% соответственно). Среди приезжих на заработки есть доля мигрантов (3%), имеющих начальное образование или не имеющих его вообще. Как следствие, мигранты все труднее адаптируются к российским условиям, и на рынке труда, и в быту, они вообще менее социально адаптивны, менее склонны пользоваться действующими социальными институтами и сервисами — правовыми, образовательными, медицинскими, национально-культурными и т.п.

В-седьмых, в последние несколько лет наблюдается возрастающая зависимость российской экономики от труда мигрантов. *Российская экономика не выживет без привлечения труда мигрантов*. Большинство экономистов убеждено, что запланированный на ближайшую перспективу экономический рост, даже при реальном повышении производительности труда, невозможен без масштабного пополнения трудовых ресурсов за счет миграции. Все категории населения, которые будут входить в трудоспособный возраст в первой четверти XXI века, уже родились, поэтому компенсировать провал за счет наметившегося повышения рождаемости невозможно. Частично восполнить трудовые ресурсы России в этот период можно с помощью мер, направленных на сокращение смертности в трудоспособных возрастах, на общее улучшение здоровья населения. Однако подобные меры, даже оказавшись сравнительно эффективными, не смогут немедленно принести осязаемый результат. Миграция более эластична, более гибко реагирует на внешние факторы, и поэтому способна дать

быстрый и масштабный ответ на вызовы ближайшего десятилетия. В течение последних нескольких лет произошли существенные сдвиги в характеристиках потоков трудовой миграции в Россию. Появилась устойчивая тенденция к увеличению доли мигрантов, приезжающих из стран Центральной Азии, охватившая практически все принимающие мигрантов регионы страны. В России среди привлекаемой рабочей силы не из стран СНГ граждане Китая составили 25%, Вьетнама – 17%, Турции – 10% [10, с.57].

В настоящее время, по официальным данным, в России трудятся 40 тыс. китайцев. Наряду с организованным импортом рабочей силы из Китая наблюдается стихийный приток мигрантов из Китая на территорию России. По некоторым оценкам российских специалистов, существует «опасность колонизации» российского Дальнего Востока и Сибири его многонаселенным соседом. Инфраструктура миграции в России развита слабо, но уже начинает развиваться. Число официально работающих в России трудовых мигрантов постоянно увеличивается. В 2007 г. оно приблизилось к 1,5 млн человек. В начале 2000-х гг. численность официально привлекаемой из-за рубежа иностранной рабочей силы не превышала нескольких сотен тысяч человек и составляла не более 5% всех трудовых мигрантов, то во второй половине десятилетия под влиянием произошедшей либерализации миграционной политики наметилась *явная тенденция к увеличению легальной составляющей миграции*. Таким образом, прежде всего меры социально-экономической политики, направленные на вывод из тени значительной части экономики, в частности тех секторов, где заняты мигранты, могут существенно ограничить «прибыль» теневых работодателей.

Это приведет к тому, что местные работники начнут претендовать на те рабочие места, которые раньше были «серыми», а у работодателей, отказавшихся от теневого найма, уже не будет такого сильного стимула нанимать мигранта при наличии местного работника.

В общественно-политических дискуссиях миграция все чаще обсуждается с точки зрения прав человека. Однако неспособность (или неготовность) большинства принимающих государств принять на себя ответственность за соблюдение на своей территории прав мигрантов очевидна. Показательно, что Конвенция ООН 1990 г. «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» за 12 лет с трудом набрала

необходимые 20 ратификаций и вступила в силу только 1 июля 2003 г. Большинство развитых стран (в том числе и Россия) так и не ратифицировало эту Конвенцию, что говорит об их неготовности к расширению легитимного пространства трудовой миграции. Таким образом, существующий миграционный режим содержит в себе механизмы, которые порождают и постоянно воспроизводят отношения эксплуатации.

Проблемы, которые несет с собой международная миграция рабочей силы (в особенности нелегальная ее составляющая), привели к созданию системы межгосударственного регулирования. Регулирование международной трудовой миграции между странами СНГ осуществляется: 1) в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов, вступившим в силу в России с 1 сентября 1995 г. (трудящиеся-мигранты пользуются социальным страхованием и социальным обеспечением (кроме пенсионного) согласно действующему на территории стран СНГ законодательству); 2) путем заключения двухсторонних межправительственных соглашений (между Россией, Арменией, Беларусью, Киргизией, Молдавией, Украиной) [5].

Противоречивость последствий миграционных процессов, а именно – их демографическая и экономическая полезность, с одной стороны, и социальная и социокультурная угроза, с другой, требуют адекватных научно обоснованных управленческих решений. В контексте социологии миграционные процессы в России в ряде случаев выступают как источник кризиса, фактор, угрожающий целостности и устойчивости отдельных социальных общностей, а при определенных условиях общества в целом. Цель политики по разрешению кризисов миграции состоит в разработке и реализации мер по снижению экономических и демографических угроз, социальной защите мигрантов. Создание такого механизма регулирования миграционных процессов позволяет вывести миграцию из тени и учитывает социальные особенности принимающего населения, специфику его отношения к мигрантам. Миграционная политика в России базируется на целом ряде законов, подзаконных актов и других нормативных документов федерального и регионального значения. В январе 2007 г. были внесены изменения миграционного законодательства, направленные на легализацию

миграционных процессов, а также на смягчение демографических и экономических угроз, защиту принимающего населения от социальной и социокультурной опасности.

Кроме того, втягивание мигрантов в «белую» экономику *может повысить нагрузку на социальные системы многих регионов*, в частности на государственную систему социального обеспечения, которая сегодня минимальна в связи с преобладанием теневой занятости. Упрощение правил въезда на территории России и трудоустройства мигрантов, безусловно, приведет к росту миграционных потоков и их бесконтрольному распространению. Эксперты утверждают, что это больно ударит по принимающему населению, в первую очередь центров миграционного притяжения (Москва, Санкт-Петербург, Дальний Восток, пограничные районы России). Миграционное «перенаселение» может привести к росту социального напряжения, усложнению взаимодействия мигрантов с коренным населением, а также к очаговым конфликтам и даже открытому противостоянию [3, с. 83]. Невозможность ФМС в большинстве случаев отказать мигранту в разрешении на работу по запрошенной специальности может привести к тому, что мигрант получит место, даже если по этой специальности стоит очередь из коренного населения. Такой порядок может привести к снижению качества жизни принимающего населения, а также обусловить рост неприязни к мигрантам. В условиях же существующей социальной и социокультурной угрозы последствия реализации новых законов будут способствовать углублению кризиса взаимоотношений принимающего населения с мигрантами. Новое миграционное законодательство требует существенной доработки с учетом особенностей принимающего населения и его отношения к мигрантам. Законы, направленные на привлечение мигрантов, должны содержать меры по снижению уязвимости принимающего населения к негативным последствиям нововведений. Несмотря на принятие в последнее время ряда законов, законодательство о трудовой миграции развивается недостаточно систематично, и проблема трудовой миграции в России находится в центре внимания государства и общественности.

Вполне возможно, *реализация следующих мер, предлагаемых авторами данной работы*, усовершенствует миграционное законодательство и сделает его более эффективным: 1) усиление ответственности за правонарушения и преступления, связанные с незаконным привлечением к трудовой деятельности на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства; 2) совершенствование трудового законодательства по правовому регулированию трудовых отношений с участием иностранных граждан, иностранных работодателей; 3) разработка системы штрафных санкций, а также организация общественных работ в пользу государства для мигрантов-нелегалов. Законодательство играет большую роль, но немаловажным является и субъективный фактор. Определяющее значение для адаптации мигрантов имеет формирование у местных граждан толерантного, доброжелательного отношения к проживающим и работающим в стране на законных основаниях мигрантам, соблюдающим законы данной страны и нормы общежития с учетом региональных особенностей. Учитывая, что международная мобильность людей в поисках трудоустройства в условиях глобализирующегося мира будет только возрастать, «странам исхода» и «странам назначения» трудящихся-мигрантов необходимо проводить всестороннее, эффективное и справедливое управление трудовой миграцией, так называемым «новым» кочевничеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Migration Policy Issues. IOM. 2004 №2. March.
2. Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy/International Labor Organization. Geneva, 2004.
3. Алешковский, И.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире / И.А. Алешковский, В.А. Ионцев // Век глобализации. – 2008. – №2.
4. Бойков, В.Э. Социальные аспекты миграции населения / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2007. – №12.
5. Интернет – источник: Россия будет все сильнее зависеть от труда мигрантов // www.polit.ru.
6. Интернет – источник: Трудовая миграция в России // www.strana-oz.ru.

7. Пушная, О.А. Тенденции трудовой миграции на постсоветском пространстве / О.А. Пушная // Сб. тез. междунар. конф. «Дни Петербургской философии – 2009». Человек как объект глобальных процессов. – СПб., 2009. – С.239.
8. Российский статистический ежегодник – 2008. – М., 2008.
9. Тюрюканова, Е. Современный миграционный режим и его особенности в России / Е. Тюрюканова; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля // Методология и методы изучения миграционных процессов. – М., 2007.
10. Шлыкова, Е.В. Социальная приемлемость нововведений миграционного законодательства / Е.В. Шлыкова // СОЦИС. – 2008. – №3.

Е.А. ЛАРИЧЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

*Исказилась наша планета,
Я во сне или сон во мне?
Как ни крути, чего-то главного нету
В облачной стране.*

Олег Медведев «Исказилась наша планета»

Под *экономическим ростом* понимается рост валового внутреннего продукта (ВВП) или чистого национального продукта (ЧНП) на душу населения за некоторый период времени [10, с. 380].

На протяжении всей задокументированной истории человечество было ориентировано на рост, стремясь увеличить своё благосостояние, уровень жизни, облегчить условия своего труда, ведь «растущая экономика обладает большей способностью удовлетворять новые потребности и решать социально-экономические проблемы как внутри страны, так и на международном уровне» [10, с. 381]. Однако «с 2000 г. до н.э. и до начала XVIII в. уровень жизни среднего жителя в центрах цивилизации значительно не изменился», что объясняется «нехваткой важных технических новшеств и неспособностью накапливать капитал» [9]. С XVIII в. жизнь начинает стремительно меняться. Сотни лет христианского миссионерства, религиозные и захватнические войны сыграли сближающую роль в развитии человечества. Идеи итальянского Возрождения XIV-XVI веков, открытие новых земель и ряд других факторов постепенно изменили мировоззрение европейцев, дав импульс к новым желаниям и

стремлениям, в результате чего наступила эпоха науки и научно-технических изобретений. Начался рост экономики (рис. 1). Нынешняя экономика направлена на поиск и создание новых потребностей потенциальных потребителей и последующее их удовлетворение. Экономический рост выгоден прежде всего государству, ибо оно стремится к самоукреплению.

На основе устоявшихся методов и традиционных источников получать устойчивые высокие результаты и повышать эффективность производства невозможно. В таких ситуациях в хозяйственной деятельности неизбежно наступает застой, а в социальных процессах – напряжение. Поэтому современный тип экономического роста связан с изменением его источников, с переходом к преимущественно интенсивным факторам роста. Высокие конечные результаты достигаются не благодаря притоку в производство дополнительных природных ресурсов, сырья, материалов, а благодаря переводу его на трудосберегающие, фондосберегающие и материалосберегающие технологии, достижениям научно-технического прогресса [7].

Рис. 1. Сущность экономического роста [10, с. 381-392]

Однако Дж.М.Кейнс ещё в 1931 г. отмечал такое негативное последствие экономического роста, как технологическую безработицу, возникающую потому, что скорость, с которой внедряются трудосберегающие технологии, превосходит способность находить новое применение высвобожденному труду [9]. И всё же, чаще всего только доступность большого количества лучших по качеству ресурсов, включая технологический потенциал, позволяет увеличить производство реального продукта. Для обеспечения максимально возможного экономического роста требуется не только максимальное задействование имеющихся ресурсов, но и наиболее качественная их утилизация (их использование и распределение таким образом, чтобы получить максимальное количество полезной продукции) [10, с.381].

Однако среди источников роста существует как минимум один, который не позволяет рассчитывать на бесконечный рост. Это

природные ресурсы. Пределы человеческому развитию (в его нынешней форме) ставит сама природа. Для запасов отдельных элементов, минералов, горных пород существует свой предел истощения. По некоторым оценкам, при современных объемах энергопотребления разведанных запасов органического топлива на Земле хватит примерно на 150 лет, в том числе нефти – на 35, газа – на 50 и угля – на 425 лет (точка отсчета – 1990 г.) [14]. Казавшиеся бесконечными запасы могут подойти к концу либо их добыча будет слишком затратной (рис. 2), либо слишком вредной с экологической точки зрения [4]. На сегодняшний день лишь 10% энергии, используемой людьми, составляет возобновляемая энергия. Все остальное человек получает из недр в виде нефти, угля, газа, запасов радиоактивных материалов [5].

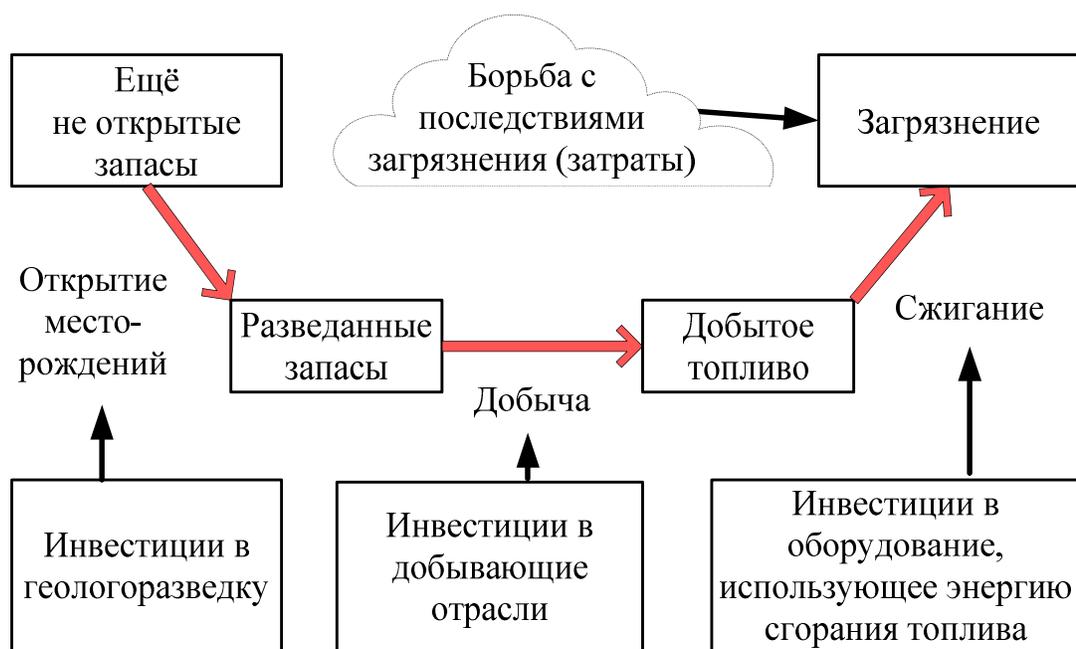

Рис. 2. От ещё не открытых запасов минерального сырья и топлива к загрязнению [11, с. 116]

А какой объём населения способна прокормить Земля? По мнению ряда исследователей [5], численность составляет около 500 млн чел. Именно такая численность населения при нынешнем уровне потребления достаточно долго может существовать, не вступая в конфликт с природой. Но нас, людей, гораздо больше. По данным [11], человечество уже вышло за пределы самоподдержания Земли и уже расходует примерно на 20% больше, чем допускает уровень

самоподдержания. Численность населения и экономика выходят за пределы, если начинают расходовать ресурсы или производить выбросы в окружающую среду со скоростью, не соответствующей потенциальной емкости среды, и при этом реакции извне недостаточны для того, чтобы вынудить человечество уменьшить потребление ресурсов и производство отходов [11, с. 199]. Численность населения мира с начала промышленной революции растёт экспоненциально.

Поддержание жизненного уровня хотя бы на уровне нищеты требует всё большего числа ресурсов. Объём производства также растёт экспоненциально. Экспоненциально вследствие этого растёт концентрация загрязняющих веществ, к примеру, диоксида углерода в атмосфере – одного из парниковых газов. Результатом этого явилось глобальное потепление. Богатые страны нацелены на рост, ибо он повышает их благосостояние. Для бедных это единственный способ выбраться из нищеты. В результате можно представить следующую петлю взаимного усиления, направленную на рост (рис. 3).

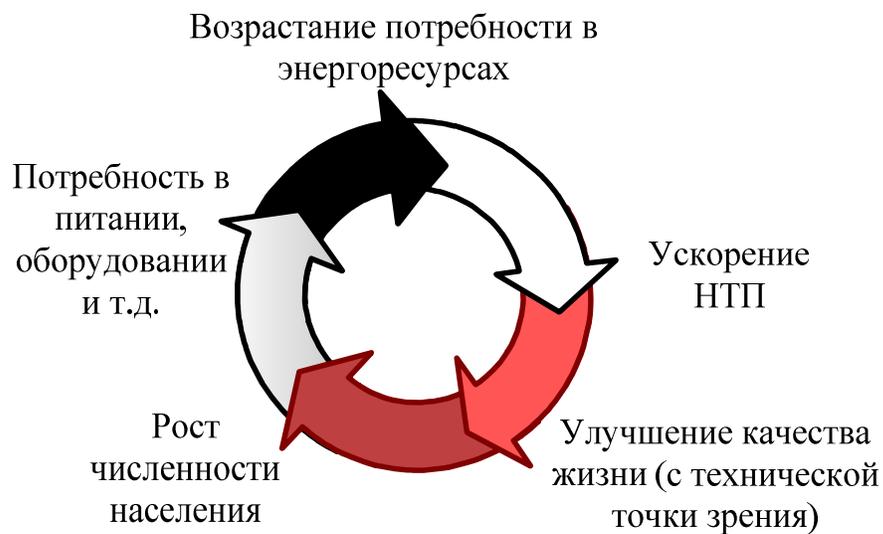

Рис. 3. Петля взаимного усиления «Потребность в ресурсах»

Однако этот рост ограничен возможностями планеты (рис. 4).

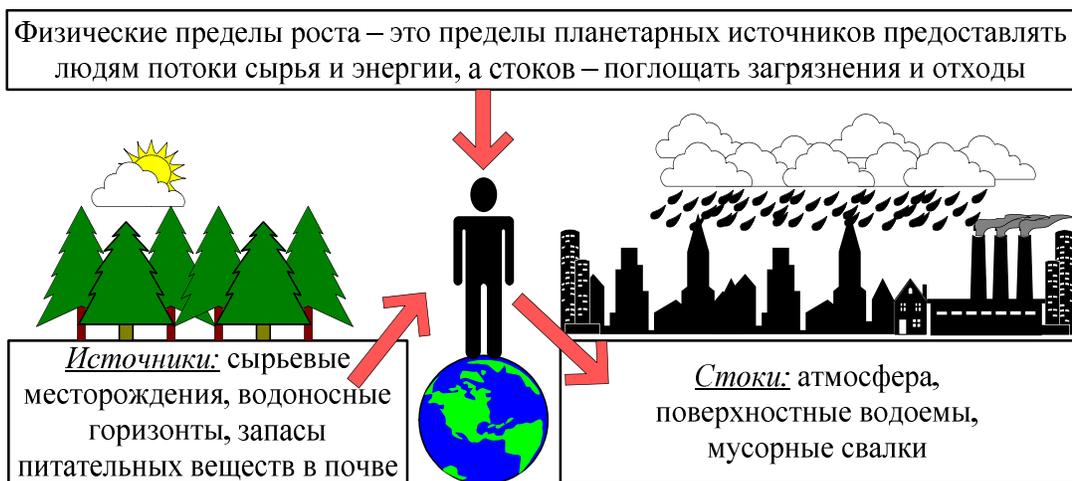

Рис. 4. Физические пределы роста

Расширяя свою деятельность, человек неизбежно теснит дикую природу. Сужаются или вообще исчезают ареалы обитания ряда биологических видов, отравляется окружающая среда.

Д.Медоуз, Й.Рандерс, Д.Медоуз [11, с.38,76] полагают, что существующие темпы использования ресурсов вовсе не являются необходимыми для поддержания достойного уровня жизни всех людей на планете. Нагрузку на окружающую среду вполне можно ослабить за счет изменения норм потребления, применения ресурсосберегающих технологий. Если нагрузка превышает пределы устойчивости, обязательно должен произойти спад: либо будут приняты целенаправленные меры (например, будет резко увеличена экологическая эффективность технологических процессов), либо природа позаботится об этом сама (например, когда леса будут полностью сведены, производство древесины, естественно, прекратится).

В любом случае человечеству следует пересмотреть свою политику потребления, ибо только от него зависит, когда произойдет спад, и в какой форме он будет выражаться. Если этого не сделает человек, природа сама выберет финал, при этом ее не будет заботить уровень благосостояния людей. Близость исчерпания ресурсов заставляет задуматься об альтернативных источниках энергии, более дешевых и экологически чистых материалах. В бедных странах всегда собирали и использовали вторичное сырьё, поскольку источников первичного сырья было мало. Богатые страны из-за истощения источников вынуждены заново учиться переработке и использованию вторсырья [11, с.128].

Бедные ресурсами страны, имеющие достаточно средств для их закупки, например Япония, вынуждены искать менее затратные технологии. Как писал основатель компании Sony А.Морита [12, с.124], «у Японии нет никаких природных ресурсов, кроме энергии народа, у нас нет иной альтернативы». Благодаря достаточно низким ценам на сырьё, притоку дешевой, но достаточно образованной рабочей силы из сельского хозяйства (до 70-х гг.), послевоенная Япония наращивала темпы промышленного производства, поднимала разрушенную промышленность и выходила на зарубежные рынки [13], на сегодняшний день став одной из влиятельных мировых держав. Сейчас в Японии приглядываются к альтернативным способам получения энергии, чтобы менее зависеть от поставок ресурсов из других стран.

Человек вынужден искать новые пути получения энергии для своей жизнедеятельности. Но ограниченность природных ресурсов не единственный фактор, влияющий на экономический рост. Человеческие возможности – так же сильный ограничитель. В современном мире, когда большая часть населения сосредоточена в городах, неизбежно возникают пределы для самого человека (рис. 5).

Рис. 5. Проблемы, связанные с жизнью в городе

Обилие информации и её доступность дезориентируют человека. Не каждый способен эффективно с ней работать, отфильтровывая ненужные знания. Как писал М.Г.Делягин, «масштабы восприятия начинают устойчиво превышать возможности сознания, и традиционные способы познания (прежде всего, логическое мышление) начинают давать систематические сбои» [6, с.59]. Как следствие этого, люди легче поддаются манипуляции, ибо становятся не способны критически оценивать некоторые факты. Изменяются подходы к образованию. Наступает эпоха узких специалистов, воспринимающих реальность фрагментарно. Снижается важность познания в пользу роста важности коммуникаций. Вследствие этого люди становятся более эмоциональными, поддающимся провокациям, чем с удовольствием пользуются специалисты в области рекламы и пиара. Трансформируется человеческая психология. Люди жаждут ярких эмоций, ощущений, но, благодаря новым информационным технологиям, быстро получив их, так же быстро привыкают, пресыщаются, не испытывая продолжительного чувства радости. Спрос на новое, необычное рождает предложение. Производители из всех сил разрабатывают уникальные товары и предлагают услуги, тем самым способствуя экономическому росту...

Современное общество теряет свою однородность: возникают субкультуры, ширятся противоречия в политических и религиозных взглядах. В связи с непрекращающейся урбанизацией, вынужденные проживать бок о бок люди, страдая от нехватки личного пространства, становятся более агрессивными и нетерпимыми друг к другу. Чтобы смягчить негативные эффекты, не допустить их превращения в открытый конфликт, требуется прежде всего изменить отношение населения к указанным проблемам, т.е. уделять время воспитанию социальной ответственности и экологическому воспитанию. Речь идёт не только об экологии окружающей среды, но и об экологии взаимоотношений. Только от самого человека зависит качество его жизни. До сих пор качество жизни измеряют через уровень жизни, уровень потребления. Потребление и материальное благополучие рассматриваются как определяющая сторона качества жизни. Современные исследователи качества жизни считают, что оно в первую очередь определяется духовностью, ведь она «есть определяющее условие жизни человека и человечества» [8].

Духовность рассматривается как системная целостность, которая выражается через сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество природной среды, качество здоровья популяции, качество образования, качество культуры [3; 8]. Экономика, политика, техника – средства выражения качества жизни. Степень зрелости человечества определяется тем, насколько качество жизни становится определяющим фактором развития. Качество бытия включает духовную жизнь, развитость интеллекта, нравственных и эстетических качеств, высокую степень ответственности за результаты жизнедеятельности [1; 2; 8]. Только осознанность и духовность помогут человечеству удержаться в пределах, установленных ему природой, и при этом продолжать эффективно развиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойцов, Б.В. Философия качества. Качество жизни / Б.В. Бойцов // Стандарты и качество. – 1997. – № 8. – С. 28–30.
2. Бойцов, Б.В. Философия качества. Качество жизни / Б.В. Бойцов // Стандарты и качество. – 1997. – № 9. – С. 38–42
3. Васильев, А.Л. Стандартизация для всех / А.Л. Васильев. – М., 2000. – С. 45.
4. Глобальные проблемы человечества <http://alligator.myl.ru/publ/14-1-0-176>.
5. Данилов-Данильян, В.И. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России / В.И.Данилов-Данильян, К.С.Лосев, И.Е.Рейф. – М., 2005.
6. Делягин, М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М. Делягин. – М., 2008.
7. Ермишин, П.Г. Основы экономической теории / П.Г.Ермишин. – <http://www.aup.ru/books/m63/15.htm>
8. Жалина, А.В. Экономический анализ качества жизни: монография / А.В. Жалнина, Б.И.Герасимов; под науч. ред. Б.И.Герасимова. – Тамбов, 2006.
9. Кейнс, Дж.М. Экономические возможности наших внуков / Дж. М. Кейнс // Вопросы экономики. – 2009. – №6. – С. 60-67.
10. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М., 1993. – Т. I.
11. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз, Й Рандерс, Д. Медоуз. – М., 2007.
12. Морита, А. Сделано в Японии / А. Морита. – М., 1990.
13. Экономика Японии. Этапы развития японской экономики - <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/japan.htm>.
14. Энергетическая проблема - http://www.globaltrouble.ru/energeticheskaya_problema/energeticheskie_problemy_rossii.html.

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОГЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННЫХ ФОРМ ЖИЗНИ

Во всех индустриально развитых странах мира под воздействием научно-технической революции значительно возросли производительные силы общества, произошли революционные изменения в сфере коммуникативно-информационных технологий. Информатизация общества на основе последних сопровождается появлением новых отраслей производства, новых направлений в научных исследованиях и внедрением их результатов, значительными преобразованиями на основе этого во всех сферах материальной и духовной жизни общества. Она представляет собой объективный мировой процесс, вызванный ростом общественного производства, усилением его кооперации, ростом номенклатуры и сложности выпускаемой продукции, разделением труда, углублением социально-экономических процессов в общественном развитии. Вместе с тем, теоретики информационного общества не учитывают всей сложности современных социально-природных и техногенных процессов, рассматривают перспективы общественного развития в отрыве от всего комплекса развития жизни на планете Земля, игнорируют начавшийся переход жизни от естественных, биосферных ее форм к искусственным, техно-ноосферным, по сути постбиосферным.

Сегодня мы можем уже сказать, что информатизация представляет собой не просто использование в широких масштабах информации, и прежде всего научной, внедрение компьютерных и иных информационных технологий во все области производства и общественной жизни, а органическое «вживление» в социальный и даже формирующийся социоприродный организм земной жизни информационных технологий и техники нового поколения.

Принимая во внимание возрастающую интенсивность потребления информации во всех сферах жизнедеятельности информатизирующегося общества, необходимо отметить, что общество является весьма насыщенным техносферными объектами, научно-техническими и технико-технологическими системами, техногенными процессами и их взаимосвязями, а также техногенно измененными элементами биосферы. Все эти новые структурные элементы не только социально возвышают человечество над земной природой, но и несут опасность для биосферы и биосферной жизни в целом, включая трансформацию, деградацию и усиление искусственности человеческого организма и другие негативные

процессы и проблемы.

Современное общество представляет собой сейчас сложную техногенную социоприродную систему. Философы все чаще обращаются к понятию «техногенное общественное развитие», выясняя в то же время направленность эволюции не только социума, но и всего земного мира. В отличие от прежних концепций теория техногенного общества строится на социоприродном подходе к развитию общества и биосферы, поскольку в ходе эволюции коренным образом изменяется общественный организм, который перестраивает прежнюю систему биосферы и биосферной жизни, изменяя и самого человека. Характерные черты техногенного общества – его ускоряющееся развитие на базе научно-технического прогресса и формирование техносферы как искусственного предметного и электромагнитного мира и основы будущей общественной и природной жизни на планете.

При этом происходит постепенная передача доминирующих и развивающих земной мир функций от биосферы социуму, его социальным институтам, информационно-техническим и иным системам. Общество не просто глобализируется в мировом масштабе, а качественно изменяется, становится *информационно-техногенным* (Е.А. Дергачева), оно переподчиняет в ходе своего эволюционного развития биосферу и, к сожалению, уничтожает ее, формируя научно-технологическим способом производства уже постбиосферный живой мир [5].

В эволюции и трансформации биосферы и природы все большую и большую роль играют непосредственно процессы информатизации. Информатизация представляет собой особый социально-исторический процесс, который ведет к новому состоянию общества, предельно техногенному по своей обобщающей характеристике. На планете образуется глобальное сетевой информационно-коммуникационное пространство, в рамках которого происходит объединение экономических, производственных, научно-технических, культурных, экологических и других процессов в единое социотехноприродное целое.

Одной из основных и острейших проблем, вызванных современным развитием, является нарастающая противоречивость между естественным и искусственным мирами, усиливающееся разрушение биосферы и замещение ее техносферой. Нарастающее техногенное давление на биосферу и жизнь человечества, ставшее не только заметным, но и критическим к началу XXI века, требует

теоретического анализа процессов формирования искусственной среды (в том числе и информационной) и всей цепи социокультурных, экологических и многих других противоречивых последствий такого давления.

На наш взгляд, *вывод искусственного на качественно новый уровень* реализуется посредством возрастающего влияния процессов информатизации и информационных технологий и ускоряющегося разрастания инфосферы на техногенное общественное развитие. Современная планетарная цивилизация немыслима без информационно-технических средств обеспечения человеческой жизнедеятельности, пронизывающих все стороны существования людей – от производства до быта. Как отмечает Э.С. Демиденко, на планете формируется техно-ноосфера как новая постбиосферная реальность, приходящая на смену миру естественному. Это будет, скорее всего, мир «постбиосферный», в котором природа изменяется в соответствии с утилитарными потребностями человечества и даже сам человек становится существом «биотехносоциальным», то есть человеком интегрированным с техникой и техносферой, а следовательно, – «постчеловеческим» [3, 35-38; 4, 12-20]. По мнению Б.Г. Юдина, «биотехнологическая революция приводит к тому, что будущее человечества оказывается открытым, непредзаданным и в решающей мере зависит от наших нынешних решений и действий» [10, 466]. Пути же в постбиосферный мир во многом прокладывает информатизация общества, его социоприродных и биотехнологических процессов.

При анализе любого явления, с точки зрения благотворности для человека или враждебности ему, мы предполагаем обнаружение как позитивных результатов, так и негативных последствий. Процесс деятельности человека не является исключением: сотворение искусственного мира может, помимо несомненной пользы, стать причиной негативных для жизни тенденций. *Основная роль информационного аспекта в формировании постбиосферной искусственной жизни, на наш взгляд, состоит в том, что в процессе информатизации мы создаем искусственные электрические и электромагнитные поля, средства обработки и передачи информации, различного рода информационные и иные технологии и, наконец, распространяем научную и иную информацию, на основе которой проектируем и строим различные искусственные объекты.* Информатизация связана с развитием современных телекоммуникационных средств связи, распространением

компьютеризированных информационных сетей, технологизацией интеллектуальной деятельности и возможностью генерации знаний, решением сложных технологических теоретических и практических задач с помощью компьютерных систем (т.е. выступает в качестве особой стадии эволюции техносферы). Следствием интенсификации процессов информатизации является повышение уровня развития человеческого потенциала, образованности и информированности людей, ускорение экономического и социального прогресса техногенных общественных систем, наиболее активно вовлеченных в информационную индустрию.

На наш взгляд, анализ *влияния информатизации на развитие форм постбиосферной, искусственной жизни можно представить по следующим основным направлениям*: 1) создание на основе биосферных живых организмов постбиосферных организмов при помощи клеточных и генетических комбинаций (ноосферизация биоприроды); 2) формирование на основе интеграции человека как биосоциального существа и техносферы – биотехносоциального, постбиосферного человека; 3) формирование в ходе социоприродного развития и уничтожения биосферы глобальной социотехноприродной системы, в границах которой эволюционируют техногенный социум, биологические биосферные и постбиосферные существа и земная природа; 4) создание на основе небиологических материалов различных видов и форм искусственного интеллекта; 5) формирование искусственной среды обитания человека.

Рассмотрим их более подробно.

1. *Создание постбиосферных, искусственных растений, животных и микроорганизмов путем технологического комбинирования на основе биосферных организмов*. По выражению В.А.Кутырева, «революция миров» (естественного и искусственного), наиболее ярко проявившаяся в середине XX века, превысила сферу естественных, биосферных форм жизни, стала определяться мощью наукотехники и инфосферы [6]. По данным А.П.Назаретяна, за время социальной истории человечества «биосфера потеряла более 50% видового разнообразия, многие биоценозы исчезли безвозвратно» [8, 117]. Информационные технологии совместно с биоиндустрией способствовали биотехнологизации многих отраслей производственной деятельности человека. Как отмечает Е.А. Дергачева, «теперь стало возможным вносить биоприродные изменения на клеточном уровне, не прибегая к помощи природы. Особый практический интерес представляет введение в геном

животных и растений различных генных конструкций, в том числе генов других животных и человека, генов растений и микроорганизмов, а также совершенно новых сочетаний генов, не имеющих аналогов в природе» [5, 172-173]. Так, на базе нескольких биосферных сортов орхидеи выведено свыше 30 тыс. новых, на основе организмов волка и шакала - около тысячи пород собак, разворачивается и создание генно-модифицированных растительных и животных организмов и т.п.

2. *Формирование биотехносоциального, постбиосферного homo sapiens и постбиосферных разумных существ.* В настоящее время активно ведутся исследования по вопросам интеграции биосферной человеческой жизни и техносферы с целью активизации человеческого организма, или же замены функциональных и других органов, вышедших из строя в результате болезней.

Вторжение биокомпьютерных систем и биотехнологий в человеческую телесность носит противоречивый характер. С одной стороны, решение целого ряда проблем, на которые невозможно было ответить вследствие ограниченных возможностей человеческого организма. Информационные технологии позволили компенсировать человеку психофизиологическую ограниченность своего организма в ряде направлений, становится возможным новая техника протезирования, основанная на создании смешанных систем, состоящих из биологических и механических частей. С другой стороны, необходимо осознавать, что человек поставил самого себя на порог нового этапа эволюции, переступив который он может перестать быть естественным, биосферным человеком.

Как показывают исследования российских и зарубежных специалистов, существенный вклад в потери здоровья вносят аппаратные средства информатизации, используемые для передачи информации электромагнитные поля. Потери зрения, опухоли мозга, проблемы с памятью и сном, депрессия, болезнь Альцгеймера – это далеко не полный перечень в потерях здоровья.

В свою очередь, биотехнологии (в совокупности с информационными) открывают большие возможности целенаправленной биотехнологической трансформации человеческого тела уже в XXI веке, о чем пишет Ф. Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее» [1]. Более того, он даже рассматривает сценарии формирования постчеловеческого существа на основе достижений биотехнологической революции. Он обращает внимание на использование знаний о мозге и биологических основах

человеческого поведения, нейрофармакологии в манипулировании эмоциями и поведением, определении человеческой жизни, развитии генной инженерии для всевозможных телесных изменений. Биотехнологическое вторжение в биосферную природу человека, как подчеркивает Е.Н. Гнатик, «...грозит возможным вырождением и деградацией»[2, 115], поэтому нужны исследования многих наук, изучающих и имеющих отношение к проблематике человека. Биотехнологии и информатизация могут так изменить человека, что его уже нельзя будет назвать биосферным. Как подчеркивает В.И. Кудашов, постчеловек (posthuman) представляет собой модифицированного человека по умственным и физическим возможностям до такой степени, что его трудно уже будет назвать обычным человеком [5, 709].

3. *Формирование глобальной социотехноприродной системы.* В ходе техногенного общественного развития не только формируется социотехноприродный социум, но он трансформирует земной мир, переподчиняет и уничтожает биосферу, принимая на себя ее творческие функции. Более того, социум укрепляется, разрастается, превращаясь в социотехноприродную систему, в границах которой развивается человечество и биоприрода, опираясь на техногенную подсистему и остатки биосферного мира. Д.Л. Путинцев называет ее социотехноприродной суперсистемой, объединяющей «усложняющийся социум, техносферу (как неживой искусственный мир), социализированную и все более и более воспроизводящую обществом живую природу...». И далее он подчеркивает, что в новых условиях «особую роль в формировании новой для планеты суперсистемы играют информационно-коммуникационная революция с ее технологиями и информатизация всех сторон общественной системы. С одной стороны, информатизация приобретает огромное значение в области ускорения обмена информацией, распространения современных знаний и создания на этой основе современных технологий и техники, а также удовлетворения потребностей людей в развитии своего сознания, приобретения профессии и общения. С другой стороны, информационная инфраструктура является составной частью разрастающейся на планете техносферы, ее инфосферы, своеобразной глобальной интеллектуально-информационной системой» [9, 421].

Развивающаяся информационная инфраструктура в постбиосферной системе земной жизни представляет собой специфическую управляющую «нервную систему», которая будет

соответствовать сверхсложности будущей виртуально-интегрированной земной реальности, ее постбиосферной жизни. Среди многофункциональных, становящихся сейчас систем можно выделить Интернет и базирующиеся на его основе технико-технологические системы: GRID-вычисления, мобильные системы связи GPS и CDMA с высокоскоростными каналами доступа к данным (WiFi, WiMax, 3-G сервисы), системы спутниковой навигации и геопозиционирования (GPS, ГЛОНАСС). Безусловно, речь идет не о том, чтобы отказаться от глобально-инфраструктурных систем, а найти такие варианты (модели), которые способствовали бы устойчивому развитию человечества и биосферной природы, «оптимизации взаимоотношений естественного и искусственного в современном развивающемся мире» [9,422].

4. *Активные разработки в области искусственного интеллекта.* Возможности создания искусственного интеллекта как научное направление занимается исследованием интеллектуальной деятельности человека, которая подчиняется, как отмечает И.М. Макаров, заранее известным законам и связана с «поиском решений, действий, закономерностей в новых, нестандартных ситуациях» [7, 139]. Исследования в области искусственного интеллекта имеют своей целью создание интеллектуальных роботов, способных не только автономно решать задачи, поставленные человеком, но и самостоятельно изменять свои действия для достижения целей. В целом, создание искусственного интеллекта будет способствовать не только быстрому решению сложных задач, но и постепенному переключению с человека на «мыслящий объект» функций логического мышления и контроля над принятием решений. В то же время необходимо отметить, что *с развитием искусственного интеллекта многократно возрастает угроза существованию человечества.*

Эти и многие другие факты говорят о начавшейся интеграции биосферы, социума и человека с техносферой как определенных частей естественного и искусственного миров. При сохранении таких тенденций уже в начале первой четверти нынешнего тысячелетия на планете может начаться социогенетическая замена биосферного человека техносферным (способным работать и жить только в техносфере с включением в тело технических и химических неббиосферных веществ), поскольку человек подвергается сейчас интеграции с техносферой и его организм наполняется искусственными веществами и органами.

Прогрессирующие социальные потребности современного человечества, особенно навязываемые СМИ, являются неизбежной предпосылкой отдаления человека от биосферной биоприроды и формирования «нового постчеловечества», интегрированного на основе «био», «социо» и «техно». Информатизация биотехнологических процессов может привести к тому, что современные биотехнологии изменят природу человека и таким образом могут привести нас в «постчеловеческую» стадию развития. Искусственная жизнь не только создается по законам разума, на базе сочетания биологических и небιологических материалов, но и она сама создает самотворящуюся культуру нового типа, которая принадлежит уже к миру постчеловеческой цивилизации. И если сейчас такая жизнь поддерживается человеческим разумом, то завтра, возможно, и постбиологическим, сотворенным из небιологических материалов.

Такая перспектива создания искусственной жизни несет в себе угрозу существованию на планете биосферного человека и создает неразделимую смесь очевидных благ и пока трудноуловимого вреда. Исправляя недостатки и патологии человеческого организма, завтрашние люди будут воспроизводить детей не по законам биосферной природы, а по рациональным требованиям элиты и ее воображения и таким образом создавать культурные ценности будущего глобального техно-ноосферного общества с точки зрения творения качественно нового состояния биожизни. Следовательно, создаваемый мощью наукотехники интеллектуально-рациональный мир сопровождается коренной планетарной трансформацией всего типа Жизни.

Человек, уничтожая живое, не замечет того, что это живое является частью и его же организма, простирающегося на всю биосферу, поскольку биосфера является живым целым особого рода – планетарного, исторически формирующегося около 4 млрд. лет и развивающегося как единое целое. Любые устойчивые изменения в местообитании *homo sapiens*, его образе жизни вызывают изменения в структуре биологического и социального самого человека. Поэтому возникают определенные проблемы в представлениях о мере изменений, произошедших за время естественной эволюции человека, поскольку достаточно сложно представить существование грани, за которой «техногенные» изменения естественного мира приводят к миру *постбиосферному*, то есть постестественному – техногенно-биосферному как переходному к техно-ноосферному. Эти вопросы и

проблемы современной эволюции биосферы еще предстоит исследовать философии и науке, поскольку стремительная гибель биосферы разворачивается на наших глазах. Тем не менее очевидно, что техника (в том числе и информационные технологии, включая искусственные электромагнитные волны) уже сегодня представляет собой составную часть не только общественного организма, но и человека, продолжение его биологических органов как исторический момент, когда природно-биологическая структура человека заменяется интегрированной из «био», «социо» и «техно», или естественного и искусственного.

Исследования в области искусственной жизни, возможно, приведут к тому, что в будущем компьютерные технологии будут обладать основными свойствами биологического организма, а компьютерные сети напоминать автономную нервную систему живого организма, которая управляет важнейшими жизненными функциями.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, основной тенденцией современной социоприродной эволюции является достаточно быстрое и нарастающее *становление искусственного глобального бытия* как единства социотехноприродного общественного организма, его информационно-ноосферной культуры, техносферы как искусственного вещественного и электромагнитного миров и трансформированных на основе биотехнологий живых биосферных организмов. Информатизация способствует тенденции быстрого параллельного сокращения мира естественного на планете.

Во-вторых, информационно-техногенное преобразование поверхности планеты, разрастание ее искусственной оболочки органически связаны с перестройкой биосферной и формированием постбиосферной жизни. На планете на основе техногенного социума *формируется глобальная социотехноприродная суперсистема, приходящая на место биосферной* и перестраивающая биосферно-природное бытие в целом на основе новейших информационных, биотехнологических, нано- и иных технологий и принимающая на себя функции производства новых форм жизни.

В-третьих, вывод биосферной жизни на новый, постбиосферный уровень происходит при активном использовании нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, технических средств обеспечения человеческой жизнедеятельности и воспроизводства живых организмов – животных, растений и микроорганизмов.

Основная роль информационного элемента в формировании искусственных форм жизни состоит в том, что в ходе информатизации мы создаем информационные технологии, искусственные электрические и электромагнитные поля, технические средства обработки и передачи информации и, наконец, активно распространяем научную и иную информацию, на основе которой создаем различные искусственные объекты и жизненные процессы.

В-четвертых, существенную роль в формировании постбиосферных, техно-ноосферных живых организмов играет всесторонняя информатизация, компьютеризация и электронизация биотехнологических и нано-биотехнологических процессов, при помощи которых осуществляются изменения на клеточном и генетическом уровнях с целью получения модифицированных, генетически измененных биосферных организмов для удовлетворения многообразных насущных и избыточных потребностей людей.

В-пятых, начавшаяся и углубляющаяся трансформация человека под воздействием информационно-техногенного социоприродного развития, устранение ее негативных сторон происходит с активным участием процессов информатизации, компьютеризации и электронизации. Под воздействием информационно-коммуникационной революции заметно идет развитие сознания, образования, культуры, профессиональных знаний и опыта, других социальных качеств человека. В то же время распространение цивилизационных болезней, негативная трансформация тела и разрушение многих органов человека приводят к замене больных органов на новые, сделанные из искусственных или выращенные из биологических материалов в исследовательских институтах и медицинских лабораториях. При сохранении таких тенденций уже в начале первой четверти тысячелетия на планете может начаться социогенетическая устойчивая и необратимая замена биосферного человека техносферным, способным работать и жить только в техносфере с включением в тело технических информатизированных и электронизированных наноприборов и чипов, лекарств, химических небiosферных веществ и т.п.

В-шестых, одним из основных направлений использования информатизации в сфере развития искусственной жизни являются *активные исследования и разработки искусственного интеллекта*. Исследования в этой сфере имеют своей целью создание интеллектуальных роботов, способных не только автономно решать

задачи, поставленные человеком, но и самостоятельно изменять свои действия для решения поставленных ему задач. Теория и практика информатизации, компьютеризации и электронизации показывают, что на основе искусственного интеллекта можно создавать широкий спектр типов «разумных существ» как для использования в общественной жизни, так и для освоения космоса, глубин океанов и морей и твердых пластов планеты и т.п.

В-седьмых, существенное внимание уделяется *формированию искусственной среды жизнедеятельности* людей, особенно техносферы, которая, с одной стороны, включает в себя информационную инфраструктуру, а с другой – все больше проектируется и производится с включением процессов информатизации, компьютеризации, электронизации и нанотехнологизации.

В-восьмых, искусственные формы жизни создаются не только по законам разума, на базе сочетания биологических и небиологических материалов, но и они сами создают культуру нового типа, принадлежащую уже к миру техно-ноосферной цивилизации. Исследования в области искусственной жизни направлены на то, что в будущем технологии будут обладать основными свойствами биологического организма, а компьютерные сети напоминать автономную нервную систему живого организма, управляющую важнейшими жизненными функциями человека, животных и растений, их окружением.

Таким образом, с определенной долей вероятности мы можем прогнозировать замену биосферного мира техно-ноосферным в третьем тысячелетии, если человечество не предпримет решительных мер по выполнению принятой на КОСР-92 программы по устойчивому развитию общества и природы, сохранению биосферы и биосферной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fukuyama, F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution / F.Fukuyama. – N.Y., 2002.
2. Гнатик, Е.Н. Философско-гуманитарные аспекты проблемы клонирования человека / Е.Н. Гнатик // Вестник РУДН. Сер. Философия. - 2003. - №1. - С. 115.
3. Демиденко, Э.С. О ноосферном подходе к формированию современной экологической концепции / Э.С. Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2003. - Вып. 1.– С.35-38.
4. Демиденко, Э.С. Основные направления в концепции ноосферы / Э.С.Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2004. - Вып. 2.– С.12-20.

5. Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А.Дергачева – М., 2009. – С. 172.
6. Кудашов, В.И. Постчеловек / В.И.Кудашов // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб.; Н.-Й., 2006. - С.709.
7. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород, 1994. – С.11, 90.
8. Макаров, И.М. Искусственный интеллект – близкая реальность / И.М. Макаров // Вестник РАН. 1996. - Т.66. - №2. - С. 139.
9. Назаретян, А.П. В зеркале двух веков. Предварительные оценки и сценарии. Статья 2 / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 2001. - №1. – С.117.
10. Путинцев, Д.Л. Социотехноприродная суперсистема и ее информационная инфраструктура / Д.Л.Путинцев //Материалы международного конгресса «Глобалистика-2009». Т.2. – М., 2009. - С. 421.
11. Юдин, Б.Г. Биотехнологическое конструирование человека / Б.Г. Юдин // Биология и культура. – М., 2004. - С. 466.

Н.А. НОЗДРИНА, Н.В. ИСКАНЦЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Проблема исламского фундаментализма – одна из наиболее серьезных общемировых проблем, несущих общественно-политический характер. Будучи по определению явлением религиозным, фундаментализм на самом деле способен охватить многие сферы жизни общества, в том числе социально-политическую сферу, что и имеет место в мусульманской религии. Поиск путей решения проблемы распространения фундаменталистских и экстремистских идей в исламе – задача, которой требуется уделить внимание. Особенно следует сосредоточиться на рассмотрении общественного и политического аспекта данной проблемы, поскольку политика в концепциях соответствующих течений оказывается важнее религиозной этики.

1. Основные понятия. Исламский фундаментализм – это религиозно-политическое течение в исламе, который связан с деятельностью социальных групп, использующих призывы к построению государства на основе принципов раннего, времен пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов, ислама. Эти халифы – Абу-Бакр, Омар, Осман, Али. Особенности возрождения фундаментальных основ ислама: 1) теологические – теория

возрождения идеального исламского государства; 2) политические – борьба фундаменталистов за захват власти и утверждение политической модели государства, основанной на шариате. Наибольшую угрозу представляют радикализм и экстремизм фундаментализма. Фундаменталисты считают вполне допустимым использование террора для достижения поставленных ими целей, обычно политического характера. Исламский радикализм – это совокупность идей и действий, направленных на коренное изменение системы общества в целом на основе исламских ценностей. Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и действиям в идеологии и политике. Для экстремизма характерно применение насильственных методов. Экстремисты готовы использовать даже высшую меру – объявление «священной войны» – джихада [1-3].

Широко используется и понятие исламизма. Фундаментализм – мысль, теории, а исламизм – его практическое воплощение.

2. Черты и методы исламского фундаментализма. Черты: 1) обращение к истокам вероучения с целью перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей – возрождение «истинного» ислама (возврат к истокам ислама во многом связан с тем, что исламский фундаментализм рассматривает развитие религии с помощью «теории большого взрыва»: такое понимание религии есть возврат к моменту ее возникновения); 2) активные действия по установлению исламской власти, приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и сунны, продвижению норм морали времен Пророка, идея возрождения халифата; 3) радикальный характер проводимых преобразований; 4) идея об исключительности мусульман; 5) нацеленность на борьбу с врагом (сторонники фундаментализма внутри исламского движения борются против традиционалистов и модернистов: враг внешний в настоящее время – прежде всего США и Западная Европа); 6) антагонизм в отношении Запада; 7) перенос акцентов с религиозной этики на политическую идеологию. Большинство исламских экстремистских организаций действуют по одной схеме прихода к власти: дестабилизация существующего режима, провоцирование антиправительственных выступлений, смещение руководства страны, формирование исламского правительства.

Одним из наиболее эффективных методов дестабилизации считается организация массовых акций. Важнейшую роль отводят

экстремисты проведению терактов в различных целях, прежде всего – дестабилизации обстановки. Главное – постоянно обострять обстановку, нагнетать недовольство в обществе, тем самым способствуя созданию ситуации, благоприятствующей приходу фундаменталистов к власти. Террор может использоваться как главный метод антиправительственной борьбы, а также во вспомогательных целях или как средство борьбы против «внешнего врага». Важное место в своей стратегии фундаменталисты отводят военным: от их позиции зависит, удастся ли прийти к власти. Лояльность армии в Сирии, Египте, Ливии, Алжире позволила властям противостоять исламистам, в Иране и Судане переход военных на сторону восставших привел к их победе. На сегодняшний день исламские фундаменталистские организации создали обширную сеть представительств в странах Европы и США. Они развернули активную деятельность по вербовке новых членов, идеологической обработке мусульманской диаспоры, проводят пропагандистские кампании в поддержку своих сторонников в различных государствах. В последние десятилетия происходит интенсивный рост мусульманской диаспоры в странах Западной Европы. Наиболее крупные общины имеются во Франции и Германии. В условиях сложной социально-экономической ситуации и политической нестабильности в мусульманских странах данная тенденция не только сохранится, но и будет усиливаться. В большинстве своем мусульманские общины в странах Европы не ассимилируются с местным населением, а живут в специально отведенных местах по своим морально-этическим и религиозным законам. Значительная часть эмигрантов находится на низших ступенях социальной лестницы. Это создает благоприятную почву для работы экстремистских организаций. В сохранении равновесия между исламским миром и остальным населением огромная роль принадлежит богословам – духовенство может сыграть роль буфера или подстрекателя масс, то выбирая из Корана миролюбивые цитаты, то апеллируя к непримиримым лозунгам [3].

3. Историческое развитие исламского фундаментализма. 3.1. Цивилизационный конфликт. Капитализм, коммунизм, третий мир. Часто столкновение цивилизаций называют одной из важнейших причин роста радикальных тенденций в исламе. В колониальный период европейские страны взломали цивилизации

Востока, опирающиеся на религиозные традиции. Социальный и антизападный протест вылился в политизацию мусульманской религии. Религия стала в глазах угнетенных народов символом их былой независимости. Исламские идеи сыграли мобилизирующую роль в борьбе против колонизаторов в Алжире, Ливии, Марокко, Индонезии, Судане и др.

Современное идейно-политическое «возрождение ислама» должно рассматриваться в контексте стремления освободившихся государств бороться за переустройство международных отношений. Ислам, претендующий на роль наднациональной религии, используется развивающимися странами в качестве идейной основы их объединения на международной арене. Крушение колониальной системы поставило перед народами стран «третьего мира», в том числе мусульманских, проблему поиска путей экономического развития и социально-политических реформ. Стремление к ее решению побудило многих политиков обратиться к исламу, а богословов – заняться политикой. Начавшийся после освобождения мусульманских стран процесс общественной модернизации сопровождается резким обострением экономических проблем и социально-политических противоречий, что способствует смещению религии и политики. Возрастает роль религиозно-политических партий и движений в общественной жизни. Этим организациям в ряде случаев удается добиться права формировать правительство или составлять влиятельную фракцию в парламенте. Для одних исламских религиозно-политических движений характерна умеренность, стремление преобразовать жизнь общества путем морально-нравственного воспитания мусульман; другие предпочитают активную политическую борьбу с применением насилия, и усиление последних – проблема, вставшая перед исламским миром и международным сообществом в последние десятилетия.

Во второй половине XX века «третий мир» стал ареной противостояния СССР и НАТО. Хотя формально исламистские группы были запрещены во многих арабских странах, режимы этих стран терпели, а то и поощряли исламистское движение, видя в нем противовес «коммунистической угрозе». Исламские группы, которые направлялись на борьбу с Израилем, поощрялись открыто. Именно исламские фундаменталисты более, чем кто-либо другой, пожали

плоды демократии после крушения коммунизма. С окончанием «холодной войны» ситуация изменилась. Нынешние исламские фундаменталисты утверждают, что, хотя западные лидеры провозглашают по всему миру свою поддержку прав человека, фактически они на стороне авторитарных режимов всюду, где это отвечает их целям. Кроме того, современный подъем исламизма – это не только форма социального антизападного протеста, но и попытка мусульманского общества отстоять свою самобытность. В наше время воители исламского фундаментализма пытаются приписать все неудачи арабов и мусульман гегемонии США на Ближнем Востоке, в Азии и Африке. Возникает вопрос – связано ли это с конкретными историческими событиями? Основные мнения: 1) «спусковым крючком» стала война в Персидском заливе – она показала силу Америки и слабость арабского мира, а это не могло не задеть души людей, независимо от того, на чьей стороне были их политические симпатии; 2) ненависть фанатиков-исламистов к Западу не связана с конкретным событием: фундаменталисты полагают, что Запад как таковой – вызов исламу. Исламисты утверждают, что исламское общество было гармонично, пока не вмешался Запад [4, 5].

3.2. «Братья-мусульмане». Учение Хасана аль-Банни. Современный исламский радикализм берет начало с момента образования в Египте в 1928 г. организации «Братья-мусульмане» («Ассоциация братьев-мусульман»). Основатель – Хасан аль-Банна (1906 – 1949).

Основные положения учения аль-Банни таковы. 1. Принцип надклассового единства мусульманской общины, означающий: будучи членами общины, мусульмане не признают других делений на классы, партии, группировки. Одна из важнейших задач в области достижения социальной справедливости – решение проблемы социального неравенства между членами общины за счет ликвидации последнего. 2. неделимость религии и политики, призыв мусульман к превращению ислама в идеологию активного действия, где политика становится частью религии, а сама религия характеризуется воинственностью. 3. Концепция исламского государства и панисламизма. 4. Универсальность ислама – ислам должен быть всеохватывающей системой. 5. Создание нового государственного строя на основе мусульманской общины. Его основные принципы: 1) ответственность правителя перед умой; 2) равенство всех членов

общины; 3) уважение правителем мнения общины, призванной контролировать его действия; 4) создание представительного учреждения – мусульманского парламента; 5) однопартийность; 6) внедрение норм шариата в качестве главного закона – возможно, это важнее всех ранее названных пунктов. 6. Определение труда как ценности, протест против неравномерного распределения доходов между различными социальными группами. 7. Наличие программы действий по решению проблемы социальной несправедливости. Ее основные пункты: 1) введение налога на имущество и доходы мусульман в пользу бедных и общественных нужд; 2) сбор добровольных пожертвований для нуждающихся мусульман; 3) создание системы наследования, препятствующей сосредоточению собственности в руках одного мусульманина; 4) запрет ссудного процента – рибы; 5) учреждение монополии государства на производство и продажу предметов первой необходимости. 8. Негативное отношение к Западу, мнение о неэффективности западноевропейских политических систем, требование развития экономики без иностранного вмешательства. 9. Концепция допустимости насилия и даже его необходимости для достижения поставленных целей. 10. Концепция самопожертвования во имя «истинного ислама». Скорее всего, данное учение преследовало две цели: 1) получить массовую поддержку среди беднейших слоев населения страны и воинственно настроенной интеллигенции; 2) придать движению идеологическое обоснование [6].

3.3. Учение Саида Маудуди. Талибы. Историческое развитие исламских радикальных движений связано не только с арабским миром, но и с регионом, куда входят Индия, Пакистан, Афганистан.

В Индии 1930-40-х гг. мусульмане составляли меньшинство, которое боролось индуистским большинством и британскими колонизаторами. Среди исламских движений Индии главным было «Исламское общество» («Джамаат-и ислами»), основанное в 1943 г. Саидом Маудуди, видным богословом и философом. Маудуди был сторонником восстановления халифата, призывал индийских мусульман к массовому бегству в Афганистан, тогда единственную суверенную суннитскую страну региона: соседний Иран – шиитская страна, Средняя Азия – в составе СССР. В книге «Исламский закон и Конституция» Маудуди разработал теорию совершенного исламского государства. Оно должно основываться на принципе «Божьего

правления», понятия, которое он позже расширил в концепцию «правления Бога и народа», или «теодемократии». Эта концепция предполагает единство религии и политики. Приоритетное значение должно придаваться образованию в духе Корана, а также пропаганде исламской доктрины. Цель – сформировать господствующий класс, преданный, готовый к самопожертвованию ради осуществления идеалов ислама. Маудуди назвал систему исламского государства «порядок Избранного», имея в виду пророка Мухаммеда. Он впервые ввел в обиход слово «талиб» (что значит «стремящийся», «требующий», «ищущий»). Господствующую элиту идеального исламского государства Маудуди обозначал термином «талибан-и гаят», «стремящиеся к пределу». В этом смысле, а не в значении «студенты», недавние правители Афганистана присвоили себе название «Талибан». Многие деятели «Исламского общества» питали симпатии к фашизму, не только из-за антибританской ориентации Италии и Германии, но и из-за сходства «теодемократии» Маудуди с принципами фашизма. Маудуди писал, что идеология ислама по своей целостности сродни коммунизму и фашизму, также противопоставляя себя западной демократии. В книге «Послание о религиозности» Маудуди, как бы перекликаясь с лозунгом Муссолини («Всё в государстве, ничего вне государства, ничего против государства»), писал, что мусульманин должен «расплавить в горниле ислама всю свою жизнь, не пощадив ни малейшей ее части».

Одним из факторов, способствовавших распространению исламского радикализма в Афганистане и Пакистане, следует считать особенности обучения детей афганских беженцев в Пакистане, начавшегося к середине 80-х гг. XX века, когда еще шла афганская война. Инициатива принадлежала Пакистану, а финансирование обеспечивали США. Преподавание поручили учителям деобандийского и ваххабитского толка. Лидеры деобанди добились того, что в основу обучения были поставлены принципы, изложенные Маудуди в его книгах «Исламская система воспитания». Отметим ошибочность толкования талибов как «студентов»: большинство талибов даже не умели читать и писать. Только часть из них получила образование в школах, находящихся в ведении исламских, чаще всего фундаменталистских организаций Пакистана. Другим фактором стала политическая и военная ситуация в Афганистане с конца 1970-х гг. Афганская война 1979-1989 гг. сплотила борцов за

«дело ислама» из разных стран, дала им боевой опыт, международные связи. В Афганистане сражались фундаменталисты более чем из двадцати стран – доказательство того, что исламский фундаментализм интернационален по своей сути.

После ухода советских войск из Афганистана там развернулась борьба за власть между группировками моджахедов. В этих условиях при активном содействии пакистанских спецслужб и, видимо, ЦРУ США, для наведения в Афганистане «порядка» появляется на свет «Талибан». Движение «Талибан» было образовано в сентябре 1994 г. в южноафганской провинции Кандагар группой студентов пакистанских исламских колледжей. Членами «Талибана» стали в основном пуштуны из Кандагара под руководством муллы Мохаммеда Омара. Движение провозгласило своей целью создание «истинно исламского» государства и было направлено против правительства и группировок моджахедов, боровшихся за власть. С сентября 1996 г. на протяжении пяти лет движение «Талибан» фактически находилось у власти в Афганистане. На подконтрольной афганской территории талибы ввели строгое шариатское право. Во время своего владычества талибы приняли законы, которые многим казались причудливыми. Но они основаны на дословном толковании отдельных мест из Корана и хадисов, внекоранических изречений Мухаммеда. Есть несколько собраний хадисов: одно из наиболее авторитетных составлено Аль-Бухари в IX веке, и на нем основано большинство законов талибов. Например, мужчинам предписывалось носить бороду, у Аль-Бухари есть слова: «Пророк сказал: отличитесь от мушрикин (многобожников), отрастите бороду и усы». В Коране нет однозначного запрета на изображение человеческой фигуры, но у Аль-Бухари находим хадис: «Наиболее строгое наказание от Аллаха получают художники». Талибы запретили телевидение, ссылаясь при этом опять на хадис «Лицемерие харама («запрещенных вещей») есть прелюбодеяние ока». Запрещалась музыка, которая играет столь важную роль в суфийских обрядах, когда-то широко распространенных в Афганистане. И для этого есть соответствующий хадис: «Сказал Пророк: среди моих последователей есть и те, кто считает законным пользование маазифом (музыкальные инструменты, музыка)... Аллах их истребит в ночи и опрокинет на них горы». Талибы запретили девочкам посещать школу, а женщинам – появляться с открытым лицом, без паранджи и работать вне дома.

За время правления талибов в стране не осталось ни одной газеты. Были разрушены школы, кинотеатры, уникальные памятники буддистской культуры на территории Афганистана. Важно отметить, что подобное толкование Предания большинство мусульманских юристов и богословов не поддерживают. Наиболее негативно на репутации талибов сказались предоставление убежища Усаме бен Ладену и уничтожение памятников буддистской культуры [2].

3.4. Фундаментализм и Афганская война. Афганская война 1979-1989 гг. и в наше время нередко рассматривается примитивно и сводится к агрессии СССР против исламского народа, хотя, если бы историческая реальность соответствовала этому, война в Афганистане должна была закончиться с выводом оттуда советских войск. Во времена «холодной войны» Запад активно использовал исламский фактор для противодействия росту влияния коммунистов в странах «третьего мира». Афганская ситуация подчинена этому принципу. Известно, что 3 июля 1979 г. – еще до ввода советских войск – президент США Дж.Картер подписал директиву об оказании помощи афганским силам, оппозиционным тогдашнему режиму левого толка.

В качестве еще одной силы, тогда заинтересованной в противодействии коммунистам в Афганистане, следует отнести правящий режим Саудовской Аравии. Следует отметить, что 1979 г. – время, когда стал рассыпаться восточный фронт антикоммунистической борьбы. Сошлись три важных исторических события: аобедна исламской революции в Иране (февраль 1979 г.), ввод советских войск в Афганистан (декабрь 1979 г.), захват группой ваххабитов под руководством Джухаймана аль-Утайби мекканского храма Аль-Масджид аль-Харам (ноябрь 1979 г.). Саудовские органы правопорядка не справились с восстанием и для его подавления были переброшены из Франции парашютисты-спецназовцы. Итак: 1) падение одного монархического режима не могло не вызвать опасения у другого; 2) внутривполитическое положение в Саудовской Аравии обострилось; 3) трудности подавления восстания вели к подрыву престижа на международной арене; 4) восстание было религиозным – восставшие были ваххабитами, которые обвиняли правящий режим в том, что он антиисламский. Для саудовского режима введение советских войск в Афганистан стало историческим шансом. Из Саудовской Аравии через Пакистан в Афганистан пошли

деньги, оружие, добровольцы-моджахеды. Формировался арабский экспедиционный корпус для войны на афганской территории. Для этого использовались возможности пакистанской Межведомственной разведки и ЦРУ США, к ним присоединились собственные саудовские структуры. Через арабский корпус моджахедов в Афганистан прошло не менее 15 тысяч человек, из них саудовцев – не менее 5 тысяч человек. Реальность афганской войны состояла в том, что она была войной гражданской, внутриафганской, в которой советские войска воевали бок о бок с афганцами-мусульманами против других афганцев-мусульман, которых поддерживали в разной степени и в разных формах США, Великобритания, Пакистан, Китай, Саудовская Аравия, Израиль, Франция. Моджахеды, обладающие религиозным сознанием, оказались перед необходимостью убивать мусульман – братьев по вере. Для них нужно было найти религиозное, исламское оправдание допустимости убивать мусульман – граждан другой страны. Получила развитие идея и практика такфира, т.е. квалификации в качестве «неверных» тех мусульман, против которых воюют эти моджахеды. Категория неверия в этой интерпретации стала распространяться на лицемерие: это характеристика человека, который исполняет исламские обряды, поступает как мусульманин, но в душе таит враждебность по отношению к исламу.

Категория лицемерия, уравненного с неверием, является удобной формой для выведения за рамки уммы любого мусульманина. Эта концепция и была внедрена в сознание арабских моджахедов. Она получила название «Симпатия и антипатия». Суть ее проста: обязанностью каждого мусульманина является вести джихад за освобождение исламских земель. Их список, который приводится в произведениях теоретика Абдаллы Аззама, таков: Бухара, Палестина, Аден, Испания, Эритрея, Болгария, Судан, Ливан, Сомали, Бирма, Кавказ, Уганда, Чад, Занзибар, Индонезия, Нигерия. Эти земли, по его оценке, являлись исламскими, но перестали ими быть. Предполагается освобождение их моджахедами. Концепция «Симпатии и антипатии» представляет собой определенным образом интерпретированные аяты Корана, хадисы пророка Мухаммеда, а также идеи классиков салафизма, среди которых основатель ваххабитского движения Мухаммед Ибн-Абд-аль-Ваххаб. Участие арабского корпуса моджахедов, состоявшего из людей, которые

пошли воевать в большинстве случаев по религиозным мотивам или религиозными мотивами объясняли свое решение (из соображений исламской солидарности, для защиты ислама от неверных), привело к серьезному развитию такого исламского радикального течения, как салафизм, и повлияло на эволюцию ислама в конце XX века. Упомянутые идеи стали для многих мусульман религиозным обоснованием их участия в джихадах [3, 6].

3.5. Хомейни. Исламский Иран. Среди идеологов и деятелей исламского фундаментализма видное место занимает Рухолла Мусави Хомейни (ок.1900 – 1989): аятолла, лидер исламской революции 1979 г. в Иране, высший руководитель Исламской Республики Иран в 1979-1989 гг. В годы, когда Иран еще был монархической страной, Хомейни пропагандировал идею свержения власти шаха и создания теократического государства во главе с духовенством. В идеологии Хомейни говорилось об исламской миссии Ирана – объединении исламского мира и создании под эгидой Ирана мировой исламской общины. Задолго до свершения исламской революции 1979 г. Хомейни обвинял действующий режим в отступничестве от «истинного ислама», а также в сотрудничестве с Западом. 15 апреля 1964г. аятолла Хомейни произнес в Куме речь о социально-экономических реформах шаха Мухаммеда Резы Пехлеви, названных «Белой революцией шаха и народа». Хомейни, в частности, сказал: «Мы считаем, что программы наших реформ на самом деле разработаны Израилем, и это к Израилю вы обращаетесь за помощью и советом, когда надо составить план». Как и все исламские фундаменталисты, Хомейни уделял большое внимание вопросу борьбы с «неверными», как внутри исламского мира, так и вне его. Среди иноземных врагов он выделял прежде всего Израиль, США, Великобританию и СССР. США и СССР объявлялись «двумя шайтанами». 18 февраля 1978 г. в Неджефе в мечети шейха Ансари аятолла сказал: «Такие империалистические государства, как Америка и Британия, дали жизнь Израилю. Теперь мы видим, какие унижения испытывали и продолжают испытывать там мусульмане и особенно шииты. А тем временем они навязали Египту своего агента по имени Садат, каждый шаг которого направлен на служение империализму». События 1979 г. были исторически подготовленными и обусловленными тем, что широкие слои населения были недовольны иранским монархическим режимом. В

стране был создан репрессивный аппарат, введены суровые законы с исламизацией всех сторон жизни общества: политики, экономики, культуры. Женщинам запретили носить не предписанную мусульманкам одежду. Была введена система исламского судопроизводства, основанная на положениях Корана и шариата. Происходило подавление левой оппозиции и организаций национальных меньшинств.

С начала 1980-х гг. Исламская республика Иран (ИРИ) ведет агрессивную внешнюю политику, стремясь к росту влияния на Ближнем Востоке, в Афганистане, Закавказье. ИРИ заявила о бескомпромиссной борьбе против Израиля и США. В начале 1980-х гг. под эгидой иранских властей создается Корпус стражей исламской революции (КСИР). Он вошел в иранские вооруженные силы, но военной функцией не ограничился. Особое место в системе КСИР заняли специальные силы «Кодс» (от «Аль-Кудс» – одно из арабских названий Иерусалима). Эта организация отбирает наиболее преданных делу исламской революции иранцев, готовя из них работников внешней разведки. Кроме самостоятельного ведения разведки, сотрудники «Кодс» за рубежом создают агентурную сеть путем вербовки местных исламистов. «Кодс» координирует деятельность проиранских организаций, в первую очередь группировки «Хизбалла». «Настало время сопротивления агрессии великих держав и особенно агрессии их незаконного, не легитимного представителя в регионе – Израиля, который должен быть уничтожен», – таковы слова Али Акбара Мохташами, одного из основателей «Хизбаллы». Для такой цели Тегерану надо было иметь эффективное орудие, им и была призвана стать «Хизбалла». Усиливая влияние в Ливане и Сирии, она превратилась в базу подготовки агентуры для дестабилизации обстановки в регионе и создания условий для исламских революций (путем покушений на политиков, диверсий, захвата заложников, инициирования беспорядков, а также прямыми боевыми действиями). Следует отметить, что ислам в Иране имеет шиитские черты. Шииты утверждают, что власть должна принадлежать потомкам Пророка – имамам, и ждут возвращения «скрытого» имама, а до тех пор власть должна находиться в руках благочестивого законоведа. Шиитские духовные лидеры пользуются высоким авторитетом, влияние их огромно. У каждого верующего-шиита должен быть образец для подражания, его слово в делах веры

и даже житейских мелочах непререкаемо. Тем не менее, нельзя бесспорно сказать, что учение Хомейни чисто шиитское. Иногда идеологию Хомейни не считают шиитской, для нее вводится понятие «хомейнизм». Но не ему принадлежит ведущая роль в исламском радикальном мире. К концу XX в. самой распространенной формой исламского радикализма стал салафизм [5].

3.6. Салафизм. Салафитами себя называют последователи политико-идеологического течения среди мусульман-суннитов: одним из направлений салафизма является ваххабизм. Отличительная особенность салафитской идеологии – беспрекословное подчинение в религиозной и повседневной жизни конкретным проповедникам. Такой подход позволяет манипулировать массами в политических интересах. Характерными чертами салафитского понимания ислама являются: 1) формализм, стремление к детальной унификации образа жизни всех мусульман; 2) развитие идей джихада, трактуемого как борьба со всем, противоречащим салафизму; 3) стремление к уничтожению других идеологических систем; 4) деление общества на мусульман и «неверных». «Настоящими» мусульманами считаются только приверженцы салафизма. В силу базовых постулатов своей идеологии салафизм направлен на развитие в мусульманской среде конфессиональной нетерпимости, стремления к обособленности и конфронтации. Именно салафизм в той или иной форме стал идеологией большинства исламистских движений. Радикальное их крыло стало базой для международного терроризма. К салафитским относят массу радикальных организаций – «Вооруженная исламская группа» (Алжир), «Джихад» (Египет), «Реформа и вызов» (Иордания), «Абу-Сайяф» (Филиппины), «Исламское движение Курдистана» (Ирак), «Боевая исламская группа» и «Сторонники Аллаха» (Ливия), ХАМАС (Палестина), «Хизб-уль-Муджахидин» и «Лашкар-э-Тайба» (Индия, Джамму и Кашмир), «Исламская миротворческая бригада Конгресса народов Ичкерии и Дагестана» (Россия). Динамика распространения этих групп демонстрирует, что они возникали в арабских странах, а уже оттуда расходились по миру, пока не сформировали глобальную сеть.

Одной из причин развития салафитского радикализма стало то, что достаточно долго все исследовательское поле едва ли не целиком занимал радикализм шиитского толка в форме «хомейнизма». В последние годы деятельность салафитских организаций зачастую

преследует такие цели: 1) «спасти» идеологию салафизма от компрометации в глазах верующих; 2) перенести акцент с джихада вооруженного на джихад информационно-психологический; 3) войти в доверие к властям как мусульманских, так и немусульманских стран; 4) под лозунгом защиты ислама вовлечь верующих в политическую борьбу.

Проблема распространения салафизма актуальна и в России. В ходе возрождения исламской религиозности, в условиях недостатка внимания государственных структур и религиозного невежества общества, проникшей из-за рубежа идеологии салафизма удалось оказать воздействие на мировоззрение значительного количества верующих. Однако развитие радикальных течений привело их к противостоянию с обществом и государством: они скомпрометировали себя в глазах верующих, подверглись воздействию силовых структур. В идеологическом плане салафизму наиболее действенно противостоит просвещенный подход с позиций традиционного исламского богословия: он препятствует его использованию в корыстных интересах.

4. Причины современного исламского фундаментализма: 1) невысокий образовательный уровень населения в исламском мире; 2) деятельность властей исламских стран по поддержке исламских движений, пропаганде их идей (наиболее масштабно такую деятельность ведут Саудовская Аравия, Иран, Пакистан, ОАЭ); 3) установившиеся взаимосвязи между исламистскими группировками; 4) потеря идеологических ориентиров в связи с разочарованием населения в идеях национализма, выявившейся несостоятельности социализма и сохраняющегося у части населения неприятия капитализма; 5) отсутствие в большинстве мусульманских государств влиятельных альтернативных политических сил демократической ориентации; 6) негативная реакция широких масс населения на активное проникновение в страны ислама Запада; 7) напряженность на Ближнем Востоке, практически непрерывно происходящие локальные конфликты, в которых участвуют мусульманские страны; 8) универсальный характер исламской религии, которая непосредственно участвует в формировании государственности и экономического уклада; 9) рост мусульманской диаспоры в странах Западной Европы, замкнутость этих диаспор, низкое социальное положение исламских эмигрантов [4].

5. Методы борьбы с исламским радикализмом. К силам, противостоящим исламскому радикализму в самом мусульманском мире, следует отнести правящие элиты светских режимов в мусульманских странах, а также те слои их населения, связанные с современным экономическим сектором, которые не желают исламизации общества.

Для различного рода исламских движений характерно отсутствие реального единства: проявления «исламской солидарности» носят выборочный характер. Для оказания противодействия исламскому экстремизму полезно использовать противоречия, имеющиеся в фундаменталистском движении. Большое значение имеет поддержка религиозных реформаторов, высказывающихся за адаптацию мусульманской религии к современной жизни. Требуется выявление в потоке исламских теорий тех, которые могут сбалансировать рост радикальных концепций и составить «полюс умеренности» [5].

Важно содействовать преодолению внутренних деструктивных явлений исламского мира. Фундаментализм появляется там, где обозначаются провалы в социально-экономическом развитии общества. Умело используя экономические трудности, тяжелое материальное положение населения, поляризацию политических сил, экстремисты разворачивают наступление на позиции правящих режимов. Необходимо изолировать радикальные движения от средств и источников поддержки: 1) не допускать распространение исламистских взглядов в военных кругах стран «третьего мира»; 2) разрушать связи между исламистскими организациями и криминальными структурами; 3) важно осуществление каждой из стран мер по пресечению поддержки, оказываемой экстремистам на ее территории. Требуется урегулирование региональных конфликтов, обилие которых – также источник распространения нынешнего исламского радикализма. Необходим отказ от «двойных стандартов» в политике по отношению к исламскому миру и создания из мусульман «образа врага», от «экспорта демократии» в исламский мир извне. Важно обеспечить равноправное участие исламского мира в международных делах, содействовать раскрытию его потенциала и внесению им своего вклада в дальнейшее развитие человечества, диалогу и взаимному обогащению исламской и западной культур, развивать идеи веротерпимости. Требуется объективный анализ роли исламского фактора в современном мире. Ислам, а также позиции стран, которые строят на исламе свою политику, обрастают мифами. Мифотворчеством нередко занимаются умышленно, чтобы сгладить

конфликтную ситуацию, но замаскированные конфликты могут со временем проявиться с огромной силой.

Для борьбы с экстремизмом правящие режимы исламских стран прибегают к различным способам, но в первую очередь используются силовые методы. В некоторых странах (Сирия, Ливия, отчасти Египет) это приводит к успеху, в других (Алжир) оказывается недостаточно эффективным. В целом проведение репрессий не может ликвидировать причины, порождающие экстремизм: силовые методы зачастую лишь способствуют радикализации исламистских движений, и тогда в условиях открытой конфронтации на смену политикам приходят демагоги и боевики. В долгосрочном плане более важное значение могло бы иметь принятие мер социально-экономического характера. Наибольший эффект, как показывает опыт Египта, дает проведение комплексных мероприятий (репрессивных, социально-экономических и идеологических) по борьбе с исламской угрозой. Однако события в Алжире продемонстрировали, что ускоренная демократизация может повлечь за собой резкий рост активности радикалов. Но в долгосрочной перспективе демократические системы могут оказаться более устойчивыми и эффективными, чем авторитарные. При этом должна учитываться специфика страны, а демократические реформы носить постепенный и контролируемый характер.

Роль исламского фундаментализма в современном мире продолжает возрастать, и фундаменталисты еще не полностью использовали имеющиеся у них возможности. В этих условиях нельзя допускать превращения борьбы с исламским экстремизмом в противостояние между религиями, а тем более – в открытый конфликт, способный втянуть в свою орбиту многие страны и народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азмурзаева, Ф.И. Религия и гражданское общество: проблема толерантности Ф.И.Азмурзаева // Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С.61-68.
2. Жданов, Н.В. Исламская концепция миропорядка / Н.В.Жданов. – М.: Издательство “Международные отношения”, 2003.
3. Жданов, Н.В. Ислам на пороге XX в. / Н.В.Жданов, А.А.Игнатенко. – М., 1989.
4. Корнева, Т.Р. Исламский фактор в межнациональных конфликтах Т.Р.Корнева. – М., 2004.

5.Модестов, С.А. Геополитика ислама / С.А.Модестов. – М.: Издательство “Молодая гвардия”, 2003.

6.Степанянц, М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XX вв.) / М.Т.Степанянц. – М.: Наука, 1982.

А.В. ПАТРАКОВА

РЕЛИГИЯ И ВЕРА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Сегодня, в условиях нарастающих процессов глобализации и нивелирования самобытности культур, особенно актуальным становится сохранение нравственных основ общества. Во все времена их хранителем была религия. Именно она задавала вектор морально-этического развития. Однако в наше время религия утратила былое влияние на жизнь как отдельного человека, так и общества в целом. Особенно это характерно для западноевропейской культуры, где христианство распалось на множество деноминаций, а человек жизненно-прагматичен и склонен формализовать свою конфессиональную принадлежность. Не лучшим образом дела обстоят и в России, где многовековая традиция православия привела к потерянности человеческого существа в неосмысленном православно-культурном пространстве.

Многие говорят, что в современном российском обществе наблюдается рост национального самосознания, неизбежно связывая его с православной культурой, упор на которую, как на один из основных составляющих элементов национальной идеи, сделало и государство, поддерживая строительство новых храмов, введя преподавание основ православной культуры в школах и активно ее пропагандируя. Между тем, складывается такое впечатление, что теперешнее рвение в этом направлении продиктовано некоей модой на обозначенный курс: сейчас модно посещать храм (достаточно посмотреть на высокопоставленных лиц государства, стоящих в первых рядах во время праздничных богослужений); сейчас модно крестить детей; сейчас модно совершать паломничество; сейчас модно иметь в домах изображения святых; сейчас модно поносить представителей другого вероисповедания и т.д. Хочется вспомнить недавние времена, когда было вовсе немодно даже говорить о своей вере... На фоне такого благоприятного климата в нашей стране нет официальной религии, она не выполняет тех функций, которые

давали бы право говорить о высокой нравственности общества. Наоборот, мы видим ужасающую картину потери человеком своей человеческой сущности.

В чем же причины такого состояния? Почему человек теряет духовность в современном обществе? Как сохранить накопленное человечеством основание выживания и гармоничного развития, закреплённое в различных формах религиозного самосознания?

На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Сейчас, наверное, уже никто не будет оспаривать тот факт, что происходящие в мире изменения в корне меняют не только образ жизни человека, но и образ его мышления. Речь даже не идет о так называемом массовом сознании, речь идет об индивидуальном осмыслении своего места в новом мировом порядке, в новой экономико-политической системе, лишенной «ненужных» атрибутов, как-то: внутреннее самосознание, духовное саморазвитие или самоопределение. Все должно быть регламентировано и подчинено легко контролируемой и предсказуемой модели поведения, для чего через общественные институты и средства массовой информации внедряются определенные стандарты стереотипического мышления, формирующие общественно-полезную личность, закрепляя за ней вписывающийся в систему необходимый багаж новых «ценностей», определяющий потом формат дальнейшей социализации. Было бы неправильно думать, что такая тенденция характерна только для современного этапа развития. Можно привести много примеров того, как в разное время в разных культурах существовали место подобные явления, но сегодня это приобрело глобальный характер и большие средства воздействия.

При этом не приходится отрицать, что на платформе уже сложившихся социальных институтов легче всего осуществить трансформацию ценностной направленности личности. Необходимо лишь несколько условий: формализация и государственная лояльность. При этом первое условие даже гораздо более важно, ведь оно как раз-таки выстраивает нужное отношение между человеком и общественной структурой. И уж точно для этого нежелательны индивидуальные искания, поскольку они могут сформировать иного, чуждого общепринятому миропорядку субъекта, что может внести дисбаланс в слаженный общественный механизм. Вообще, если откровенно признаться, многие сознательно отказываются от

собственных поисков, вливаясь в социальный механизм, просто потому, что боятся оказаться за обочиной жизни, боятся того, что могут узнать о себе и мире.

Вот отсюда-то и вытекают те проблемы, о которых мы упоминали. То, что дает сегодня религиозное сознание, можно сравнить, пожалуй, лишь с воздействием СМИ: человек формально получает удовлетворение своих духовных потребностей, при этом от него практически ничего не требуется – грубо говоря, пришел в храм, получил отпущение грехов, выполнил все, что от него требует канон и снова к работе, к привычному образу жизни. К тому же стоит отметить, что в большей степени это касается ортодоксальных конфессий. Несколько по-иному дела обстоят в молодых протестантских направлениях, где есть место для некоторого самоопределения и религиозное сознание охватывает практически все стороны жизни человека, формируя некий костяк высоких нравственно-этических принципов.

Трудно, наверное, современному человеку представить свою жизнь без тех благ, которые несет научно-технический прогресс. Наша цивилизация – это цивилизация потребления. И здесь, как очень многие считают, лежит корень всех зол. Отсюда мы все реже думаем о смысле жизни и Боге, все реже замечаем красоту вокруг, чудо в каждом элементе нашего бытия. Мы склонны доверяться науке, прагматично подходить к своей жизни, измерять свое существование степенью успешности и признанности в обществе, мы все стремимся логически объяснить, а то, что не можем, – просто отбросить.

Однако у каждого наступает такой момент, когда возникает внутренний конфликт, когда необходима вера. И вот тут-то человек встает перед выбором. В своих метаниях он ищет ответы на вопросы, от которых долгое время отмахивался. Что в этом случае ему делать и что он делает? Кто-то ищет помощи у людей, а кто-то идет к Богу или как ему думается, к Богу. Человек встает перед выбором религии и веры. Многие попадают в сети религиозной среды, заглушая внутренний голос: в нашем современном обществе, обществе подменяющихся понятий, обществе сглаженных границ между внутренним и внешним, так трудно сделать действительно правильный выбор. И лишь немногие возвращают тот росток веры, который, по сути, должен посредством индивидуального духовного

саморазвития отдельного члена общества сохранять, укреплять и развивать нравственную основу любого государства, чтобы оно могло увидеть будущее.

Почему приходится говорить о выборе? Некоторые могут возразить, например, что религия на каком-то этапе просто необходима человеку в его становлении, что только она и может заложить основы той культуры, которая в дальнейшем его сформирует как, скажем, добропорядочного гражданина или члена общества, что это действенный инструмент формирования личности и т.д. Да, это очень хорошо, когда религия отражает внутреннее состояние человека, обратившегося к ней, когда она не формализует веру, а помогает расти в ней человеку, когда она разрешает, а не порождает разлад внутри собственного «Я». Сейчас пока, как ни прискорбно это констатировать, за внешним благополучием лежит колоссальная бездна между религией и верой. Именно этот факт является, на наш взгляд, основной причиной потери духовности в современном мире – религия, как социальный институт, не выполняет своих функций, а лишь поощряет нравственное разложение. Далеко не надо ходить, не нужно ругать Запад с его протестантизмом, не нужно искать зло в исламе, достаточно просто посмотреть на современное состояние православия в нашей стране. Не хотелось бы обидеть ничьих религиозных чувств, но факты говорят сами за себя. Многие ведь даже не знают основ той веры, в которую были крещены в младенчестве. Кто может, например, сказать, что во всем поступает в соответствии с христианскими принципами или учит этому своих детей? Скорее, из поколения в поколение ретранслируются некоторые, кстати сказать, вовсе не христианские, воззрения (излишняя обрядовость, ожидание чудес от изображений святых или их мощей и пр.). При этом изучение священного писания, как основы христианской веры, оказывается вовсе необязательным – человек и так «получает все, что нужно», выполнив определенное действие. Иногда это доходит до религиозного фанатизма. Вдобавок ко всему, это ещё находит поддержку государства. Оно, само того не осознавая, стимулирует моральную неопределенность общества, неопределенность каждого отдельного гражданина.

Другой стороной этого вопроса является уход человека в русло тоталитарных сект. Об этом много уже было сказано и, вероятно, еще будет. Что же заставляет человека делать такой выбор? Ну, прежде всего, наверное, желание обрести то внутреннее согласие, которое он не смог найти в себе сам, а также простое человеческое участие, что

не может дать современный мир, где все заняты лишь обеспечением собственного благополучия. То многообразие социальных сетей, которое сейчас существует, лишь в некоторой степени компенсирует отсутствие реального живого общения в нашем техногенном обществе, всё больше отстраняя человека от человека, предлагая ему иную, виртуальную реальность. В результате, человек ищет некую альтернативу и становится членом организации, которая окончательно лишает его своей жизни, подменяя ее ложными, но сулящими счастье идеалами, права самостоятельно принимать решения, иметь свою точку зрения. И опять мы встречаемся с внутренним выбором. Человек выбирает иллюзию. Не веру, не религию, а иллюзию, которая призвана увести от реальности, формируя асоциальное существо, которое уже не участвует в общественном строительстве. Понятно, что возвращение такого человека в общество проще всего осуществить посредством его переориентации в рамках более адекватного религиозного течения. В России это РПЦ, на западе это РКЦ. Но этим происходит только возвращение члена общества, но никак не укрепляются нравственные основы социума. Другая крайность – когда человек, доведенный невозможностью рационально адекватно осмыслить происходящие в жизни события, не видя выхода из сложившейся ситуации, ощущая в полной мере покинутость, отчужденность и безысходность, утрачивает интерес к жизни и решается на суицид. Особенно это явление характерно для нынешнего времени. Казалось бы, сейчас столько возможностей для самореализации, а почему-то такое происходит... А всему причиной – несоответствие внутреннего мироощущения и существующей внешней рациональности бытия. Человек попросту теряется в ловушке бездуховной современности.

Между тем, человечество продолжает существовать и, несмотря на возрастающую рациональность, творит прекрасное, хранит любовь и не теряет надежды на будущее. Так что же заставляет проявлять в людях лучшие интенции души? Ответ очевиден: вера. Еще Л.Н.Толстой говорил: «Приведенный разумом без веры к отчаянию и отрицанию жизни, я, оглянувшись на живущее человечество, убедился, что это отчаяние не есть удел людей, но что люди жили и живут верою» [3, с.5]. Если обратиться к многочисленным философским источникам, то можно найти различные определения и веры, и религии. Скажем, можно прочесть, что религия – одна из форм духовной жизни или форма веры. Но, как нам кажется, в подобной трактовке заложена фундаментальная ошибка, выраженная

в объединении духовной и общественно-идеологизированной стороны жизни человека. Иными словами, вера в Бога вовсе не требует религиозности и, наоборот, высокая религиозность человека вовсе не свидетельствует о его сильной вере. Для того, чтобы узнать Творца, нужна лишь вера, ведь Бог не в храмах из стен, а во всем вокруг: «Разруби дерево, Я – там; подними камень, и ты найдешь Меня там» [2, с. 192]. Важно научиться видеть то небольшое хорошее, что зачастую скрыто под пеленой повседневности, заглянуть внутрь себя и попытаться рассмотреть затушеванный безликой современностью образ Создателя. И тогда общество станет созидательным и высоконравственным, способным строить будущее: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...» (Матф. 17:20). В настоящее время, к сожалению, человек делает выбор в пользу религии, что неизбежно приводит к кризису общественного сознания и внутренней дисгармонии. Однажды мы придем к осознанию того, что наша цивилизация стремительно падает в бездну собственных заблуждений и что мы ничего не можем с этим поделать, потому что однажды сделали неправильный выбор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евангелие от Филиппа // Апокрифические Евангелия – М., 2004. – С.157–181.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – Минск, 2006.
3. Толстой, Л.Н. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырех Евангелий / Л.Н.Толстой. – М., 2006.

О.А. ПУШНАЯ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В Брянском государственном техническом университете на базе кафедры философии, истории и социологии функционирует научно-философская школа социоприродных и техносферных исследований. Представители данного направления Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова и другие исследователи занимаются проблематикой

¹ Данная работа была отмечена дипломом на студенческой конференции в БГТУ в апреле 2009 г.

изучения техногенного общественного развития и его воздействия на общество и природу. В рамках данного направления социотехноприродных исследований и была написана данная статья. Техногенное общество начало развиваться в XIX-XX вв. на базе достижений промышленной и последовавшей за ней научно-технической революций. За этот период в развитии современного общества и земного шара произошли значительные количественные и качественные перемены, сформировались новые, научно-технические производительные силы и новая искусственная материальная и предметная среда – техносфера. В техногенном обществе под воздействием наукотехники и возрастающей на ее основе техносферы на земном шаре происходит создание искусственной жизни взамен естественной, биосферной, также происходит интеграция социума, биосферы и техносферы в единое целое [8, с.8]. В процессе формирования техногенного общества на земном шаре произошли крупные изменения, которые вызвали опасные трансформации в биосфере. Мощность воздействия человечества на биосферу принимает катастрофический характер: планета Земля может остаться без биосферы как таковой. Только за истекшее столетие (XX в.) в мире многократно увеличилось и продолжает увеличиваться потребление энергии, добычи и переработки минеральных ресурсов, осуществляется интенсивная химизация, существенное значение приобретает гидроэнергетика и ядерная энергетика.

В наши дни человечество обеспечивает себя энергией в основном традиционными способами: люди строят тепловые электростанции (ТЭС), работающие за счет сжигания естественного сырья (газа, угля и нефти), возводят каскады гидроэлектростанций (ГЭС), использующих энергию бурных рек, и атомные станции, извлекающие энергию атомных ядер. Эти три главные составляющие энергетике, с одной стороны, обеспечивают высокий уровень жизни, с другой – наносят огромный вред окружающей среде. Естественные ресурсы истощаются, но дело даже не в близком их исчерпании – тревожит, в первую очередь, пагубное влияние использования невозобновляемых энергетических ресурсов на среду обитания человека. Главный недостаток сжигаемого на тепловых электростанциях (ТЭС) ископаемого горючего – загрязнение окружающей среды вредными выбросами. Кроме того, невозполнимый урон наносят добыча, переработка и

транспортировка топлива. Нельзя забывать и о том, что, помимо естественного сырья, на ТЭС сжигается атмосферный кислород, планетарные запасы которого тоже не безграничны. Гидроэлектростанции (ГЭС) (хотя их доля в мировой энергетике невелика, в среднем 15%) также наносят огромный ущерб природе. Перекрытие рек плотинами, использование огромных территорий суши под водохранилища уже привели к серьезным экологическим нарушениям. Хорошо известны недостатки и атомной энергетики: трудности хранения и переработки радиоактивных отходов, опасность радиационного загрязнения при авариях.

Человечество потребляет в год около 10 млрд т условного топлива (1 т. условного топлива (т.у.т) при сжигании дает $8,14 \cdot 10^3$ кВт/ч электроэнергии) [5, с.56]. Этот показатель год от года увеличивается, во-первых, из-за неуклонного роста численности населения Земли (оно уже перевалило за 6 млрд человек и, по прогнозам, к 2020 году достигнет 7,4 млрд), во-вторых, за счет роста уровня жизни людей, особенно в развивающихся странах, стремящихся получить те же блага, что и в промышленно развитых государствах [1, с.27]. По прогнозам специалистов, к 2020 году мировая потребность в электроэнергии возрастет в несколько раз и достигнет 34 млрд. т.у.т в год [5, с.57]. Такое безудержное развитие энергетики будет все более пагубно воздействовать на окружающую среду и, как считают ученые, может стать одной из причин необратимого изменения климата. Решить эту проблему поможет широкое и повсеместное использование альтернативных, или *возобновляемых источников энергии* (ВИЭ) - значительно более "чистых" с экологической точки зрения, чем объекты традиционной энергетики.

В понятие ВИЭ включаются следующие формы энергии, которые условно разделяют на две группы: 1) *традиционные* (гидравлическая энергия, преобразуемая в используемый вид энергии ГЭС мощностью более 30 МВт; энергия биомассы, используемая для получения тепла традиционными способами сжигания (дрова, торф); геотермальная энергия); 2) *нетрадиционные* (солнечная, ветровая, энергия морских волн, течений, приливов и океана, гидравлическая энергия, преобразуемая в используемый вид энергии малыми и микроГЭС, энергия биомассы, не используемая для получения тепла традиционными методами, низкопотенциальная тепловая энергия и другие «новые» виды возобновляемой энергии) [4, с.78]. В последние

годы тенденция роста использования ВИЭ становится достаточно явной. Практически во всех развитых странах формируются и реализуются программы развития ВИЭ, которые обсуждаются на самом высоком уровне. До последнего времени в развитии энергетики прослеживалась четкая закономерность: развитие получали те направления энергетики, которые обеспечивали достаточно быстрый прямой экономический эффект. Связанные с этими направлениями социально-экологические последствия рассматривались лишь как сопутствующие, и их роль в принятии решений была незначительной. При таком подходе ВИЭ рассматривались лишь как энергоресурсы будущего. Ситуацию резко изменило осознание человечеством экологических пределов роста. Быстрый экспоненциальный рост негативных антропогенных воздействий на окружающую среду ведет к существенному ухудшению среды обитания человека.

Поддержание этой среды в нормальном состоянии становится одной из приоритетных целей жизнедеятельности общества. Импульсом для интенсивного развития ВИЭ впервые стали не перспективные экономические выкладки, а общественный нажим, основанный на экологических требованиях о том, что использование ВИЭ существенно улучшит экологическую обстановку в мире. Экономический потенциал возобновляемых источников энергии в мире в настоящее время оценивается в 20 млрд т.у.т в год, что в 2 раза превышает объем годовой добычи всех видов ископаемого топлива [11, с.40].

Это обстоятельство указывает путь развития энергетики будущего. По оценке Американского общества инженеров-электриков, если в 1980 г. доля производимой электроэнергии на ВИЭ в мире составляла 1%, то в 2005 г. она достигла 5%, к 2020 будет равна 13% и к 2060 г. – 33% [9]. Можно выделить *шесть основных причин, обусловивших развитие ВИЭ*: 1) обеспечение энергетической безопасности; 2) сохранение окружающей среды; 3) завоевание мировых рынков ВИЭ, особенно в развивающихся странах; 4) сохранение запасов собственных энергоресурсов для будущих поколений; 5) увеличение потребления сырья для неэнергетического использования топлива; 6) недопущение (сдерживание) климатических изменений.

На территории России сосредоточено 45% мировых запасов природного газа, 13% – нефти, 23% – угля, 14% – урана [3, с. 98]. Такие

запасы топливно-энергетических ресурсов могут обеспечить потребности страны в тепловой и электрической энергии в течение сотен лет. Однако фактическое их использование обусловлено существенными трудностями и опасностями, связанными с их добычей и производством, а также угрозой экологической катастрофы. Экономический потенциал ВИЭ на территории России – 270 млн т.у.т, что составляют примерно 30% от объема потребления топливно-энергетических ресурсов, составляющего 916 млн т.у.т в год. Это создает благоприятные перспективы решения социальных и экологических проблем [3, с.101]. *Особенностью современного состояния* научно-технических разработок и практического использования ВИЭ является пока еще более высокая стоимость получаемой энергии по сравнению с получаемой на традиционных электростанциях. В России имеются обширные районы, где по экономическим, экологическим и социальным условиям целесообразно приоритетное развитие возобновляемой энергетики. К ним относятся: 1) зоны децентрализованного энергоснабжения с низкой плотностью населения, в первую очередь, районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории; 2) зоны централизованного энергоснабжения с большим дефицитом мощности и значительными материальными потерями из-за частых отключений потребителей энергии; 3) города и места массового отдыха и лечения населения со сложной экологической обстановкой; 4) зоны с проблемами обеспечения энергией индивидуального жилья, фермерских хозяйств, мест сезонной работы [7, с.64].

Широкое использование возобновляемых источников энергии соответствует высшим приоритетам и задачам энергетической стратегии России. Основное преимущество возобновляемых источников энергии – *неисчерпаемость и экологическая чистота*. Их использование не изменяет энергетический баланс планеты, который интенсивно разрушается в ходе техногенеза общества и природы. Эти качества послужили причиной бурного развития возобновляемой энергетики за рубежом и оптимистических прогнозов их развития в ближайшем десятилетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Energy for the Future: Renewable sources of Energy White Paper for a Community Strategy and Action Plan, Brussels, 26.11.2003. Commission of the European Communities.

2. Green Paper. Towards a European strategy for the security of energy supply Brosette, 29 November 2000.
3. Арбатов, А.А. Экспорт энергоресурсов: благо или бремя? / А.А. Арбатов // Новости электротехники. – 2006. – №2.
4. Безруких, П.П. Состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики в России / П.П. Безруких // Тракторы и сельскохозяйственные машины. – 2008. – №8.
5. Гольман, И. «Нефтегаз-2010» / И. Гольман // Новости электротехники. – 2009. – №4.
6. Грачева, Е.Е. Человечеству осталось от 100 до 10 лет, чтобы обратиться к энергосбережению / Е.Е. Грачева // Вестник энергосбережения. – 2009. – №3.
7. Данилов, Н.И. Возобновляемая энергетика – альтернатива в электрификации удаленных районов / Н.И. Данилов, С.Е. Щеклеин, В.И. Велькин, А.Н. Шестак, А.П. Малетин // Возобновляемая и малая энергетика. – 2008. – №8.
8. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А. Дергачева // Брянск, 2005. – С. 218.
9. Интернет источник: www.modnau-skazka.ru. Возобновляемая энергетика: для развивающихся стран или для России?
10. Интернет-источник: www.apinews.ru Кукушкин, В. Возобновляемая энергетика выходит на первый план / В. Кукушкин // Геополитика – Экономика.
11. Мельник, Л.Г. В экологическом измерении / Л.Г. Мельник, Ясоу Шиманзу // Новости электротехники. – 2007. – №4
12. Мировая энергетика и переход к устойчивому развитию / Л.С. Бекаев, О.В.Марчепко, С.П.Пинегин и др. // Новосибирск, 2005. – С. 300.

В.А.УСОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Для ответа на вопрос о трансформации сознания в современном мире прежде всего следует определить, что представляет собой сознание и из каких элементов оно состоит. Затем попытаемся рассмотреть трансформационные процессы каждого из элементов сознания в ходе развития цивилизации. Также важно отметить, что в каждой эпохе западноевропейской философии существовали свои представления о сознании, которые были тесно связаны с господствующими мировоззренческими установками, а потому античный космоцентризм, средневековый геоцентризм и антропоцентризм нового времени формировали разное понимание сознания и его объема. В свою очередь, от того, как представляли себе его люди той или иной эпохи, зависело формирование образа

мира, понимание нравственности, политики, искусства, а также стабильного воспроизводства сознания в процессе социализации и воспитания подрастающего поколения.

В самом общем виде мы рассматриваем сознание человека как совокупность чувственного и логического отражения окружающего мира в человеческом мышлении и проявления соответствующей духовно-практической активности. К неотъемлемым признакам сознания относятся речь, представление, мышление и способность создавать обобщенную модель окружающего мира в виде совокупности образов и понятий. В структуру сознания входит ряд важнейших элементов, каждый из которых имеет определенную функциональную самостоятельность: самосознание, знания, чувства, воля, язык, мышление. Сейчас нередко говорят и пишут о кризисной ситуации в области сознания и обычно соотносят это с каждым из его элементов.

Самосознание. Самосознание представляет собой выделение человека из объективного мира, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей, чувств, интересов, осознание и оценка своего отношения к природе, обществу, другим людям и т.п. Самосознание человека проявляется в его жизни и деятельности. В процессе практического действия человек осознает себя как субъекта деятельности и активности в целом, отличая себя от объекта - не только от предметов, явлений, но и других людей, их мыслей. Самосознание развивается и изменяется вместе с развитием человечества и человека. И если на заре развития человечества самосознание проявляется как родовое, коллективное, поскольку человек поглощен еще своим родом, родовым коллективом, выступающим носителем человеческой сущности, то с появлением цивилизации и обособлением индивида возникает собственно самосознание личности. С изменением исторической эпохи меняются не только сущностные характеристики человека, но и содержание и характер самосознания личности.

Невиданные ранее трансформационные процессы в человеке, которые происходят в его теле и духовной жизни в ходе современного техногенного развития, серьезно сказываются как на сознании, так и на самосознании человека. Если раньше человек опирался в своем самосознании на религиозные и этические нормы, действующие в собирательном и земледельческом, традиционном

обществе, на веру в судьбу (фатализм), на сверхъестественные силы (теология), на светские идеалы нравственности, совести, долга и чести (что, в принципе, ограничивало его творческие возможности, не позволяло ему подняться даже в мыслях над существующим бытием), то сейчас неограниченный творческий порыв характерен для большинства творчески активных людей. Отсутствие «стен» для самоограничения трансформирует его сознание, порождая в то же время и кризис личности, поскольку человек безнравственно подчиняет себе силы природы, направляя их не на спасение биосферы, а на строительство своего техносферного дома, своего личного блага, не осознавая органического единства земной жизни – человечества и биосферы как его вековой колыбели. В техногенном обществе, в котором стремительно разрастаются процессы урбанизации и техносферизации, связанные с ними существенные потери в коллективности жизни (характерной для земледельческого общинного человека) приводят не только к усилению индивидуализации, но и эгоизации. Последняя особенно усиливается с небывалым разрастанием в мире либерально-экономической цивилизации с ее сущностной ставкой на распространение и укрепление конкуренции за средства существования, утверждение повсеместно индивидуалистического образа жизни. В условиях небывалого роста сверхбогатых людей и пропаганды их образа жизни самосознание личности теряет гуманистические ориентиры: верх берет самооценка не на базе вековых человеческих ценностей, добродетелей, а на основе «экономического успеха» – целая «эскадрилья» дорогостоящих яхт, как у олигархов, или же трехэтажный особнячок с лыжными прогулками в Альпах и т.д. В техногенной либерально-экономической цивилизации, открывающей при помощи всесильной техники неограниченные возможности получения богатств отдельным человеком, самосознание человека отдает приоритет не духовным ценностям, а самооценке через наличие дорогостоящих вещей. В такой техногенной цивилизации господствующим мировоззрением является экономизм, извращающий человеческое самосознание и ставящий на край гибели не только духовные ценности, но и душу человека, превращая его разум в сатанинский.

Знание. Как известно, наука и философия берут своё начало с «осевого времени» (К.Ясперс) в VII-IV вв. до н.э. Две с половиной

тысячи лет философия и наука (до промышленной революции конца XVIII в.) развивались крайне медленно. Именно с этого периода начинается бурный рост науки и стремительное «онаучивание» сознания интеллигенции, а затем и широких слоев населения, наполнение сознания развивающимся коллективным разумом, интеллектуальностью. Если в 1800 г. на планете насчитывалась примерно тысяча ученых, то в 1850 г. их стало 10 тысяч, в 1900 г. – 100 тысяч, а сейчас уже свыше пяти миллионов ученых и приравненных к ним научных работников. Именно благодаря науке и научным знаниям, которые каждое молодое поколение получает в школах и других учебных заведениях, происходит «онаучивание» сознания на основе коллективного человеческого разума, каким становится сейчас научное знание. Уже нельзя считать человека хорошим специалистом, интеллектуальным работником, если он не обладает полноценным научным образованием или даже ученой степенью. Если ещё два столетия назад в мире было примерно 3-4% грамотного населения, то сейчас ЮНЕСКО насчитывает 85% (или около 6 млрд. человек из ныне живущих на нашей планете 6,8 млрд. человек). Мы можем говорить о довольно крупном трансформационном процессе, осуществленном за два прошедших века в самом ядре сознания — его разуме, логическом мышлении. Сциентизация сознания является не только глобальным прогрессивным трансформационным процессом, но и достаточно противоречивым, поскольку каждая из наук изучает только частичные явления и процессы мира. Со своей «колокольни» отдельная наука придает научному сознанию ограниченное видение мира, не поднимаясь до философских обобщений, до понимания места изучаемых наукой отдельных явлений в развитии целостного и гармоничного мира.

Характерен для многих ученых уход в крайний сциентизм: созданная ими научная парадигма занимает место, которое в Средневековье было занято религиозными и религиозно-философскими институтами. Это связано с большим объемом накопленных знаний и узкой специализацией получаемого образования в силу ограниченности человеческих возможностей мозга. Все, что не входит в научное образование, воспринимается сознанием на веру. Это приводит к тому, что человек, отлично разбирающийся в какой-то области знаний (теоретических и

эмпирических) о мире, является «неучем» в остальном, и ему нередко приходится все принимать на веру. Аналогичная ситуация была в Средневековье, когда люди прекрасно разбирались в ряде познанных явлений, но в вопросах о строении нашей Вселенной принимали на веру убеждение, что Земля плоская и находится в центре мира. И сейчас из средств массовой информации мы черпаем непроверенные знания, которые переходят нередко в наши убеждения.

Именно трансформированное современной наукой человеческое сознание воздействует через определенные формы материальной активности на нашу планету, противоречиво изменяя жизнь. С одной стороны, мы получаем огромные богатства для поддержания и развития человечества, а с другой стороны, для удовлетворения возрастающих потребностей и интересов человека уничтожаем биосферные ресурсы. «В историческом развитии человечества и его земной колыбели в последние два века, – отмечает Э.С.Демиденко, – характеризуются нарастающими лавинообразными процессами – *ноосмерчем*, т.е. смерчем глобализирующегося и онаученного разума и строящейся на его научно-технической базе человеческой активности» [1; с.31].

Чувства. Техногенное общественное развитие, к сожалению, нарастающе разрушает органы чувств человека и заметно трансформирует нравственные и интеллектуальные чувства, эмоциональную сферу жизнедеятельности людей. Чувства человека все более и более связываются с личным благополучием, а также с необходимостью жестко конкурировать на рынке труда за свое выживание в ужесточающемся мире. Происходит массовая индивидуализация и эгоизация людей. Стремление и поиск все большей финансовой выгоды в капитализированном мире существенно отравляет чувство сострадания, меценатства и даже банальной взаимопомощи. В результате люди замыкаются в себе, в своих жизненных ситуациях, все больше и больше страдая различными расстройствами психики и основанными на них многочисленными болезнями, что отмечается медицинскими исследованиями. Так, рынок депрессантов в США за последнее десятилетие вырос почти в два раза. По данным экспертов, примерно пятая часть населения техногенно развивающейся планеты страдает психическими заболеваниями и нарушениями, что в итоге

сказывается отрицательно на трансформации эмоциональной сферы значительной части людей, вызывая серьезные отклонения в их взаимоотношениях. Другими серьезными факторами является расширение и укрепление в мире либерально-экономической цивилизации, навязывающей индивидуализм и эгоизм, вызывающей ослабление нравственных устоев и чувств, снижение гуманных отношений между людьми.

Воля. Непомерно развивающаяся техногенно-потребительская культура навязывает всем избыточные потребности, заставляя человека проявлять избыточную активность и волевые усилия в производстве товаров и изъятии при этом огромных биосферных ресурсов, а также отдавать значительную долю своего труда экономической и политической элите. Политические технологии и маркетинг достигли огромных успехов, принося выгоду имущим, организующим производство товаров и всё более насыщающим их техногенностью. Другие же в условиях рынка вынуждены напрягать свою волю, чтобы не остаться без работы и средств жизни. Полярная глобальная трансформация в этой области сознания ярко проявляется в условиях капиталистической рыночной экономики. В итоге волевые качества людей в основном направлены не на взаимопомощь, не на восстановление порушенной биосферы, а на строительство «своей крепости», сверхблагоустроенного дома с ворохом ненужных для нормальной жизни вещей, которые создаются за счет ресурсов биосферы.

Язык. Глобализация вызывает процессы разрушения и гибели малых языков в мире, как в XX в., так и в последующих столетиях. По данным видного специалиста в области социологии языков В.В.Иванова, в XXI в. исчезнет свыше 90% малых языков и наречий в мире, то есть останется не более десятой их части. Гибель языка сопровождается и гибелью культурного разнообразия, гибелью разнообразия национальных видов сознания. Ушедшие от своей культуры люди принимают другие языки, мышление, волевые приоритеты и так далее взамен своим неповторимых, традиционных, проверенных тысячелетиями. Безусловно, в этом процессе есть свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, подключаясь к более развитому языку и соответственно сознанию, человек поднимается цивилизационно в своем сознании и мышлении, своей образованности и культуре. С другой стороны,

мировое сообщество теряет многие формы жизни, обедняясь (как это происходит с биосферой, теряющей свои уникальные организмы). Так, многие племена и народы Америки были стерты с Земли ради роста богатств победившего народа или группы людей. Этот процесс и сегодня продолжается в глобальном масштабе в интересах богатейших стран мира, которые практически не считаются с интересами малых народов. Глобальную трансформацию языков мы и сейчас переживаем в связи с техногенным развитием. Вербальная, повседневная коммуникация хотя и остается неизменной в языковом плане, однако существенно трансформируются способы и формы общения (интернет, мобильный телефон). Общение становится мультимедийным, оперируя не только произнесенными или написанными словами, но и богато дополняется эмоциональными состояниями («смайлики», картинки, видео, музыка). Расширение возможности и общего времени общения при помощи технических устройств приводят в то же время к так называемой «Интернет-зависимости», или же к феномену «onliner». Человек привыкает к виртуальному общению, избегая людей и даже испытывая «фобию»: появляются различные затруднения в естественном общении, что оборачивается обеднением собственного сознания.

Мышление. Трансформационные процессы в сознании суммируются в мышлении человека, уходящего в техногенных условиях от мира естественного в мир искусственный. Прежде всего, оно повсеместно приобретает технократический характер, будучи нацелено на создание все более искусственных форм жизни и своего комфорта, что в конце концов оборачивается бедами для самого человека. Так, уход от физического труда привел к массовым сердечно-сосудистым заболеваниям, переход в техносферные условия жизни породил массовые онкологические заболевания и т.п. В процессе техногенного развития разрушается психическое здоровье человека, что приводит к нарушению общей целостности рассуждений, дроблению знаний и информации, нарушению логики суждения и выводов и т.п.

Еще более глобальные трансформационные процессы в сознании открываются перед нами в связи с бурно развивающейся информационно-коммуникативной революцией, которая перестраивает сознание как целостность. Сегодня новые технологии появляются каждые нескольких лет, они изменяют среду обитания

человека и его связи, что неизбежно ведет к новым трансформационным процессам. Главное – не упускать из виду перспективу создания безопасных новых технологий и искусственного мира, чтобы не превратить дальнейшее развитие человеческого разума в его противоположность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Экотрансформация человека в техногенных условиях развития общества / Э.С.Демиденко // Экологическая безопасность жизнедеятельности человека в XXI веке: проблемы и решения. – М., 2005.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К.С.БИЯК

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЭТАПЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Со вступлением человечества в новую, постиндустриальную эпоху стало появляться все больше понятий, так или иначе связанных с понятием «информация»: «информационное общество», «информационное пространство», «информационная культура», «информационное общество», «инфосфера», а с развитием глобальной сети Интернет – «сетевое общество», «интернетсфера» и даже «блогосфера». Хотя эти термины все чаще встречаются в работах современных философов, единого понятийного аппарата для обозначения информационной реальности пока не разработано, тем более что очень часто понятие «информационная реальность» упоминается не как самостоятельная проблема, а в связи с каким либо другим вопросом, например, при исследовании «виртуальной реальности», СМИ и других современных факторов. Поскольку термины, связанные с информационной реальностью, часто встречаются в работах философов и социологов, необходимо выяснить, насколько определенными являются их значения и чем они могут нам помочь при анализе общества.

Понятие «*информационная реальность*» развивалось и прогрессировало: сегодня оно представляет собой довольно сложную систему, включающую ряд компонентов. Существует много взглядов и мнений на сущность и структуру информационной реальности.

Так, В.А.Герасименко в монографии «Основы информационной грамоты» назвал в качестве системообразующих понятий информационной грамоты информацию, информатику и информатизацию. В качестве центрального предмета изучения он указал информацию «как атрибут объективного мира, имеющий теоретическое и практическое значение для современного общества» [2, с.37]. Ряд исследователей к структуре информационной реальности относят науки, изучающие информацию (кибернетика, семиотика, синкротика, синергетика, искусственный интеллект и др.), и отрасли, использующие информацию (радиоэлектроника,

телевидение, образования, медицина и др.). В информационную реальность, пишет К.К.Колин, предлагается включить не только весь индустриально-технологический комплекс средств информатики той или иной страны, но и сеть научно-исследовательских, учебных, административных, коммерческих и других организаций и социальных институтов, деятельность которых содействует активизации и эффективному использованию информационных ресурсов, а также подготовке для этих целей необходимого количества специалистов соответствующей квалификации [6, с.43].

Основопологающим элементом информационной реальности является понятие «*информация*». В настоящее время существует несколько подходов к определению информации: среди них наибольшее распространение получили структурный, функционально-кибернетический, социо-ориентированный (антропоцентрический), в последнее время – синтетический. Атрибутивные концепции рассматривают информацию как атрибут материи, ее всеобщее существенное свойство и определяют информацию как меру организованности, упорядоченности, разнообразия, отражения и др. Функционально-кибернетические подходы информацию рассматривают как функциональное свойство: это особая форма функциональной связи, отношения, присущая кибернетическим самоуправляемым системам (биологическим, социальным и искусственным – техническим). Социоориентированные (антропоцентрические) концепции допускают существование информации лишь в системах социального уровня организации: информация рассматривается прежде всего как знание и содержание речевого сообщения [4, с.138]. Информация, по определению ЮНЕСКО, это «универсальная субстанция, пронизывающая все сферы человеческой деятельности, служащая проводником общения, взаимопонимания и сотрудничества, утверждения стереотипов мышления и поведения» [4, с.142]. Встречаются и иные определения.

Другим системообразующим элементом информационной реальности является *информатика*. Попытки определить информатику и ее главный объект исследования (информацию) делаются постоянно. Эта деятельность особенно активизировалась в последние годы, в частности, в связи с созданием значительного числа общественных академий в области информатики и

информатизации. Диапазон подходов и предложений широк. Появляются весьма экзотические предложения, связанные, например, с духовно-религиозной трактовкой природы информации и информационного взаимодействия во Вселенной.

Предлагаются новые наименования обсуждаемого научного направления: информология, информаномия, информациология, информатистика, инфотроника, информатология, информодинамика. Пока наиболее прочные позиции остаются за терминами «информатика» (в России) и «computer science» (в англоязычных странах).

Приведем некоторые определения информатики, данные ведущими российскими и зарубежными специалистами в этой области [4, с.146]. Информатика – это название фундаментальной естественной науки, изучающей процессы передачи и обработки информации (А.Л. Ершов). Информатика – наука о преобразовании информации, которая базируется на вычислительной технике: предметом информатики является вычислительная технология как социально-исторический феномен; ее элементы – три неразрывно и существенно связанные составные части: технические средства, программные и алгоритмические (А.Л.Дородницын). Информатика – синтетическая дисциплина, которая включает в себя разработку новой технологии научных исследований и проектирования, основанную на использовании ЭВТ, и несколько крупных научных дисциплин, связанных с проблемой общения с машиной и, наконец, с созданием машины (Н.Н.Моисеев). Информатика – комплексная научная и технологическая дисциплина, которая изучает прежде всего важнейшие аспекты разработки, проектирования, создания, «встраивания» машинных систем обработки данных, а также их воздействия на жизнь общества (В.С.Михалевич). Информатика – наука о проблемах обработки различных видов информации, создании новых высокоэффективных ЭВМ, позволяющая предоставлять человеку широкий спектр различных информационных ресурсов (Э.А.Якубайтис). Информатика – наука об осуществляемой (преимущественно с помощью автоматических средств) целесообразной обработке информации, рассматриваемой как представление знаний и сообщений в технических, экономических и социальных областях (Французская академия наук).

Этих определений достаточно для того, чтобы показать неопределенность данного термина.

Уже общепризнанным является подход к рассмотрению информатики, выделяющий аппаратные средства (hardware), программные средства (software), методы–модели–алгоритмы (brainware). Информатика включает дисциплины, так или иначе относящиеся к обработке информации в вычислительных машинах и вычислительных сетях: как абстрактные направления, вроде анализа алгоритмов, так и довольно конкретные, например разработка языков программирования.

Рассмотрим еще один системообразующий элемент информационной реальности – понятие «*информатизация*». Информатизация (англ. Informatization) — политика и процессы, направленные на построение и развитие телекоммуникационной инфраструктуры, объединяющей территориально распределенные информационные ресурсы. Процесс информатизации – следствие развития информационных технологий и трансформации технологического, продукт-ориентированного способа производства в постиндустриальный. В основе информатизации лежат кибернетические методы и средства управления, а также инструментарий информационных и коммуникационных технологий. Информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов. Это комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования основных информационных потребностей: завершение создания информационной инфраструктуры и включение ее в мировую, массовое применение новейших информационных средств, систем и технологий во всех сферах человеческой деятельности, завершение формирования информационной культуры населения, обеспечение свободного доступа ко всей информации [4, с.20]. Процесс информатизации является закономерным процессом развития цивилизации, который обусловлен рядом таких объективных факторов, как быстро возрастающая сложность искусственно создаваемой человеком среды своего обитания

(техносферы), истощение природных ресурсов и отказ от парадигмы экстенсивного развития цивилизации, возрастание экологической опасности и поиск решения проблемы выживания человечества как биологического вида. Глобальная информатизация общества содействует его развитию [4, с.21].

Кроме того, один из методов философского исследования заключается в прослеживании процессов развития анализируемого объекта, в выделении основных закономерных ступеней его становления. В отношении информационной реальности это отражается в стремлении выявить закономерности ее роста и этапы ее становления.

Возможно, многие полагают, что информационная реальность начала складываться на Земле в XX веке, когда научно-технический прогресс подарил человечеству радио, телевидение, компьютеры и Интернет. Несомненно, современное понимание информационной реальности тесно связано с достижениями науки и техники, но прежде всего развитие информационной реальности как объекта исследования связано с изменениями в способах получения человеком новой информации, ее хранением и передачей. Эти изменения получили название *«информационные революции»*. Данное понятие также является системообразующим элементом информационной реальности.

А.И.Ракитов выделяет пять информационных революций [9, с.104]: распространение и внедрение в деятельность человека языка, изобретение письменности, изобретение книгопечатания, открытие электричества и применение электрической аппаратуры для скоростного массового распространения всех видов информации, изобретение микропроцессорной техники и персонального компьютера.

Появление языка стало прежде всего революцией в мышлении, то есть в средствах переработки информации. Человек получил возможность приобретать знание об общем и закреплять его в языке. Человеку стало доступно понятийное мышление, благодаря которому возник мир знания наряду с реальным миром вещей и миром образов. Это явление имело огромное значение для возникновения цивилизации. Прежде всего, благодаря языку появилось сознание человека. Наличие сознания породило саму социальную форму движения материи, отделив человеческое сообщество от

биотического. Оно стало причиной появления культуры, прежде всего духовной, так как именно духовная культура отличает человека от животного. Благодаря языку, который позволял видеть вещи как бы со стороны, удваивая мир, человек на определенном этапе развития смог увидеть и себя как другого человека и сравнить себя с другими людьми, осознать свои потребности как свои. Это событие привело к появлению самосознания, а затем цивилизационной формы организации социума [4, с.143].

Появление письменности стало еще одним важнейшим событием для развития цивилизации, открытием еще одного информационного канала. Письменность, считает А.В.Соколов, это детище художественного канала и вместе с тем первооткрыватель ряда технических каналов, способствующих развитию не познавательно-эстетических ресурсов социальной коммуникации, а ее утилитарной эффективности: оперативности передачи, снижению себестоимости, повышению тиражности, увеличению дистанционности и комфортности [10, с.104]. Письменность помогла решить проблему хранения информации, обеспечила связь прошлого с будущим (сохранение преемственности в развитии). Письменность дает возможность оперировать социальной семантической информацией вне прямого контакта.

С возникновением индустриального общества происходит ускорение всех процессов жизнедеятельности, в том числе и в сфере информации. Усиление функции коммуникации в жизни общества происходит, когда появляется разветвленная система разделения труда, возникают зародыши капитализма – мануфактуры. С одной стороны, это требует постоянного обмена информацией между частичными работниками для превращения их в совокупного работника. Увеличивается объем циркулирующей информации как в сфере производства, так и в сфере управления обществом. С другой стороны, увеличивается скорость ее циркулирования [4, с.22]. Все это потребовало новых форм хранения и передачи информации. Появление книгопечатания является третьей информационной революцией, отличающейся от предшественниц тем, что сделала любую информацию (особенно научные знания) продукцией массового потребления. Открытие электричества привело к появлению новых средств передачи информации – телефона, телеграфа и радио, а также средств хранения информации –

фотоаппаратуры и фонографа. Как отмечает А.В.Соколов, невербальный канал обогатился фотографией, а вербальный получил звукозапись. Наконец, А.И.Ракитов выделяет следующие характеристики пятой информационной революции: создание сверхскоростных вычислительных устройств – компьютеров (в том числе персональных); создание, постоянное наполнение и расширение гигантских автоматизированных баз данных и знаний; создание и быстрый рост трансконтинентальных коммуникационных сетей [10, с.93].

При рассмотрении информационных революций необходимо упомянуть и принятое в социологии деление истории на этапы, разделяемые революциями технологическими. Так, О.Тоффлер выделял три «волны» в развитии общества: аграрную при переходе к земледелию, индустриальную при переходе к классическому капитализму и информационную при переходе к обществу, основанному на знании. Выделение трех технологических революций использует в своих работах и признанный классик теории постиндустриализма Д.Белл: «Сегодня кривая технологического прогресса круто пошла вверх, и это говорит о том, что мы переживаем третью по счету всемирную технологическую революцию. Пройдя стадию изобретательства и новаторства, мы вступили в самую важную эпоху – период массового распространения и внедрения новых технологий. Их темпы в разных странах будут зависеть от экономического положения и политической стабильности, но этот процесс уже не обратить вспять, а по своим последствиям он может превзойти даже две предыдущие технологические революции, которые преобразили в свое время Запад, а ныне, с расширением масштабов цивилизации, меняют жизнь и в других частях света» [1, с.26]. Разделяя историю человеческого общества на три стадии – аграрную, индустриальную и постиндустриальную, Д.Белл стремился обрисовать контуры постиндустриального общества, во многом отталкиваясь от характеристик индустриальной стадии. Подобно другим теоретикам индустриализма, он трактует индустриальное общество как организованное вокруг производства вещей и машин для производства вещей. По мнению Д.Белла, происходящие в середине XX века изменения в социальной структуре свидетельствуют о том, что индустриальное общество эволюционирует к

постиндустриальному (прежде всего в США, Японии, Советском Союзе и в Западной Европе), которое должно стать определяющей социальной формой XXI века. Для постиндустриальной стадии характерен переход от производства вещей к производству услуг, причем услуг, связанных, прежде всего, со здравоохранением, образованием, исследованиями и управлением. Эта черта постиндустриального общества тесно связана с изменениями в распределении занятий: наблюдается рост интеллигенции, профессионалов и «технического класса» (такая тенденция обнаруживается уже в изменениях структуры занятости, происходящих в индустриальный период). Если индустриальное общество есть организация машин и людей для производства вещей, то центральное место в постиндустриальном обществе, согласно Д.Беллу, занимает знание. Как видно, информатизация является одной из характеристик постиндустриального общества, хотя технологические революции не совпадают с информационными. Но по мере того, как исследователи стали выявлять собственные черты нового общества (термин «постиндустриальное» скорее противопоставляет его предшествующему), стал упоминаться этот процесс.

М.Кастельс, как и Д.Белл, отводит знанию основное место в постиндустриальном обществе. Нынешнюю технологическую революцию, по его словам, характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение знаний и информации к генерированию знаний и к устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций. Это положение может прояснить следующая иллюстрация. Использование новых телекоммуникационных технологий в последние два десятилетия прошло через три отчетливых этапа: автоматизация задач, экспериментирование над использованием, реконфигурация применений. На первых двух этапах технологическая инновация прогрессировала через обучение путем пользования, в терминологии Розенберга. На третьей стадии пользователи обучались технологии, делая ее, и заканчивали, перестраивая сети и находя новые области применения. Обратная связь между введением новой технологии, использованием ею и продвижением ее в новые области проходит в

новой технологической парадигме намного быстрее. В результате распространение технологии бесконечно увеличивает ее мощь по мере того, как технология усваивается и переопределяется ее пользователями. Новые информационные технологии являются не просто инструментами, которые нужно применить, но процессами, которые нужно разрабатывать.

Поэтому новое общество – результат последней информационной революции – все чаще в работах философов называется информационным. Итак, *информационное общество* – категория, отражающая постиндустриальное общество как историческую фазу возможного развития цивилизации, в которой главными продуктами производства становятся информация и знания. Это понятие постоянно используется при раскрытии современных процессов и положения человека на данной этапе научно-технического прогресса. Ключевым элементом информационного общества, по мнению У.Мартина, являются коммуникации. Он отмечает, что понятие «информационное общество» следует принимать не в буквальном смысле, а рассматривать как ориентир, тенденцию изменений в современном западном обществе. По его словам, в целом эта модель ориентирована на будущее, но в развитых технологически странах уже сейчас можно назвать целый ряд вызванных информационными технологиями изменений, которые подтверждают концепцию информационного общества [8, с.115].

Так, М.Кастельс выделяет пять основных характеристик, присущих информационному обществу [см. 5, с.34]. 1. Информация является сырьем новой парадигмы: «Перед нами технологии для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций». 2. Всеохватность эффектов новых технологий: «Поскольку информация есть интегральная часть всякой человеческой деятельности, все процессы нашего индивидуального и коллективного существования непосредственно формируются (хотя, разумеется, не детерминируются) новым технологическим способом». 3. Любой системе или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии, присуща сетевая логика. 4. Информационно-технологическая парадигма основана на гибкости: «Процессы не только обратимы; организации и институты можно

модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов». Четвертая особенность связана с сетевым строением общества, но явно не принадлежит только ему. 5. Растущая конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся неразличимыми. М.Кастельс проводит разграничение между понятиями «информационное общество» (information society) и «информациональное общество» (informational society). Термин «информационное общество» подчеркивает роль информации в обществе, но здесь М.Кастельс имеет в виду информацию в самом широком смысле – передачу знаний, имеющую критическую важность во всех обществах. В противоположность этому предложенный им термин «информациональное» указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации становятся фундаментальными источниками производительности и власти [5, с.12].

Производится системный анализ влияния информационных процессов на различные сферы жизни общества: социальную, бытовую, общественно-политическую, экономическую. Информатизация деловой сферы привела к тому, что уже сегодня профессиональная деятельность большей части занятого населения в развитых странах по своей организации и содержанию выполняемой работы все в большей мере связывается с различными процедурами приема, передачи и анализа деловой информации с использованием средств современной информационной техники. Развитие информационных коммуникаций при помощи средств вычислительной техники повысило возможность и оперативность деловых контактов между людьми, что сказалось на эффективности их профессиональной деятельности. Современный специалист должен обладать набором знаний для использования информационных ресурсов, а также иметь дополнительную профессиональную подготовку в области использования средств информационной поддержки той специфической области знаний, которая характерна для того или иного вида профессиональной деятельности.

Информатизация общественно-политической деятельности во многом связана с необходимостью ежедневного изучения и аналитической обработки большого количества оперативной информации, публикуемой в СМИ. Основным проявлением информатизации бытовой сферы являются: все более широкое распространение электронной оплаты за различные услуги и товары, которыми люди пользуются повседневно, кредитные карты, домашние персональные компьютеры. Информатизацию социальной сферы хорошо характеризует развитие новых информационных форм работы на дому, которыми сегодня все чаще пользуются не только инвалиды и пенсионеры, но и вполне работоспособные граждане, предпочитающие работу на дому каждодневному обязательному посещению своей фирмы.

Ученые считают, что в информационном обществе процесс компьютеризации даст людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизированной обработки информации в производственной и социальной сферах. Движущей силой развития общества должно стать производство информационного, а не материального продукта. Материальный же продукт станет более информационно емким, что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости. В информационном обществе изменится не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все направлено на производство и потребление товаров, в информационном обществе производятся и потребляются интеллект, знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. От человека потребуются способность к творчеству, возрастет спрос на знания. Материальной и технологической базой информационного общества станут системы на базе компьютерной техники и компьютерных сетей, информационной технологии, телекоммуникационной связи. Определяющее воздействие информационных процессов на жизнедеятельность человека нередко отмечается и философской мыслью, но формирующаяся информационная реальность оценивается философами противоречиво.

Распространено мнение о деструктивном ее влиянии на систему ценностей человека. Так, Г.Б.Жданов утверждает: «В итоге одностороннего внедрения рыночных отношений в России через приватизацию и резкое падение возможностей государственного регулирования за последние семь-восемь лет система ценностей у наших людей существенно изменилась. При всем обилии товаров широкого потребления уровень жизни большей части населения резко снизился. Погоня за деньгами, подогреваемая непрерывным натиском рекламы, далеко не всегда добросовестной, и увлечение передаваемыми по телевидению сюжетами криминально-детективного и фантастического содержания резко сузили и сместили поле зрения большинства людей до уровня сиюминутных интересов и удобств, а также алкоголизма и наркомании» [3, с.101]. В.А.Кутырев отмечает, что инфосфера, в которой по роду своей профессии пребывает все большее число людей, для многих превращается в информационную клетку, отгораживающую их от непосредственного предметного мира, от досимволических форм жизни [7, с.90]. В бытии современного общества, как в зеркале, отражаются все силы созидания и разрушения – не только чувство единства, связанности народов и культур единым информационным пространством и временем, но и их сокращающаяся, сжимающаяся реальность, вытесняющая зачастую духовность. Происходит заметная унификация массового сознания, поскольку люди «потребляют» практически одновременно одни и те же новости, особенно глобального характера. С другой же стороны, вместе с процессом унификации сознания наблюдается и противоположная тенденция – у современного человека, может быть, как никогда ранее имеется полномасштабная возможность проявить и реализовать свою индивидуальность. Так, Ю.Хабермас неоднократно подчеркивал, что развитие информационной культуры привело к изменению функциональных характеристик идентичности. Это, прежде всего, классовая, политическая, национальная, профессиональная идентичности. Выбор той или иной идентичности стал теперь зависеть от желания индивида, а не от одобрения общества. Информационная реальность сегодня требует от человека новых знаний и умений, особого стиля мышления, обеспечивающего необходимую социальную адаптацию к переменам и гарантирующего достойное место в информационной среде.

Особенность современного общества заключается в том, что изменения в социокультурном пространстве происходят в исторически сжатых рамках, на глазах одного поколения. Одновременно с преобразованиями в социальной и экономической структуре становление информационного общества оказывает социальное, психологическое, культурное воздействие на личность. Современная философская мысль неоднозначно характеризует влияние информационной реальности на человека и общество: существует множество как позитивных так и негативных мнений. Но единого понимания информационной реальности еще нет, поэтому неизбежные ценностные различия усугубляются спором о словах. Для полноценного философского анализа информационной реальности нужно прояснение терминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д.Белл. – М., 1999.
2. Герасименко, В.А. Основы информационной грамоты / В.А.Герасименко. – М., 1996.
3. Жданов, Г.Б. Информация и сознание / Г.Б.Жданов // Вопросы философии. – 2001. – №11. – С.97-104.
4. История информатики и философия информационной реальности: учебник. – М.,2007.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М.Кастельс. – М.,2000.
6. Колин, К.К. Информационная цивилизация, какой она будет? / К.К.Колин // Библиотековедение. – 2001. – №5.
7. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А.Кутырев. – Н.Новгород, 1994.
8. Мартин, Дж. Информационное общество (Реферат) / Дж.Мартин // Теория и практика общественно-научной информации. – 1990. – №3.
9. Ракитов, А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях / А.И.Ракитов. – М.,1998. Википедия – <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
10. Соколов, А.В. Метатеория социальной коммуникации / А.В.Соколов. – М.,2007.

В.Г.ГОРБАЧЕВ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ

ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня Россия провозгласила идеологию своего развития, которое призвано опираться, прежде всего, на человеческий капитал, на способности и возможности свободной, творческой и ответственной личности. Такая личность – важнейшее условие всесторонней модернизации общества. В связи с повышением роли личностного начала в жизни российского общества философская антропология непременно должна заявлять свое слово о путях развития образования как сферы, где и происходит обретение человеком своего образа, т.е. становление в качестве личности. Нам представляется, что по отношению к сфере образования философская антропология не вправе быть безучастной, и ее активная роль может состоять в следующем. Во-первых, философская антропология создает не только предельно общий, но еще и конкретно-исторический образ человека, характерный для той или иной стадии исторического процесса, с которым должна соотносить, соизмерять себя сфера образования. Во-вторых, понятийный аппарат философской антропологии способен и должен играть методологическую роль в науках об образовании, особенно – в педагогике. В-третьих, философская антропология, обозначая и решая проблему человека в общем плане, способна придавать образованию гуманитарную направленность, помещая в центр его внимания внутренний мир человека как мир его сознания. В-четвертых, философская антропология призвана создавать необходимый противовес тем технократическим умонастроениям и тенденциям, которые, к сожалению, распространены и в педагогической науке, и в реальной практике образования. В-пятых, философская антропология может и должна активно влиять на философию образования, помогая ей формулировать идеал современного образования как самый общий ориентир его развития.

Можно сказать, что дело философской антропологии – способствовать на деле очеловечиванию образования, что означает возвышение человека через образование, развитие его в качестве творческой личности, для которой образование не может и не должно иметь границ. На наш взгляд, это есть основной антропологический императив применительно к теории и практике современного образования. В современном российском обществе происходит так

называемый цивилизационный сдвиг, т.е. радикальная смена основ существования и развития общества в результате глубоких социальных трансформаций внутреннего и внешнего (глобального) характера. В связи с этим возникает вопрос о том, каким должно быть образование в основе своей?

Идеология развития нашей страны предполагает формирование инновационного общества, в котором сфера образования призвана играть особую роль. В обществе такого типа инновационная деятельность обретает уже не узкоэкономический, а всеобщий, универсальный характер, затрагивая все основания и сферы его жизни. В связи с этим можно сказать, что инновационное общество есть такое его состояние, когда на деле наблюдается универсальное проявление творческой сущности человека в актах его свободной деятельности во всех сферах общественной жизни (а не только лишь в экономике).

На наш взгляд, инновационное общество (как модель его развития) следует рассматривать, как минимум, в двух аспектах. Первый аспект – антропологический, когда творческая активность человека воспринимается с точки зрения ее самовыражения и реализации в различных сферах инновационной деятельности. Поскольку творчество без свободы невозможно даже в принципе, то инновационное общество – это общество, стремящееся к предельной свободе, т.е. безграничности своего развития. Второй аспект – институциональный, когда рассматривается деятельность тех социальных институтов, которые призваны обеспечивать инновационную деятельность (государство, наука, бизнес, образование, право и т.д.). В связи с тем, что творческая личность формируется в образовательной среде и благодаря ей, можно утверждать, что инновационное общество есть такая социальная реальность, где образование не может и не должно иметь своих пределов, т.е. завершенности: это образование без границ.

Институты образования в нем должны играть особо важную роль – формировать творческую личность как субъекта данного общества. В обществе инновационного типа социальная динамика явным образом доминирует над социальной статикой, поэтому и образование в нем может носить лишь непрерывный характер. В обществе такого типа, как подчеркивают некоторые авторы, человек

«жаждет творчества, а не обыденности. Обыденность угнетает его» [13, с.117].

Становление инновационного общества вносит в его реальную жизнь такого рода изменения, когда становится очевидной и бесспорной необходимостью коррекции традиционных подходов к образованию как таковому и приведения этих подходов в соответствие с новыми антропосоциальными реальностями. Данный тип общества рождает новый образ человека в общественном сознании – как существа универсального, для которого творческая деятельность есть основной способ его существования. Соответственно образование для такого человека не может покоиться на какой-либо единственной посылке, основе: оно должно быть столь же универсальным, соотносимым с многомерной природой человека. В связи с этим не могут не возникать линии взаимодействия между философской антропологией и конкретными науками об образовании, а общей точкой пересечений этих линий может быть, на наш взгляд, философия образования. В современном российском обществе активно развивается педагогическая наука, призванная вместе с философией образования формулировать адекватные устремлениям общества образовательные парадигмы – общие представления о принципах, целях, структуре и содержании образования. Демократическая атмосфера общества создает предпосылки для развития современной педагогики «вширь», что в итоге порождает разнообразные технологии обучения и воспитания, разного рода принципы и подходы, формы, методики, концепции, системы, эксперименты и т.п. Обратной стороной этой тенденции является, однако, то, что человек, как главный объект педагогической науки, оказывается в ней в итоге словно бы расчлененным и рассеянным на мелкие части, а не как органичное целое, не как единая проблема. Экстенсивное развитие педагогики несет с собой изобилие всякого рода «воспитаний» – нравственное, эстетическое, экологическое, гражданское, правовое, трудовое, профессиональное, физическое и т.д.

Сегодня в педагогике выделяется огромное множество «компетенций», «моделей», «навыков» и «умений», «критериев», «классификаций», «типов» и «видов», «форм», «этапов». Все это, однако, – своего рода схематика, схоластическое теоретизирование в педагогической науке, означающее на деле отрыв от реального

человека. В итоге получается, что в современной педагогике на почве ее экстенсивного развития происходит как бы «исчезновение человека» как живого и целостного существа, хотя в своей действительности он ведь всегда существует как единое целое. Но если человек из педагогики исчезает, будучи «приватизированным» различными направлениями и моделями образования, то с чем же в таком случае педагогика намерена иметь дело дальше? Вообще, иногда создается впечатление, что современная педагогика теряет свой объект – личность как универсум. Сегодняшний выпускник педагогического учебного заведения (училище, колледж, вуз) выходит из его стен, фактически не имея в своей голове целостного представления о человеке, объемного его восприятия как многомерного явления бытия, и это ненормально. Но и удивляться этому не следует, ведь нередко даже в учебниках по современной педагогике среди основных, базовых категорий этой науки категория «человек» не выделяется. Как правило, к числу таковых авторы относят лишь три: «воспитание», «обучение», «образование» [14; 1].

В свое время А.С.Макаренко отмечал, что процесс образования должен быть «до конца целесообразен», и с этим нельзя не согласиться [10, с.12]. В педагогике, если она не желает утратить для себя живого человека, непременно должна быть прочная философская (= мировоззренческая + методологическая) основа. В ней изначально, как некий ориентир, должны обозначаться вопросы о смысле жизни человека, о его ценностных ориентациях, о выборе им своего жизненного пути. Нам представляется, что это как бы начало педагогики как очень важной формы гуманитарного знания. Это и в самом деле предельно важно, ведь без ценностного самоопределения человек не сможет состояться в личностном плане, в своих социальных качествах и своих практических действиях. Сегодня укрепление философских оснований педагогики – это совершенно необходимый для нее путь развития как способ восстановления образа целостного человека в ней.

Это выступает как своеобразная компенсация технократизма нашего времени – тенденции к теоретическому «расчленению» и «измельчанию» человека, размыванию его объемного образа. Напротив, целостное восприятие человека позволяет не утратить базовые понятия философской антропологии – «природа человека», «сущность человека», «смысл жизни человека», «жизненный путь»,

«свобода», «ответственность» и т.д. Справедливости ради заметим, что в современной педагогической науке все же появляются и новые, более прогрессивные веяния. Авторы подчеркивают необходимость прочной связи педагогики с философией, с философской антропологией, ведь для всех этих областей знания существует общий объект своего исследования – человек, человеческое общество, взаимосвязь человека с другим человеком. Ими полагается, что «без определенного философского угла зрения педагогика обойтись не может» [8, с.125-126]. Они высказывают надежду на то, что в основе современного образования будет находиться личностно-ориентированный, по сути дела – антропологический подход, возвышающий человека до уровня свободной личности. Такой подход («человекоцентрированное» образование) означает, что образование рассматривается не просто как дидактическая задача, а как решение жизненных проблем для человека, поскольку оно затрагивает все пространство человеческого бытия, его реальную жизнь как таковую – внутреннюю и внешнюю [17, с.29]. В наше время нет недостатка и в разговорах о необходимости совершенствования и развития гуманитарного образования. Предлагаются разного рода концепции и методики его организации. Актуальность гуманитарного образования аргументируется негативными объективными процессами: технизацией общественной жизни, разрушением природной среды, укорененностью потребительского образа жизни и т.д. Ведется речь об опасных тенденциях в духовной жизни общества – разложении морали, всплеске насилия, укоренении псевдоценностей и т.д. Как же в связи с этим строить гуманитарное образование? Что брать в качестве «основного звена» в его содержании? Все это очень важно, учитывая, что гуманитарное образование должно основываться на стыке разных наук – гуманитарных, социальных, естественных.

В нашем представлении, в основе своей гуманитарное образование – это формирование и развитие знаний человека о самом себе - о собственной природе и сущности, смысле существования. Важнейшей целью этого образования является, на наш взгляд, постижение человека как существа душевно-духовного, т.е. человека внутреннего. Сегодня, когда в обществе утверждается новый тип социальности (техногенное общество), гуманитарное образование объективно выступает как важное условие сохранения

«естественного» («природного») человека от окончательного распада. Образно говоря, эффективное гуманитарное образование – это путь спасения человека посредством раскрытия истины о нем и для него. Что же касается вопроса о том, кем человек должен стать в обществе (целью или же средством), то этот вопрос должен решаться лишь путем обращения ко всему содержанию антропологической традиции в науке.

Конечно, особо важную роль в гуманитарном образовании призвана играть философия как таковая. Находясь на стыке всех форм познания (в том числе и познания человека), она объективно призвана к тому, чтобы соединять «осколки» антропологических знаний в единое целое. Важнейшая задача философии – постижение фундаментальных вопросов, касающихся человека как существа, способом существования которого является универсальное творчество в различных сферах общественной жизни. Философия сегодня – это знание, прежде всего, о человеке. Так и должно быть, ведь без уяснения человеком истины о себе, о своем месте в мире, будущее этого мира может оказаться, увы, будущим без человека. Такова, к сожалению, тенденция нашего времени, и это надо знать, определяя парадигмы современного гуманитарного образования. Современная педагогика должна исходить из фундаментального философского положения, что в демократическом обществе человек может и должен сам, самостоятельно решать основные проблемы своего существования – выбор ценностных ориентаций, определение смысла своей жизни, своего отношения к обществу, к миру в целом. Дух демократии есть дух свободного самоопределения в окружающем мире. Но чтобы реализовать себя в таких социокультурных условиях, требуется развивать собственную сущность как внутренний источник своего существования. Вот почему вопрос о сущности человека, коренной для философии, должен выступать, на наш взгляд, как мировоззренческое основание педагогики в частности и гуманитарного знания вообще.

В наше время особое внимание уделяется проблемам высшего образования, которые обрели поистине стратегическое значение, стали предметом большой политики. Это – вопрос о будущем России, ее месте и роли в мире глобальной конкуренции, ведь в этой сфере готовят кадры для профессиональной деятельности, для элиты общества. Но это также и вопрос о становлении человека в качестве

личности как важнейшего достояния общества. Сегодня высшая школа все более осознается как важнейший интеллектуальный источник развития российского общества. С начала 90-х гг. XX века высшая школа России развивалась в общем контексте социальных трансформаций внутреннего и внешнего характера. Рассматривая общую логику развития этой школы, мы можем выделить в изучаемых процессах ряд модернизационных волн. Первая из них протекала примерно в 1992-1996 гг. Это был период попыток отрицания советской модели высшего образования, что завершилось принятием в 1996 г. закона РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Вторая волна модернизации была в 1997-2000 гг., когда кризисные процессы в нашей стране усугубились. В связи с борьбой за выживание вузы увлеклись формальной сменой своего статуса: институты стали называть себя академиями, а академии – университетами и т.д. В итоге форма взяла верх над содержанием, создав иллюзию крупных реформаторских изменений. Третья волна модернизации наблюдалась примерно в 2001-2006 гг., когда шли поиски системных решений и определения основ образовательной политики. Так, в 2000 г. правительством страны была принята «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» на период до 2025 г. В конце 2001 г. появилась и «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.», в которой образование было определено как важнейший фактор формирования нового качества экономики, общества в целом. В сентябре 2005 г. были провозглашены четыре приоритетных национальных проекта, один из которых был предназначен для сферы образования. На наш взгляд, сегодня уже налицо некоторые признаки очередной – четвертой волны модернизации высшей школы. Очень важное место заняло юридическое оформление перехода на двухуровневую модель высшего образования: каждый из уровней будет являться самостоятельным и иметь собственные образовательные стандарты.

Волны модернизации вызвали к жизни разнообразие моделей образования – «вариативное», «креативное», «поликультурное» и т.д. Самое важное состоит, на наш взгляд, в том, что сегодня в высшей школе все более активно утверждается парадигма личностно ориентированного образования, которое нацелено на формирование личности как важнейшего достояния общества. Она провозглашает

идею «человек для себя», означающую установку на становление и самореализацию, на образование в течение всей жизни. Содержание и особенности этой парадигмы раскрывается во многих работах [3; 4; 18].

По сути дела, это переход от ориентированного на знания и умения «человека экономического» (что характерно для общества индустриального типа) к «человеку универсальному», который нацелен на творческую самореализацию в условиях свободы. По мнению исследователей, идущая на смену «знаниевой» парадигмы личностно-ориентированная парадигма (ее часто называют «антропологической») призвана стать интегративным началом, вокруг которого должны выстраиваться и педагогическая наука, и педагогическая практика. Очень удачно по поводу такой установки заметил известный российский философ В.А.Кутырев: по его убеждению, сегодня, когда обществу угрожают технократические тенденции, в образовании никак нельзя «миновать личность» [9, с.18]. Ученый полагает, что в наше время в связи с развитием наукотехники и искусственного интеллекта, укоренением научно-технического мировоззрения происходит «автоматизация педагогики» и «расчеловечивание» образования. Сциентизм формирует «клиповое» мышление и подавляет мудрость, поэтому настоятельно требуется иная философия – философия гуманистического образования. Сегодня существуют и «частные» образовательные парадигмы, которые, как правило, конкретизируют и развивают личностно ориентированный подход. Надо, однако, признать, что «личностная» парадигма высшего образования не сможет утвердиться сама по себе, автоматически, тем более, что сегодня она постоянно подвергается настойчивым вызовам-угрозам со стороны рынка, который по природе своей ориентирует человека на одномерную функциональность. В связи с этим заметим: чтобы стать и состояться, высшее образование должно быть универсальным. В противном случае оно не сможет по-настоящему решать проблему формирования личности, что возможно через универсализацию ее развития.

Модернизационные процессы в высшей школе активизировали спор о том, что есть высшее образование: социальное благо или же коммерческая услуга? Может быть, оно есть, как пишут некоторые авторы, такое же изделие, подобно «хлебу, автомобилям или

телевидению» [12, с.43]? Этот вопрос, на первый взгляд кажущийся всего лишь теоретическим, на самом деле имеет очень большое практическое значение. Это вопрос о том, кто должен порождать требования к высшему образованию и, соответственно, моделировать его структуру и содержание: общество или же рынок (мир труда)? Об этом непременно следует говорить, поскольку сегодня в России сложились, по наблюдениям исследователей, два противостоящих друг другу подхода к высшему образованию: либеральный и государственнический. Если второй ориентирован на социальную конъюнктуру (реальные запросы общества), то для первого образование – это рыночная услуга, а вузы – своего рода «предприятия» по оказанию таких услуг.

Вопрос о том, что есть высшее образование, в самом деле принципиально важен, ведь общество и рынок существенно отличаются в своих интересах относительно модели построения образования и его практической реализации. Надо признать, что по природе своей рынок «эгоистичен», он преследует свои узкие интересы, капризен, непостоянен, склонен к частой смене целей, и поэтому он навязывает излишний прагматизм в образовании. А вот общество не имеет права быть таким. Его коренной интерес состоит в постоянном воспроизводстве личности как первейшем условии своего существования в качестве общества. Формируя личность, общество воспроизводит и развивает дальше свой интеллектуальный и гуманистический потенциал. К тому же, в образовании оно видит путь к гармонизации отношений внутри себя, поскольку образование – один из основных путей к социальному равенству как равенству возможностей, к стабильности в обществе. В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» идет речь, в частности, о том, что сегодня основная цель профессионального образования – подготовка работника, «свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности», готового к «постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности».

По сути дела, в данном документе обозначен (хотя и слабо, без должного акцента) исходящий от общества универсализм как принцип образования [7]. Что же касается рынка, то в силу специализации экономической среды он нуждается в другом – в

работнике, который «знает и умеет», т.е. обладает компетенциями. Более того, рыночная ориентация рождает в личности такие качества, которые, по мнению ученых, трудно назвать высокими [16]. На наш взгляд, всегда существует естественное противоречие между универсализмом образования и рыночной экономикой: первое требует всесторонности, многогранности формирующейся личности, а второе – ее специализации, ограничения в конкретной области деятельности. В итоге первое формирует многомерного человека, а второе – человека одномерного.

Каков путь разрешения данного противоречия? Теоретический ответ на этот вопрос должна дать философия образования, призванная формулировать его парадигмы. Образование лишается смысла, если оно не соотносится с социальным идеалом, который должен выражать актуальные запросы и перспективные ожидания общества, национальную идею (в определенном ее аспекте). Без такого соотнесения теряются мировоззренческие основы и стратегические ориентиры образовательной деятельности. Социальный идеал должен быть первичен, а образование вторично: такова формула их взаимосвязи. Особое значение идеал обретает в условиях переходного состояния общества, когда идет смена ценностных и иных оснований общества.

В связи с особым значением социального идеала педагогика не может не вступать в диалог с философией, которая по роду своей деятельности занимается идеализацией, то есть формулированием идеалов в их предельно широком значении. Но ядром современной философии является учение о человеке, философская антропология. Следовательно, философия образования не может обойти стороной проблему человека в философской ее постановке: «Что есть человек?»

В обозначенном споре («Образование: благо или услуга?») будет уместным обратиться и к той позиции, которую декларируют международные образовательные круги. Так, первая Всемирная конференция ЮНЕСКО по вопросам высшего образования (октябрь 1998 г.) в своем итоговом документе отметила, что роль этого образования вовсе не должна состоять только в решении краткосрочных задач, связанной с подготовкой рабочей силы для нужд рынка. «Высшие учебные заведения – говорится в этом документе, – должны обучать, как следует жить и создавать самому для себя возможности самореализации, а не пребывать в ожидании

работы как чего-то, причитающегося человеку, якобы, по праву». Запросы общества должны первенствовать по отношению к ожиданиям мира труда, а развитие человека в образовательной среде должно идти «в течение всей жизни» [2, с.8].

Модернизация высшего образования актуализирует также и вопрос о миссии Университета – о его месте и «генеральной» роли в современном образовании, о призвании в обществе вообще. В специальной литературе идут активные дискуссии, суть которых вот в чем: исчезает ли университет как социальный институт или же он остается, порождая из себя новые формы своего существования и новые миссии-роли? Сегодня нередко говорят об ослаблении позиций университета, «кризисе университетского мира», о «десакрализации» университетских знаний, о неопределенности дальнейшего существования этого социального института в условиях современной цивилизации [6; 15; 5]. На наш взгляд, вернее всего будет говорить о новых парадигмах университетского образования и соответствующих миссиях университета в современном обществе. Конечно, это – проблема философии образования, но сегодня это также и актуальная проблема политики образования. Проблема сохранения сущности университета актуальна сегодня, в том числе и в связи с диверсификацией высшего образования, то есть быстрым ростом разнообразия в нем. На практике это проявляется, в частности, в возникновении большого множества университетов различного типа. Сегодня речь идет уже не только о классическом университете, но и таких его конкретных типах (моделях), как инновационный (исследовательский) университет, предпринимательский, корпоративный, виртуальный, региональный, международный, университетский комплекс, консорциум университетов и т.д. Диверсификация сопровождается появлением новых способов получения образования, новых программ и методик, новыми формами связи университетов с практикой. Меняются также их взаимоотношения с государством и обществом, с бизнесом, с наукой. В связи с этим исследователи говорят о необходимости адаптации университета, как социального института, к быстрым изменениям в обществе и в мире в целом – адаптации ради выживания. Вот почему вопрос о сохранении сущности университета – это вопрос о перспективах его существования. Каковы же пути решения этой проблемы? Мы исходим из того, что университет – это социальный

институт, который призван решать задачу формирования универсальной личности.

По определению своему университет не должен быть специализированным, узкоотраслевым, «одномерным». Вот почему, несмотря на неумолимый рост многообразия в высшей школе, он должен сохранять и развивать свои основные роли («миссии») как конкретные проявления единой сущности. Мы выделяем несколько важнейших миссий университета, призванных определять и наполнять содержание его деятельности. Первое: университет – это способ обретения высшего профессионального образования эталонного качества по конкретным направлениям науки и практики. Второе: университет – это специфическая среда, в которой идет активное развитие науки, фундаментальной и прикладной. Третье: университет – это пространство культуры как системы ценностей высокого уровня, которые определяют жизненные ориентации человека. На наш взгляд, об университете классического типа можно говорить тогда, когда эти функции (образование-наука-культура) не только есть в наличии, но и взаимосвязаны, рождая в итоге некое новое качество – основную миссию университета, которая является интегративной.

В чем именно она состоит? Основная миссия современного университета – формирование личности через образование, науку, культуру и иные каналы трансляции социального опыта. Данная задача – непреходящая для общества, она не может быть снята с повестки дня никогда, тем более в условиях перехода к «обществу знаний». Очевидно, данная миссия носит всеобъемлющий характер, не сводясь к задачам конкретного отраслевого характера и масштаба. При таком подходе, когда выделяется интегративная функция, университет выступает в качестве социального института, призванного обеспечивать производство и воспроизводство универсальной личности как основного достояния общества и тем самым выражать глубинные запросы общества, неизменные для любого исторического времени и не зависящие от преходящих запросов Рынка. Поэтому университетское образование должно выступать как «спасение человека» и непременно быть гуманитарным и гуманистическим в основе своей [5, с.24].

Анализ модернизации российской высшей школы в постсоветский период требует извлечь из прошедшего некоторые

принципиальные выводы. Прежде всего, со стороны государства должна вестись политика в сфере образования, исходящая из признания ведущей роли «человеческого потенциала» в жизни современного общества. Именно отсутствие такой политики породило в итоге глубокий кризис в образовании, усугубило и обострило его проблемы, придало им в итоге «накопленный» характер. Сегодня, как говорят ученые, мыслить об образовании означает «мыслить политически» [11, с.63].

Вопрос о наличии такой политики – вопрос о постоянном присутствии государства в сфере высшего образования и системном подходе к решению проблем высшей школы, реализуемом в русле приоритетного и ответственного отношения к данному сектору образовательного пространства общества. Сегодня образование в нашей стране находится в полосе острых проблем и больших испытаний. Оно нуждается в глубоком философском осмыслении, в формировании своих новых парадигм и соответствующего им содержания. Философская антропология может и должна играть в этом активную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордовская, Н.В. Педагогика: учебное пособие / Н.В.Бордовская, А.А.Реан. – СПб., 2008.
2. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры // Вестник высшей школы. – 1998. – №11.
3. Горин, Ю. К иной парадигме / Ю.Горин, Б.Свистунов // Высшее образование в России. – 1999. – №3.
4. Давыденко, Т. Антропологические ценности в подготовке будущего учителя / Т.Давыденко, И.Ирхина // Высшее образование в России. – 2005. – №5.
5. Долженко, О. Университет в условиях межцивилизационного зазора / О.Долженко // Вестник высшей школы. – 2007. – №2.
6. Козлова, О.Н. Идеология и утопия в мире университета / О.Н.Козлова // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – №3.
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2001 №1756-р.
8. Краевский, В.В. Общие основы педагогики: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.В.Краевский. – М., 2003.
9. Кутырев, В.А. Образование как образ жизни / В.А.Кутырев // Вестник высшей школы. – 1997. – №10.
10. Макаренко, А.С. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / А.С.Макаренко. – Т. 1. – М., 1977.

11. Место и роль современного университета в трансформируемом обществе (круглый стол) // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №4.
12. Налетова, И. Диверсификация высшего образования: вызов университетам / И.Налетова // Высшее образование в России. – 2005. – №5.
13. Новиков, А. Постиндустриальное общество – общество знаний / А.Новиков // Высшее образование в России. – 2008. – №3.
14. Подласый, И.П. Педагогика. Новый курс: учебник для студ. пед. вузов: в 2 кн. / И.П.Подласый. – М., 2001.
15. Покровский, Н. Обыкновенная история (откровения профессора) / Н.Покровский // Вестник высшей школы. – 2002. – №2.
16. Сероштан, М.В. Духовно-нравственный вектор современного образования / М.В.Сероштан // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 2004. – №2.
17. Скуднева, Т. Философская антропология – методологическая основа педагогического образования / Т.Скуднева // Вестник высшей школы. – 2006. – №10.
18. Ячин, С. Антропологический принцип и идея образования / С.Ячин // Высшее образование в России. – 2005. – №3.

Э.С.ДЕМИДЕНКО

ПРОБЛЕМА НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЗНИ

В современной философской и научной литературе, при изучении и осмыслении социальных и социоприродных процессов, наряду с понятиями «теория», «концепция», «парадигма», «концепт», все чаще применяются понятия «модель» и «моделирование». Понятие моделирования связывается с обоснованием различных вариантов предпочтений или образов прошлого, настоящего и будущего, их проектирования. Автор не ставит задачей раскрыть особенности данных понятий. В рамках заявленной темы следует отметить: если первая группа понятий раскрывает комплекс взглядов, представлений, идей, аргументов, направленных на истолкование и объяснение каких-либо природных или общественных явлений, и дает нам целостное представление о закономерностях, тенденциях и направлениях их развития, то вторая уточняет дополнительно принципы, механизмы, особенности ряда протекающих родственных явлений, когда появляется необходимость выбора из них альтернативных, желательных путей, их утверждения и развития. Моделирование осуществляется чаще всего, чтобы «моделям существующей реальности», описанным теориями, противопоставить

«модели желательной реальности» в зависимости от целевых установок власти, группы людей или даже народа, если это касается глубинных основ их жизни, перспектив благополучного развития. Такие модели представляют собой сложные стратегические программы социальных или природных трансформаций, о чем говорит опыт моделирования учеными Римского клуба и Института мирового порядка (США), разрабатывающих модели мирового порядка и глобальных социально-экологических процессов.

Разработки таких моделей дали многое для понимания развития человечества, но не привели пока к решению острейших проблем современности. Для глубокого изучения подобных глобальных моделей, а тем более для создания моделей будущего, на наш взгляд, еще на предварительной стадии необходимо решить целый ряд методологических вопросов взаимоотношения, *во-первых*, философского и научного знания, а *во-вторых*, общества и природы, что позволит реалистично оценить фундаментальные вопросы эволюции жизни на Земле – как прошлой, так и продолжающейся и будущей. В первом случае таких отношений философия чаще всего понимается или как особая область знаний, подобно религии, не имеющая отношения к науке, или же как особая самостоятельная наука о всеобщих свойствах бытия. Во втором случае природа и общество рассматриваются и изучаются как две независимые и взаимодействующие системы, при этом первая основана на природных закономерностях, вторая – на социальных. Такая наука, как социология, например, в своих построениях концепций общественного развития исходит сугубо из закономерностей социального порядка, не учитывая того, что человечество вышло из природы, является ее частью и развивается как по природным, так и социальным законам. Такое дуалистически ограниченное метафизическое мышление становится заметным сейчас, с *вхождением общества в техногенную эпоху и период особого рода глобализации – социотехноприродной* [1]. Стараясь преодолеть такую ограниченность, автор статьи ставит перед собой задачу интегрировать достижения наук и философии в объяснении развития жизни на Земле, при этом *философия выступает интегратором знаний* в межпредметных социоприродных исследованиях, тем самым преодолевая надуманный барьер в развитии общества и природы.

Человеческое общество является итогом эволюции материи во Вселенной и жизни на планете Земля, формирования и развития биосферы, породивших человека как разумное существо (хотя лучше было бы сказать биосоциальное существо с развитым в обществе на основе языка и культуры сознанием). В данном случае уместно вспомнить глубокое замечание И.Канта, что разумное постижение мира, приводящее нас к полноценному знанию, представляет собой всего лишь «маленький островок истины среди бушующего океана иллюзий и лжи». Разумное скрывается в глубинах сознания, поэтому открывается в процессе далеко не простых исследований, суждений и умозаключений. Мы долго «плаваем» в «океане иллюзий», прежде чем находим островок истины. Так, для Ч.Дарвина и всех его последователей – биологов все живое эволюционирует на основе природно-биологических законов, для К.Маркса, О.Конта и их последователей общество развивается на основе социальных законов. Ученые-естественники и социологи разделили эволюцию мира на две группы закономерностей – природные и социальные, хотя отделить жестко социальное от природного практически чрезвычайно сложно.

Эволюция жизни на Земле проходит свои особые ступени и осознание их дало возможность Ф.Энгельсу выделить основные формы движения материи – механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную. Философия обращает внимание и на другие качественно различные формы движения материи, например геологическую и географическую. Сейчас, в условиях *нарастающего техногенного развития общества и земного мира*, мы можем выделить *биосферную и постбиосферную* формы движения материи, что нашло некоторое отражение в трудах В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере. Ноосфера, по В.И.Вернадскому, это высшее и последнее состояние биосферы, сформированное уже коллективным человеческим разумом и основанным на нем труде. Мы можем сейчас говорить о *биосферных и постбиосферных формах жизни*. Последние создаются человечеством, его разумом, но не отвечают критериям разумности, поскольку искусственным, противоестественным замещается биосферная жизнь. Один из теоретиков ноосферы А.Д.Урсул настаивает на необходимости сохранения биосферы; более того, он справедливо сетует, что современное разрушение биосферы грозит тем, что нельзя будет построить и ноосферу. «Критерием уровня

развития и качества жизни в сфере разума, – отмечает он, – станут гуманистические ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой в условиях глобальной всеобщей безопасности» [4, с.633]. Но зададимся вопросом: на что направляет свой разум человек? И ответ мы получаем, полагаю, вполне убедительный: прежде всего на удовлетворение своих жизненных потребностей, интересов и даже прихотей. Человек удовлетворяет их с помощью своего разума, не задумываясь и не сопереживая за последствия – разрушение жизнеспособности биосферы.

Следует иметь в виду, что сами биосферно-биологические формы жизни прошли свои эволюционные этапы развития, насчитывающие шесть эр: катархейскую, архейскую, протерозойскую, палеозойскую, мезозойскую, кайнозойскую. Первые две эры, длившиеся 1,6 млрд лет из почти 4 млрд лет развития жизни, включали доклеточные и одноклеточные организмы – бактериоподобные, бактериальные и водоросли. Биосфера, по В.И.Вернадскому, появляется с самого начала зарождения первых форм жизни на Земле, но, видимо, как целостное системное образование и самостоятельная форма движения материи она существует около двух миллиардов лет – с начала бурного развития жизни в воде, а как полноценная планетарная биосфера – с периода силура (400-420 млн лет назад, когда осуществился массовый выход растений, а потом и животных на сушу благодаря сформированной сине-зелеными водорослями кислородной атмосфере и озоновому слою, отражающему смертоносные космические ультрафиолетовые лучи). Переход жизни от одной эры к другой сопровождался изменением условий биосферной жизни под воздействием биологических организмов и соответственно гибелью отживающих форм жизни и утверждением более сложных и жизнестойких. Как подсчитали ученые, за период развития жизни на планете развилось примерно 500 млн видов растений и животных, сейчас их осталось немногим более 2 млн, или 0,4%. Следует также отметить, что становление нового вида живого организма в биосфере осуществляется в среднем 3 млн лет. Сейчас же под воздействием техногенной человеческой деятельности и варварского отношения людей к живой природе количество биосферных видов и численность организмов сокращаются, хотя на смену биосферным организмам приходят творимые человеком

постбиосферные – как окультуренные, так и генетически трансформированные. Взаимоотношения общества и природы, с точки зрения существования отдельных законов двух «самостоятельных» систем, дает многим ученым пищу для моделирования двух крайних вариантов развития жизни на Земле: 1) общество уничтожает биосферу, а вместе с ней погибает и человечество; 2) для сохранения человечества необходимо устойчивое, коэволюционное развитие общества и биосферы, т.е. общество должно создать соответствующую модель развития земного мира. Но анализ деятельности мирового сообщества показывает: модель устойчивого развития, принятая на Конференции ООН в 1992 г. (Рио-де-Жанейро), не воплощается в жизнь.

Опираясь на последствия техногенности развития общества и мира, можно говорить уже о том, что созданная природой «биосферная модель» развития жизни и становления разума находится на грани исчерпания и ей на смену приходит иная участь – не «конец жизни», а «конец биосферной жизни», то есть не известная пока что никому из нас *модель стихийно формирующейся «социотехноприродной жизни»*. Эта модель еще не осознается философией и наукой, поскольку наш разум «плавает» пока в «океане иллюзий». И философское, и научное сознание в силу своей неосознаваемой разобщенности, несогласованности действий не могут охватить своим мышлением факты не только уничтожения биосферной жизни, но и артефакты искусственной. Следует отметить, что за 10-12 тыс. лет земледельческого развития человечество уничтожило 2 млрд га некогда плодородных биосферных земель, а оставшихся и порушенных 1,5 млрд га осталось на полтора-два столетия. На место вековой почвенной основы биосферного развития приходит техносферная основа, притом чрезвычайно стремительно. Если городские поселения, как база техносферы (т.е. неживого искусственного мира), крайне медленно развивались в течение 6-7 тысячелетий, то только за два последних века совершилась «техносферная революция» в формировании искусственного неживого мира, замещающего и почвенную составляющую биосферы. А без естественных почв не будет и самой биосферы как самостоятельно развивающейся системной целостности. В 1800 г. на планете проживало 910 млн. человек, из них только 45 млн (5,1%) были горожанами. В конце 2007 г. на планете уже было 6,6 млрд человек, из них 3,3 млрд (50%) городских жителей. В 2040 г., если

не произойдет катастрофических событий, на планете станет около 9 млрд землян, из них около 7 млрд. горожан (75-80%). Уже сейчас под городами, поселениями, крупными застройками находится 4% территории суши, и 55% последней покрыто техногенными грунтами (т.е. полностью или существенно измененными). К концу XXI в. ожидаются соответственно показатели 17 и 70%, если исходить из нынешних темпов роста техносферы на планете. Наряду с этим идет нарастающая техногенная трансформация биосферных плодородных почв, богатых разнообразной жизнью. Из них изымаются «строительные материалы» жизни (биохимические элементы), и уже начинают развиваться биотехнологические и вермитехнологические производства продуктов питания (но последние пока губительны для здоровья человека своей техногенностью). Конечно, уже сейчас можно было бы создать систему сохранения биологического биосферного вещества для производства качественных продуктов питания, но никто этим, за редким исключением, не занимается. Изъятое из почв биологическое вещество (продукты питания) вывозится в города и в отходах смешивается с химическим, становясь непригодным для воспроизводства продуктов питания. По оценкам известного эколога Н.Ф.Реймерса, за период существования человечества его активной деятельностью биосфера потеряла примерно 40% биомассы зеленого покрова суши. По расчетам автора статьи, только за последние два столетия (XIX –XX вв.) техногенного общественного развития на суше на треть сократилось живое и биогенное вещество, гумус в почвах.

Приведенные факты говорят о том, что ради удовлетворения своих потребностей человечество уничтожает *биосферную жизнь* на планете Земля, замещая ее искусственными формами жизни, сотворенными человеком. Если мы попытаемся обобщить изложенное, то на планете можно выделить *три исторические глобальные и качественно различные модели жизни*. **Первая глобальная модель жизни – биосферно-биологическая** – насчитывает около 4 млрд. лет: она характеризуется нарастающим формированием целостной и весьма развитой биосферы, ее бурным развитием последние 500 млн лет, которое сменяется разрушением и формированием иной глобальной модели жизни на планете под воздействием общественного развития.

Вторая глобальная модель жизни – социально-биосферная, на наш взгляд, является *переходной от биосферной к постбиосферной*.

Она нашла отражение в концепциях биосферы и ее восхождения к ноосфере в трудах Э.Леруа и В.И.Вернадского. Русский ученый-энциклопедист впервые глубоко исследовал биологические организмы во взаимосвязи с окружающим миром. Он ввел понятие «живое вещество», и биосфера в его представлении – это определенная системная целостность живого вещества планеты со своим непосредственным окружением. Он обратил внимание и на то, что живое вещество не только получает жизненные элементы из окружающей среды, но оно изменяет эту среду, им была преобразована вся поверхность нашей планеты. Эта взаимная эволюция живого вещества и земного окружения и представляет собой эволюционирующую биосферу.

В.И.Вернадский верил в то, что придет время, когда под воздействием коллективного разума, науки функции преобразования планеты возьмет на себя человечество; тогда биосфера перейдет в свою новую эпоху – эпоху ноосферы. Ноосфера – это уже взаимосвязанная эволюция человеческого общества, его разумной деятельности и биосферной природы на новом качественном уровне развития жизни. Когда В.И.Вернадский создавал концепции биосферы и ноосферы, тогда еще не было биотехнологических производств, еще не было искусственного мира растений и животных в трансгенно-модифицированном виде, с которым мы сейчас имеем дело. Одомашненные, окультуренные живые организмы несли еще в себе биосферную жизнь: измененные по «биосферным технологиям» растения питались биосферными почвами без примесей минеральных удобрений и искусственной химии, а окультуренные (т.е. социализированные) животные поедали хотя и окультуренную, но еще качественную, биосферную пищу. Поэтому превращение биосферы в ноосферу не вызывало еще опасений.

По мысли В.И.Вернадского, именно человек как разумное существо переводит биосферу в ее высшее состояние. «С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа, – отмечал он, – планета переходит в новую стадию своей истории. Биосфера переходит в ноосферу» [1, с.5]. В то же время В.И.Вернадский обращал внимание на то, что ученые «не считаются с законами *природы биосферы* (выделено Э.Д.) – той земной оболочкой, где только может существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим» [2, с.326]. В.И.Вернадский говорил о переходе биосферы

в новое качественное состояние – ноосферу, отмечал большую потенциальную роль науки в таком переходе, но тут же сетовал и на то, что даже ученые и те «не считаются с законами природы биосферы». Французский ученый Э.Леруа, изучая труды В.И.Вернадского о биосфере и воздействии на нее общества и человеческого разума в форме активной деятельности, сделал осторожные выводы. Для осмысления процессов воздействия общества и человеческого разума на биосферу он ввел понятие ноосферы, которое вскоре принял и В.И.Вернадский. При этом Э.Леруа выделил два важнейших события в истории нашей планеты: 1) витализацию неживой материи и 2) гоминизацию жизни, т.е. феномен совокупного воздействия человечества на биосферу [5, с.73].

С самого начала происхождения *homo sapiens* – людей разумных (неандертальцев и кроманьонцев), как утвердилось в науке конца XX века, человек в нарастающей степени воздействовал на биосферу, при этом далеко не в направлении ее улучшения. Он приспособливал биосферу и биосферные организмы для устойчивого питания, удовлетворения других жизненных нужд. Так, он одомашнил 14 крупных и средних диких животных из 150, порожденных биосферой, развил аграрное производство, уничтожив половину плодородных земель на планете за 10 тыс. лет их эксплуатации, низвел около 3/4 лесов, 9/10 африканской саванны и т.п. Можно ли это назвать переходом биосферы в ноосферу с улучшением качеств биосферной природы? Конечно, нет. Можно говорить только о социализации биосферы, социоприродных эволюционных процессах. На земледельческом этапе развития человечества происходит достаточно весомая социализация биосферы, порождающая окультуренные (по сути уже не биосферного происхождения) организмы – растительные и животные. При этом целенаправленные изменения организмов происходят в тысячи раз быстрее, нежели это осуществляет саморазвитие биосферы.

Третья глобальная модель жизни – **социотехнобиологическая**, творимая далее человеком, берет начало с промышленной революции конца XVIII в., активно развиваясь с научно-технической революции середины XX в. Полтора столетия (1800-1950 гг.) индустриально-техногенного развития на Западе подготовили *стремительно проходящий на земном шаре массовый переход от жизни биосферной к жизни постбиосферной, или техно-*

ноосферной; идущая интеграция социального, техногенного, биологического элементов («социо», «техно», «био») современной жизни приводит к утверждению *социотехнобиологической модели* жизни. Стремительно разрастается городская техносфера, в которую «сбегаются» люди, покидая биосферные сельские пространства, вслед за ними подтягивается агропромышленное производство с новыми формами техногенно трансформируемых животных и растений, а биосферные пространства «обливаются» техногенными дождями и ветрами, изменяющими их биосферное содержание. Техногенным становится в первую очередь организм «цивилизованного человека», насчитывающий уже до 2 тыс. искусственных веществ (в материнском молоке – до 300, травмирующих организм ребенка и вызывающих болезни). Рост детских патологических болезней в России, которыми болеют 70% школьников, – яркое свидетельство тому, как утверждающаяся у нас либерально-экономическая цивилизация (капитализм) с ее направленностью на получение сверхприбылей творит техногенную жизнь. Эта цивилизация порождает «вампиров», высасывающих жизненные «соки земли», «биосферную кровь», и наполняет человеческий организм ядами техногенности, что особенно заметно стало в период кризиса.

С промышленной революции конца XVIII в. не только стремительно развивается на планете машинное производство, но оно стремительно изменяет и человеческий, и биосферный мир в целом, к которому пока принадлежит и Человек Разумный. Стремительная урбанизация (техносферная революция) не только порождает искусственный мир, который приходит на смену биосферному и уже по своей массе сравним с живым веществом планеты, но он приходит и на смену «природно-биосферной оболочке живого вещества». Можно сейчас говорить о техносфере уже как о «техносферной оболочке живого вещества»; живые организмы развиваются в искусственных условиях, в которых живое вещество (микроорганизмы, растения и животные) интегрируется с искусственным миром, именуемым кратким термином «техно». Создаваемое человечеством «техногенное биологическое вещество», по своей сути, представляет результат интеграции «социо», «био» и «техно» как по форме своего становления и развития, так и по содержанию – в биологическом веществе, измененном в процессах

биотехнологического производства и антропогенных загрязнений, присутствует уже социальный замысел, человеческий разум и сатанинские последствия такого «разума» – искусственное, убивающее живое и биосферное. Сотворенное человеком новое живое вещество в ходе техногенного общественного развития теряет во многом биосферные качества и приобретает техногенные, которые пока что существенно хуже биосферных для человеческой жизни, о чем говорит рост болезней «техногенной цивилизации».

В эволюции жизни можно выделить три качественно различные стадии: 1) *биосферно-биологическую*; 2) *социально-биосферную*; 3) *социально-биологическую*. Биосферно-биологическая эволюция живых организмов насчитывает порядка 4 млрд. лет и завершается формированием *homo sapiens* современной эпохи. По космическим временным меркам, это пока что самый крупный период в развитии жизни. Заключительное же формирование Человека Разумного оценивается в 1 млн. из 7-8 млн лет периода формирования человека из обезьяноподобного существа. С появления *homo sapiens* (неандертальца, а затем и кроманьонца), т.е. около 0,5 млн лет назад, начался этап формирования социально-биологической эволюции жизни, который разворачивался крайне медленно, начиная с ручного возделывания элементарных орудий труда и продолжаясь сейчас в машинном воспроизводстве жизни. Речь идет также и о том, что в стадии биосферно-биологической эволюции жизни выделяется переходный период в 0,5 млн. лет, когда человек уже при помощи развивающегося разума (в границах первичного сознания и культуры) стал воздействовать на биосферную природу, постепенно трансформируя и изменяя ее как при помощи коллективного разума и практических знаний, так и при помощи совершенствовавшейся руки при использовании первичной техники – орудий труда. «Разумные неандертальцы» уступили место более разумным кроманьонцам, начавшим 10-12 тыс. лет назад переходить к производящей экономике – земледелию. Отсюда начинается бурный переход к социально-биологической эволюции развития земной жизни. Три тысячелетия развития философии и науки и два века развития машинного производства подвели планету к преимущественной *социально-биологической эволюции жизни*. В земледельческую эпоху мы встречаемся с социально-природными процессами изменения жизни, а с промышленной революцией XVIII в. развиваются процессы,

порождающие социотехноприродную глобализацию и социотехнобиологическую модель жизни. Здесь решающую роль играет эгоистическое использование достижений науки и научно-технических производительных сил, уничтожение с их помощью биосферы и ее ресурсов, «искусственная химизация» круговорота веществ в биосфере и живых организмах, включая человека, формирование техносферы, бурный рост населения планеты и массовый переход его в жесткие техногенные условия жизнедеятельности.

На смену биосфере, прекращающей сейчас расширенное воспроизводство жизни и усложнение биосферных живых организмов, приходит социотехноприродная система воспроизводства и организации жизни, получившая свое первоначальное философско-научное обоснование в трудах В.И.Вернадского, Э.Леруа, П.Тейяра де Шардена.

Делая выводы, можно отметить, что на Земле за период ее существования можно отметить три основные модели жизни: 1) *биосферно-биологическая*, существующая около 4 млрд лет и практически завершающая свою эволюцию и существование в третьем тысячелетии, если человечество не свернет с нынешнего пути либерально-экономического развития; 2) *социально-биосферная*, восходящая на основе *мягкой социализации биосферной природы* в границах сохраняющейся полноценной биосферы; 3) *социотехнобиологическая*, создаваемая с применением *глубокой креативно-техногенной социализации*, которая приходит на смену предыдущему этапу и *ставит перед нами вопрос о моделировании постбиосферной жизни.*

При этом у человечества нет другого выхода: или сохранять модель жизни с разрушающейся и теряющей свои креативные способности биосферой (которую вряд ли удастся вернуть в былую системную целостность, самоорганизующуюся систему Gaia, обоснованную в конце XX в. Дж. Лавлоком), или же идти *по пути моделирования безопасной для человечества социотехнобиосферной модели жизни с сохраняющейся полуразрушенной биосферой*, укрепляя и восстанавливая ее, хотя возврата к полноценной биосферной жизни уже нет. При этом необходимо беречь на планете каждый грамм биосферного живого и биогенного вещества, а не сжигать, не делать из него «мертвые» вещи, не выбрасывать его в отходы с опасным искусственным веществом, в результате чего биосферная жизнь безвозвратно

теряется. Не исключено, что навсегда. Если ООН и все страны мира не начнут спасать остатки биосферы уже сейчас, опираясь на огромный потенциал философских и научных знаний, тогда нас ожидает с середины XXI в. экоантропогенный коллапс, который предрекали еще в 70-е годы XX в. ученые Римского клуба и который может к концу XXI в. унести в небытие половину жителей планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В.И. Биогеохимические очерки. 1922-1932 / В.И.Вернадский. – М.-Л., 1940.
2. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И.Вернадский. – М., 1965.
3. Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – М.- Брянск, 2007; Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А.Дергачева. – М., 2009.
4. Урсул, А.Д. Ноосфера // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / А.Д.Урсул. – М., СПб., Н.-Й., 2006.
5. Яншина, Ф.Т. Эволюция взглядов В.И.Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере Ф.Т.Яншина. – М.: Наука, 1996.

В.В.КРАВЧЕНКО

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»

Развитие российского государства достаточно часто связывают с необходимостью развития правовой культуры общества. Однако стремление развивать правовую культуру сталкивается с рядом трудностей. В ряду таких затруднений можно назвать вопросы, которые возникают при определении понятия «правовая культура».

На первый взгляд, проблем с поиском определения понятия быть не должно. В частности, в юридическом словаре понятие «правовая культура» трактуется как «система ценностей, правовых идей, навыков, стереотипов поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности» [5, с.465].

Однако анализ научных подходов указывает на то, что дать четкое определение правовой культуре достаточно сложно. Среди причин можно отметить наличие многообразия в толковании составляющих правовую культуру терминов. Так, термин «культура», имеет огромное количество толкований. При этом наличие разных концепций культуры не означает недостоверности какой-либо из них.

Каждое направление имеет свои доводы, обоснования. Культура может быть рассмотрена с точки зрения «совокупности всех созданных людьми материальных и духовных ценностей, а также образцов поведения, признанных в определённой общности и передаваемых другим общностям, индивидам и последующим поколениям» [8, с.40]. Это достаточно широкое понятие, поскольку помимо созданного культура включает и такие процессы, как создание этих ценностей, создание моделей поведения, а также передача всего созданного в поколениях.

В условиях значительного количества подходов и концепций в понимании культуры, с целью наиболее полного охвата всех аспектов культуры предлагается объединить их в ряд блоков, например, такие как: широкий – культура охватывает различные стороны жизни человека; аксиологический – культура это общественные ценности; гуманистический – культура это деятельность человека; регулятивный – культура обеспечивает поведение человека [6, с.16]. Однако, учитывая многообразие самой культуры, такая группировка вопросов не может служить универсальным средством её изучения. Это, действительно, лишь один из способов. Очевидно, отсутствие единого подхода в понимании термина «культура» не способствует однозначному ответу на вопрос, что же представляет собой правовая культура. В то же время, это не единственная причина, из-за которой проблематично выделить общий подход в изучении правовой культуры.

Среди других особенностей рассмотрения правовой культуры встречается и то, что ее определения, как правило, даны учёными-юристами при незначительном участии философов, историков, социологов [11, с.23]. Такие учёные, как В.И.Каминская и А.Р.Ратинов предлагают понимать под правовой культурой «систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей» (право, правоотношения, правовые учреждения, правосознание, правовое поведение) [8, с.41,43]. Г.С.Працко определяет правовую культуру как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в уровне правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности в соответствии с требованиями правовой государственности» [12, с.44]. Попытка дать общее определение понятия через рассмотрение составляющих его элементов не позволяет вполне адекватно рассмотреть правовую культуру

общества и правовую культуру личности, элементы которых, по мнению ряда исследователей, имеют некоторые различия.

Одни авторы под правовой культурой общества понимают «обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности» [13, с.21]. Другие рассматривают правовую культуру общества как философско-правовую категорию, необходимую для характеристики достижений и ценностей, созданных людьми в области права на конкретном историческом этапе его развития. А это, в свою очередь, указывает на определённый уровень развития права и законодательства, правовых идей и учреждений, осведомленность о них в обществе, что в совокупности влияет на состояние законности и правопорядка, направляет и координирует правосознание и правомерное поведение людей, оказывает «позитивное воздействие на формирование законопослушной личности» [7]. Правовая культура общества рассматривается и как часть общей культуры в виде способов правового регулирования общественных отношений, форм взаимодействия субъектов общественных отношений, их социально-психологическое отношение к явлениям правового порядка [2, с.15-16]. На тесную связь между общей культурой и культурой правовой указывает П.П.Баранов, отмечая, что правовая культура – это «разновидность общественной культуры, отражающей определённый уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики и охватывающей все ценности, которые созданы людьми в области права» [3, с.39].

Изучение правовой культуры личности также предполагает взаимодополняющие подходы. А.Ф.Никитин видит в правовой культуре «основанное на политических и нравственных убеждениях нерасторжимое единство глубоких и разносторонних правовых знаний и умений, уважение к закону, активной правоохранительной деятельности, в которой находят наиболее полное воплощение знания права и уважение к нему» [10, с.26]. И.Ю.Новичкова рассматривает правовую культуру как «совокупность правовых знаний, убеждений, установок и поведения личности, реализуемых во всех областях жизнедеятельности с помощью системы правовых учреждений и методов»: это «способ нормального

функционирования общественного организма» [11, с.29]. Э.Э.Баринов отмечает, что правовая культура личности «представляет собой степень правовой осведомленности граждан, уважительное отношение к требованиям правовых норм и их неуклонное исполнение, непримиримость к нарушениям законности, участие в общественно-правовой жизни» [4, с.155]. Правовая культура личности – это частица правовой культуры общества. На основе уровня правосознания, знания и понимания законов, степени правовой активности личности можно делать выводы о правовой культуре общества. Процесс влияния общества и личности является взаимным.

Правовую культуру можно представить также в широком и узком значении. В первом значении «это совокупность компонентов юридической надстройки в их реальном функционировании, комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц». А в узком смысле «это совокупность материализованных идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения личности в сфере права, базирующаяся на правовом сознании» [1, с.435-436]. Однако и такой подход не позволяет дать четкого определения феномену правовой культуры. Более того, возникают новые вопросы – например, где граница между правовой системой и правовой культурой? Не все исследователи согласны с широким пониманием правовой культуры и для всей правовой деятельности используют термин «правовая жизнь», полагая, что правовая культура означает «лишь совершённое, положительное в правовом бытии», следовательно, выступая частью «правовой жизни» [9, с.10]. Это означает, что правовая культура характеризует лишь качественное состояние того, что выражено в правовых актах и отношениях.

Достаточно серьёзные позиции в науке занимает аксиологический подход. Данное направление позволяет изучать ценность права, законодательства, уровень правомерного поведения. Правовая культура может быть проанализирована и с точки зрения роли, которую она играет (функциональный подход). Особенность деятельностного подхода заключается в характеристике деятельности человека.

Разумеется, приведенные примеры не могут в полной мере отобразить всю сущность правовой культуры, но они позволяют убедиться в том, что ее изучение требует особого внимания.

Сложность заключается, прежде всего, в невозможности дать чёткое определение данному понятию, в проблематичности выделения абсолютно чётких компонентов, которые можно назвать составляющими правовой культуры. Помимо этого, необходимо учитывать особенности конкретного исторического этапа, поскольку и в самой правовой культуре с течением времени происходят изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Абдулаев, М.И. Проблемы теории государства и права: учебник / М.И.Абдулаев, С.А.Комаров. – СПб., 2003.
- 2.Аграновская, Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е.В.Аграновская. – М., 1988.
- 3.Баранов, П.П. Вопросы типологии российской правовой культуры / П.П.Баранов // Право и культура: сб.науч.тр. / отв. ред. П.П.Баранов. – Ростов н/Д.,1996. – С.39-42.
- 4.Баринов, Э.Э. Правовая культура – основа деятельности сотрудников органов внутренних дел / Э.Э.Баринов // Право и культура: Сб.науч.тр. / Отв. ред. П.П.Баранов. – Ростов н/Д,1996. – С.155-156.
- 5.Большой юридический словарь / под ред. А.Я.Сухарева, В.Е.Крутских. – М., 2002.
- 6.Бондаренко, М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук / М.В.Бондаренко. – М.,2002.
- 7.Зубрицкий, В.И. Правовая культура и ее роль в реализации политических прав и свобод граждан / В.И.Зубрицкий : дис. ... канд. юрид. наук. – М.,1998.
- 8.Каминская, В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И.Каминская, А.Р.Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб.науч.тр. / Отв. ред. А.Д.Бойков. – М.,1974. – С.39-67.
- 9.Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В.Малько // Государство и право. – 2001. – №5. – С.5-13.
- 10.Никитин, А.Ф. Что такое правовая культура?: кн. для уч-ся ст. классов / А.Ф.Никитин. – М., 1988.
- 11.Новичкова, И.Ю. Правовая культура в гражданском обществе: дис. ...канд. соц. наук / И.Ю.Новичкова. – Саратов,1995.
- 12.Працко, Г.С. Диалектическая сущность правовой культуры / Г.С.Працко // Право и культура: сб.науч.тр. / Отв. ред. П.П.Баранов. – Ростов н/Д, 1996. – С. 44-45.
- 13.Семитко, А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс / А.П.Семитко. - Свердловск, 1990.

В.В. МИРОШНИКОВ, О.А.ГОЛЕНКОВА

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Вхождение человечества в третье тысячелетие определяет необходимость поиска новых парадигм цивилизационного развития по многим направлениям: постиндустриальные и информационные модели, концепция устойчивого развития, глобалистические мироцелостные модели и т.п. Но все больше осознается, что только качество жизни может в наибольшей степени выражать целевые устремления мирового сообщества, ибо человечество стоит на пороге перехода в новую цивилизацию – «цивилизацию качества».

Начатый в XX веке процесс ориентации на качество товаров и услуг, а затем на создание систем качества показал значимость качества для всех аспектов жизни общества. Жизнеспособность и конкурентоспособность фирм и стран стали проверять по фактору качества. Многие государства активно использовали этот фактор и стали ведущими в мировом сообществе. Все большая наполняемость «пространства качества», охват им почти всех сторон жизни общества логически подводит к необходимости перехода от *качественной количественности*, когда акцентировалось внимание на многообразии сторон жизни общества, по отношению к которым можно было говорить о качестве, к *качественной целостности*, когда речь уже идет о качестве взаимосвязи сторон жизни общества.

Этим новым требованиям цивилизационного развития отвечает категория «качество жизни», ибо она является интегральной качественной характеристикой жизни людей, раскрывающей по отношению к обществу в целом критерии его жизнедеятельности, условия жизнеобеспечения, а также и условия жизнеспособности общества как целостного социального организма [4, с. 7-8]. К сожалению, в научной литературе отсутствует единое мнение по поводу понятия «качество жизни», определяющих его факторов, методов и методик оценки. Во многом причиной дискуссии является многообразие подходов к определению этого понятия с различных сторон: экономической, социальной, медицинской, экологической, физиологической и т.д., во многом – цели, задачи исследований и исходная позиция авторов.

Исторически основной причиной появления и распространения понятия «качество жизни» (впервые его использовал Дж. Гэлбрейт в 1964 г. в работе «Общество изобилия») в обществах с высоким уровнем потребления была смена механизма социального развития, «возникновение и развитие концепции «государства благосостояния» и увеличение вмешательства и ответственности государства в жизнь общества» [11, с. 275]. Возникновение исследований по данной тематике относится к началу 60-х гг. XX века, когда в наиболее развитых странах мира стала очевидной ограниченность использования таких терминов, как «уровень жизни», «благосостояние населения», «образ жизни» и т.п. Реальность убедительно показывала, что экономический рост и достижение высокого уровня потребления не избавляют общество от нищеты, преступности, наркомании, загрязнения окружающей среды и техногенных катастроф, не гарантируют от глубоких социальных потрясений. Перед западными исследователями (к их числу можно отнести С. Витни, Дж. Гэлбрейта, Р. Инглхарта, А. Кампбелла, Ф. Конверса, А. Маслоу, В. Роджерса, Д. Фостера С. Юхонссона, и др.) стоял непростой вопрос, поставленный самой жизнью: количество (увеличение заработной платы, рост производства товаров, растущее удовлетворение материальных нужд, строительство дешевых квартир и т.п.) или качество (образование, здравоохранение, культура, экология и т.п.) [3, с.11]. Совокупность зарубежных исследований качества жизни можно условно разделить на два направления: 1) на базе объективных условий жизни (уровень преступности, доходов, качество продукции, доступность учреждений здравоохранения, степень решенности социальных проблем, уровень образования, плотность населения, уровень рождаемости и смертности и т.д.); 2) на основе изучения степени удовлетворенности жизнью самим субъектом (модель «ощущаемого качества жизни»). При этом наибольшее распространение получило второе направление.

По мнению западных социологов и экономистов, именно модель «ощущаемого качества жизни» в большей степени отражает сложный характер взаимосвязи объективных и субъективных факторов и не подтверждает кажущуюся очевидной истину, что люди в лучших материальных условиях удовлетворены в большей мере нежели, чем находящиеся в относительно худших условиях [7, с. 9].

Что касается России, к сожалению, следует признать отсутствие комплексного подхода к управлению качеством жизни, хотя

отдельные аспекты этой проблемы нашли отражение в трудах отечественных ученых: Н.М.Римашевской, М.Н.Руткевича, Н.А.Денисова, П.С.Мстиславского, Н.С.Маликова, Б.В.Бойцова, В.В.Коссова, Н.А.Горелова, С.А.Айвазяна, А.А.Гармашева, В.С.Сурнина и др.

Одним из наиболее спорных вопросов в исследованиях является определение критериев «качества жизни» и показателей для их оценки. Так, социологи и экономисты фокусируют свое внимание на индикаторах окружающей среды: уровень преступности, доходы, качество продуктов, уровень образования, плотность населения и т.д.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендует использовать такие критерии, как физические (сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых); психологические (положительные эмоции, мышление, изучение, запоминание, концентрация, самооценка, внешний вид, негативные переживания); уровень независимости (повседневная активность, работоспособность, зависимость от лекарств и лечения); жизнь в обществе (личные взаимоотношения, общественная ценность, сексуальная активность); окружающая среда (благополучие, безопасность, быт, обеспеченность, доступность и качество медицинского и социального обеспечения, доступность информации, возможность обучения и повышения квалификации, досуг, экология); духовность (религия, личные убеждения).

Российский ученый Б.А.Алдашев предлагает делить всю совокупность объективных индикаторов качества жизни на четыре блока [2, с.10]: 1) экономические (доходы, потребление, удовлетворение потребностей); 2) социальные (масштаб безработицы, культура населения, криминогенная обстановка, состояние охраны труда и техника безопасности, степень развития отраслей социальной инфраструктуры); 3) демографические (продолжительность жизни, общая смертность, детская смертность, распространение основных видов хронических и инфекционных заболеваний); 4) природные: физико-географические параметры, состояние окружающей среды.

С.А.Айвазяном предложена методология измерения интегральных характеристик качества жизни населения на основе иерархической системы показателей, приведенной на рис. 1 [1, с.5-

33].

Рис. 1. Иерархическая система показателей и частных критериев качества жизни населения

Разработанная во ВНИИТЭ методика оценки качества жизни [8] базируется на общероссийской унифицированной номенклатуре качества жизни населения России, имеющей иерархическую структуру. Она включает группу показателей, характеризующих качество населения и условий его жизни (благосостояние, здоровье населения и состояние системы здравоохранения, образованность, демографический потенциал, социальная и экологическая безопасность, духовно-психологический потенциал и др.), и группу показателей, характеризующих качество жизнедеятельности населения в сферах труда и семейной жизни, в сфере досуга и общественно-политической деятельности. Имеется также целостный

показатель субъективного качества жизни, значение которого определяется путем социологического опроса населения. Однако до сих пор проблема определения инструментов и методов обеспечения качества жизни остается актуальной.

Авторы предлагают в качестве средства обеспечения качества жизни разработку и внедрение интегрированных социально-ориентированных систем менеджмента. Ориентация на качество в XX веке стала важнейшим принципом менеджмента, закрепленным в международных стандартах ИСО серии 9000. За последние два десятилетия были разработаны четыре версии стандартов ИСО 9000: 1987, 1994, 2000 и 2008. А внедрение систем качества на предприятиях различных отраслей экономики стало общепризнанным средством повышения эффективности и качества их деятельности. Помимо проблем качества, активное развитие получили идеи устойчивого развития общества. Концепция устойчивого развития предполагает создание условий, обеспечивающих удовлетворение потребностей сегодняшнего дня, не подвергая риску способность окружающей среды поддерживать жизнь в будущем, т.е. не ставя под угрозу возможности будущих поколений в удовлетворении своих потребностей [5]. В практической плоскости это отразилось в стремлении организаций, наряду с системами качества, построенными в соответствии с требованиями стандартов ИСО 9000, внедрять и сертифицировать системы экологического управления, безопасности труда, осваивать модели совершенствования бизнеса и другие инициативы в области качества, а также интегрировать различные системы в единое целое.

Так возникло новое направление исследований и разработок, которое можно назвать «системный менеджмент организации, ориентированный на всеобщее качество». Возможны различные пути, уровни и способы интеграции систем менеджмента. В университете Санта Галлен (Швейцария) предложено три способа объединения автономных систем менеджмента в единую интегрированную систему: *добавление, слияние и интеграция* [9, с. 48].

При *добавлении* автономные системы менеджмента (качества, безопасности, окружающей среды и др.) сохраняются отдельными. Они описываются в отдельных документах, но содержание автономных систем делается сопоставимым посредством разработки специальных перекрестных справочных листов. Противоречивые

компоненты автономных систем корректируются. Этот способ объединения является первым шагом к интегрированной системе менеджмента.

При *слиянии* за основу (ядро) интегрированной системы выбирают одну из автономных систем. За основу такого объединения целесообразно принимать систему менеджмента качества, построенную на базе семейства стандартов ИСО серии 9000. Интеграция при этом проводится на уровне технологических, должностных и рабочих инструкций для конкретных процессов.

При *интеграции* разрабатывается универсальная единая интегрированная система менеджмента для предприятия, в которой изначально закладывается выполнение требований международных стандартов по качеству, окружающей среде, безопасности и др. При этом интеграция автономных систем осуществляется на уровне процессов – это наиболее эффективный путь объединения систем.

Изначально интеграция систем менеджмента базировалась на выполнении требований следующих стандартов.

1. Решение задач управления качеством обеспечивалось системой менеджмента качества (СМК) по ГОСТ Р ИСО 9001.

2. При решении задач управления воздействием производства продукции на природу использовалась система экологического менеджмента (СЭМ) по ГОСТ Р ИСО 14001.

3. Условия для производительного и безопасного труда персонала обеспечивались системой менеджмента профессиональной безопасности и здоровья (СМПБ) OHSAS 18001 (ГОСТ Р 12.0.006).

Со временем современный менеджмент, осознавая свою зависимость от среды, в которой он развивается, стал ориентироваться на социальную ответственность производителя. «Социальная ответственность» – это концепция, которая обосновывает, что организация не только несет ответственность за соблюдение законов и производство качественного продукта или услуги, но и добровольно берет на себя обязательства перед обществом, работает на улучшение качества жизни людей. В контексте концепции социальной ответственности бизнеса появился термин «тройная планка», обозначающий сбалансированную систему показателей компании в трех взаимосвязанных аспектах – обеспечение доходности бизнеса, забота об окружающей среде и социальные программы. В этой системе явно просматриваются

компоненты устойчивого развития – экономическая, экологическая и социальная [6]. В настоящее время в российском бизнес - сообществе тема социальной ответственности начала приобретать не только теоретический, но и практический смысл. Таким образом, родилось новое поколение систем менеджмента – социально-ориентированные системы качества, интегрирующие в себе помимо перечисленных еще и требования социально-этического менеджмента, сформулированные в стандарте SA 8000 [10, с.178]. SA8000 представляет собой международный стандарт, устанавливающий требования к социальным аспектам кадровой политики производителей и поставщиков, и является наиболее распространенным стандартом в сфере управления персоналом и может применяться на предприятиях любого размера, вне зависимости от отрасли и местоположения.

SA 8000 включает следующие аспекты: детский и вынужденный труд; здоровье и безопасность; свобода ассоциаций и коллективные договоры; дискриминация; дисциплинарная практика; рабочее время, вознаграждение за труд и системы менеджмента. Помимо установления стандартов, регулирующих права сотрудников, SA8000 включает также существующие международные соглашения, такие как конвенции Международной организации труда, Всеобщая декларация прав человека и Конвенция ООН о правах ребенка.

Стандарт построен на тех же системных подходах, что и стандарты ГОСТ Р ИСО 9001 и ГОСТ Р ИСО 14001. Однако вопросы интеграции системы менеджмента качества с социальным и этическим менеджментом на российских предприятиях еще требуют доработки.

Наиболее перспективным и вполне реализуемым представляется второй способ формирования интегрированной системы – слияние.

По мнению авторов, ядром для создания социально-ориентированной системы менеджмента должны стать стандарты ИСО серии 9000, так как в них сформулированы основные принципы и понятия, максимально соответствующие принципам общего менеджмента. Особую значимость среди них представляет процессный подход. Кроме того, введение в действие стандартов ИСО серии 9000 предшествовало введению в действие других международных стандартов на системы менеджмента и послужило базой для их создания.

Также следует учитывать тот факт, что на сегодняшний день многие предприятия в той или иной мере уже внедрили системы менеджмента качества на основе требований ГОСТ Р ИСО 9001. Помимо ядра, должны быть разработаны подсистемы управления окружающей средой на основе ГОСТ Р ИСО 14001, профессиональной безопасностью и здоровьем (ГОСТ Р 12.0.006), а также социальной ответственностью (SA 8000). Рассмотрим отдельно подсистему социальной ответственности организации. Требования стандарта схожи с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001 по определению руководством организации политики в области социальной ответственности, планированию, анализу и проверке работы со стороны руководства, установлению корректирующих мер. А значит, общесистемные процедуры (такие как процедуры по управлению документацией, по разработке корректирующих и предупреждающих действий, аудиту, анализу результативности деятельности и эффективности систем менеджмента, по управлению несоответствиями в процессах или продукции, уже разработанные для системы качества по ГОСТ Р ИСО 9001) могут быть частично изменены или дополнены с учетом требований SA 8000. Особенность стандарта SA 8000 заключается в наборе требований к продолжительности рабочего времени, выбору и использованию дисциплинарных мер по отношению к сотрудникам компании, применению детского труда, охране труда и т.п. Для реализации этих требований стандарта требуется разработать набор специальных процедур. Повсеместное внедрение таких систем может стать эффективным инструментом постепенной реализации концепции устойчивого развития и повышения качества жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян, С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции С.А.Айвазян // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 11
2. Алдашев, Б.А. Качество жизни в контексте рыночной экономики / Б.А.Алдашев // Автореферат дис... док. соц. наук: 22.00.03. – Алматы, 1994.
3. Баженов, С.А. Качество жизни населения: теория и практика / С.А.Баженов, Н.С.Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – №10.
4. Бойцов, Б.В. Качество жизни / Б.В.Бойцов, Ю.В.Крянов, М.А.Кузнецов. – М., 2004.

5. Владимиров, В.А. Катастрофы и экология / В.А.Владимиров, В.И.Измалков. – М., 2000.
6. Масолович, А. Осознание социальной ответственности – показатель зрелости бизнеса А.Масолович // <http://www.inforus.org/news/roundtable290605.php>
7. Матвеева, Т.Ф. Системное повышение качества жизни как фактор устойчивого социально-экономического развития региона / Т.Ф.Матвеева, В.В.Михайлов. – Кемерово, 2004.
8. Методика оценки качества жизни / Под. ред. Кузьмичева Л.А., Федорова М.В., Задесенца Е.Е. – М., 2000.
9. Мирошников, В.В. Теоретические основы построения интегрированных систем менеджмента качества / В.В.Мирошников, Т.В.Школина // Качество. Инновации. Образование. – 2005. – №1. – С. 45-52.
- 10.Мирошников, В.В. Реализация концепции устойчивого развития путем создания систем менеджмента качества нового поколения / В.В.Мирошников, О.А.Голенкова // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2009. – Вып. 7. – С. 176-182.
11. Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н.А. Горелова. – СПб., 2003.

Н.А. НОЗДРИНА, Н.В. ИСКАНЦЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Борьба за власть – явление, считающееся одной из неотъемлемых составляющих общественной жизни в целом и политической сферы в частности. Одной из важнейших ее сторон является деятельность оппозиций, без которой не может проявляться многообразие мнений в обществе и политический плюрализм, не может существовать широкого круга вариантов политического устройства, многообразия политических режимов, имеющего место в современном мире. Таким образом, никакой анализ политической сферы жизни общества невозможен без построения теории развития и функционирования оппозиционных политических движений.

1.Понятие политической оппозиции. Причины существования оппозиционных организаций. Функции и дисфункции. Политическая оппозиция – организация, выступающая полностью или в существенных чертах против курса действующего правительства или часть политической организации, объединенная несогласием с мнением большинства ее членов. Первый случай

означает наличие борьбы разных политических сил за власть и продвижение интересов, второй – раскол внутри партии или группировки. В многообразии политических отношений всегда есть социальные слои и группы людей, которые недовольны действиями существующей политической власти и ее институтов, считая, что действующая власть ущемляет их интересы или интересы общества. Это ведет к объединению людей для отстаивания «полезных» интересов и борьбы с политическими тенденциями, которыми они недовольны, а также теми, кто таковые тенденции поддерживает. Борьба может касаться как политической линии, так и прочих сфер жизни общества, например экономики. Следует также отметить, что одной из основ оппозиции, как правило, являются собственные интересы тех, кто создал организацию.

Без оппозиции развитие любой страны невозможно, поскольку она является единственным средством внутри государства, способным помешать произволу и ошибкам властей. Если нет тех, кто способен противодействовать правящим силам, то никакие законы не в состоянии давать более или менее высокий шанс того, что власти будут стремиться к исполнению своих функций, а не злоупотреблению положением. Оппозиция – стимул для властей, заставляющий принимать как можно более существенные меры во избежание ошибочного курса, здесь речь фактически идет о конкурентной функции [1, 3].

Главной социальной функцией оппозиции является отстаивание взглядов той социальной группы, интересы которой она представляет. Таких социальных групп может быть и несколько, если их представители осознают общность своих социальных и политических интересов. Но эта борьба за интересы может превратиться и в дисфункцию для государства, если ведется с нарушением правопорядка.

К функциям оппозиции может быть отнесена также борьба с нелегитимными политическими организациями и захватчиками власти, а также с различными формами иностранного вмешательства.

В качестве дисфункции оппозиций можно назвать дестабилизацию ситуации в стране и в обществе, это относится в основном к радикальным организациям. Особо опасной формой проявления этой дисфункции является совершение участниками оппозиционной организации вооруженных акций. Также следует

особо выделить ситуацию, когда оппозиционеры являются видимостью политического плюрализма, но действуют в интересах властей, придавая политической ситуации в стране искаженные оттенки. Казалось бы, это можно назвать дисфункцией оппозиции, но давайте не будем торопиться: ведь такие силы вообще не являются оппозициями, если отойти от заявлений и формальных бумажек и посмотреть реально.

2. Варианты классификации оппозиции. Существует множество критериев, по которым можно проводить классификацию оппозиций. Это связано с многогранностью жизни общества. Политические оппозиции не могут быть рассмотрены в рамках одной сферы – политической, которая сама характеризуется многими параметрами [2].

2.1. По типу правящего режима. 1. *Оппозиции авторитарному или тоталитарному, то есть силовому, режиму.* Как правило, признаны властями нелегальными, поскольку или представляют реальную угрозу их позиции, или могут нести таковую в будущем, в случае усиления. Могут вести деятельность мирного характера, но часто прибегают к ведению подпольно-диверсионных действий, поскольку при подавлении плюрализма и инакомыслия осложнена борьба на основе общественного диалога. Мирный приход к власти такой оппозиции практически исключен, кроме случаев смерти диктатора или добровольной отстранения от власти верховных лиц. Примеры таких оппозиций – белогвардейцы в молодой советской России, польская организация «Солидарность» начала 1980-х, антифашистские движения Второй мировой войны. К настоящему времени доля таких организаций снижается в силу роста количества демократических стран.

2. *Оппозиции в демократическом государстве:* широко используют возможности демократической жизни – гласность, СМИ, политический плюрализм, ведут общественную деятельность мирного характера. В силу плюрализма такие оппозиции могут носить как умеренный, так и радикальный характер (последние, как правило, имеют меньше шансов на поддержку). Такие оппозиции обычно легальные, но могут быть и вне закона, поскольку не исключено, что организация будет иметь экстремистский характер. Среди таких – легальных – оппозиций выделим КПРФ и ЛДПР в современной России.

3. *Оппозиции в монархических странах.* Их характер зависит от степени власти монарха. Где она символическая, там оппозиции мало отличаются от организаций в демократических странах. Где монархия носит абсолютный характер, там оппозиция сближается по характеру с оппозицией в странах с силовыми режимами, растет роль радикалов. Так, оппозиционные силы в европейских странах с парламентской монархией мало чем отличаются от оппозиционных партий в демократических республиках, а вот оппозиционные организации в арабских монархиях имеют гораздо более радикальный уклон [4].

2.2. По отношению к реформам. 1. *Леворадикальные.* Выступают за коренное преобразование общества, противодействуют идеологическим основам действующей власти, ориентируются на общество с коммунистическими или социал-демократическими основами. К таким силам следует отнести КПРФ 1990-х годов. Роль таких сил по критерию политического режима наименьшая в случае демократии.

2. *Либеральные.* Практически всегда это организации партийного типа. Наибольшую роль имеют в демократических республиках и ограниченных монархиях. Как правило, носят полуоппозиционный характер. В странах с силовыми режимами предпосылки возникновения и функционирования либеральных сил минимальны. К таким силам относится значительное число российских партий с начала 1990-х.

3. *Организации правого крыла:* от умеренных, полуоппозиционных, до ультраправых экстремистских. Могут носить партийный характер (например, СПС в России), а могут быть экстремистскими (к примеру, исламские фундаменталистские организации или фашистские объединения в Германии и Италии 1920-х – начала 1930-х).

2.3. По типу организации. 1. *Партии и общественные движения.* Как правило, легальны, ведут деятельность мирного характера. Играют основную роль среди оппозиционных организаций в демократических странах. В тоталитарных странах оппозиционных партий нет, оппозиционные общественные движения выступают там под эгидой благотворительных, культурных, правозащитных и т.п.

2. *Бандформирования.* Нелегальны, прибегают к силовому сценарию и террору, действуют в большинстве своем там, где нет

твердых демократических центров. Характеризуются усиленным (по сравнению с партиями) стремлением к государственным переворотам и дестабилизации правящего режима. По сравнению с партийными силами имеют меньшие шансы на поддержку широких социальных слоев, зачастую и не стремятся к таковой. Бандформирования, стремящиеся к захвату власти, обычно имеют секретные заграничные связи: их возможности на территории страны ограничиваются нелегальным статусом. Роль бандформирований наиболее велика в странах «третьего мира» и с переходной системой. Примеры – боевики Северного Кавказа, исламские радикально-террористические организации [3].

3. *Повстанческие движения.* В некоторых чертах сходны с бандформированиями, но стремятся к широкой поддержке в обществе, поэтому шансы формирования повстанческого движения ниже. Отличаются большей, чем банды, стихийностью, меньшей боевой подготовкой большинства участников. В силу мировой тенденции демократизации, а также военно-технического прогресса, когда формирование крупных боеспособных соединений без санкции правительства невозможно, роль в странах «первого» и «второго» мира утратили полностью, в «третьем мире» – в значительной мере. Примеры – хомейнисты 1978 г., ряд движений в Саудовской Аравии конца 1970-х.

4. *Военная оппозиция* – противодействие правящему режиму под эгидой представителей армии или силовых структур. В настоящее время эти оппозиции смещаются от армии к службам государственной безопасности. Связано это с утратой военными прежней общественной роли и ростом значения деятельности по разведке, защите данных, организации систем безопасности и управления ими. В распоряжении представителей госбезопасности меньше силового ресурса, чем представителей армейского генералитета, поэтому вероятность гражданской войны уменьшается, как и вероятность перехода к авторитарному режиму. Как правило, не имеет поддержки среди широких социальных масс, в случае силовых структур и не стремится к таковой, сводясь к малозаметным для населения действиям. В настоящее время армейская оппозиция в развитых и переходных странах отсутствует. Оппозиция силовых структур в той или иной степени может присутствовать в любых

странах, где главы государства сами не являются выдвиженцами военизированных организаций.

Данные варианты оппозиционных организаций являются наиболее важными. Дело в том, что: 1) тип политического режима неизбежно накладывает отпечатки на все стороны политической жизни в частности и общественной жизни вообще; 2) отношение к реформам (политический уклон) является одной из важнейших характеристик любой организации, имеющей отношение к политике, поскольку является составной частью политической идеологии и определяет политическую программу; 3) тип организации во многом определяет характер ее деятельности, методы общественно-политической борьбы.

А теперь приведем прочие возможные варианты классификации.

2.4. По социальному составу. 1. *Однородные.* Эти оппозиционные организации ограничиваются рамками одной социальной группы. Поскольку такие организации характеризуются отсутствием опоры на широкие слои общества, велика вероятность того, что они имеют недемократическую ориентацию. Не исключено, что изначально однородная организация в дальнейшем потеряет это свойство. Такого рода организации зачастую представляют собой оппозицию представителей армии или силовых структур. Примеры – корниловцы (лето 1917г.), ГКЧП (1991г., представители силовых структур пытались сохранить в стране коммунистическую власть путем путча).

2. *Смешанные.* Эти объединения включают представителей нескольких социальных слоев страны. Эти несколько слоев могут объединяться как за счет близости интересов, так и на негативной основе – недовольстве текущими властями – с соответствующим временным сотрудничеством. Зачастую поддержка организации приходит лишь от некоторой части той или иной социальной группы, прочие ее представители могут быть даже на стороне оппонентов. Большинство оппозиционных движений не ограничивают себя узкими рамками, но не могут стать массовыми, относясь к смешанным.

3. *Универсальные.* Характеризуются охватом всех социальных слоев, поэтому имеют большую перспективу прихода к власти. Являются признаком дискредитации правительства перед обществом.

Наибольшие шансы на возникновение и развитие имеют в кризисное время, когда растет широкое недовольство действующими властями.

2.5. По отношению к действующим законам. 1. *Легальные.* Такой тип организаций представлен, как правило, партиями и общественными движениями. Поскольку законодательно признано право на существование таких объединений, то их доля меньше там, где юридическая сфера в первую очередь зависит от недостаточно контролируемого правительства. Это означает, что оппозиция имеет мало шансов быть легальной в тоталитарных и авторитарных государствах.

2. *Полулегальные («подозрительные»).* Это организации формально разрешенные, но фактически преследуемые, или формально преследуемые, но фактически не подвергающиеся разгрому со стороны властей в той мере, в какой угодны им в тех или иных целях. Первый подтип характерен для государств, где установился силовой режим, но он еще не достиг своей высшей стадии – власти не решаются на прямое вооруженное насилие и вынуждены на данный момент маскировать репрессивную деятельность. Для второго подтипа такую закономерность выделить сложнее. Но в любом случае наличие полулегальных оппозиций свидетельствует о том, что для страны характерно одно из двух: или демократии нет вообще, или она есть, но только на бумаге. В качестве примеров первого подтипа приведем оппозиции как вне большевистской партии, так и внутри ее в 1920-30-х гг. в СССР. В качестве формально запрещенных – группировки исламистов в странах «третьего мира» в пору «холодной войны».

3. *Нелегальная оппозиция* – оппозиционные организации, запрещенные государственными законами. Наличие таких организаций ничего не говорит об устройстве страны: нелегалы могут подрывать общественные основы, а могут просто быть неугодными властям. Первое может встречаться в странах любого типа, второе – в основном в тоталитарных, авторитарных и в странах с неограниченной монархией. Пример неугодных властям – оппозиция в Абхазии и Южной Осетии накануне «08.08.08», «перешедшая дорогу» грузинскому правительству. Пример оппозиции действительно незаконной – формирования чеченских боевиков. Во-первых, мнение значительной части чеченского народа сепаратистов и радикалов не интересовало. Во-вторых, чеченские сепаратистские

силы не пытались применить дипломатический путь, а использовали вооруженное насилие [5].

2.6. По народной солидарности. Данный критерий отчасти похож на критерий социального состава, но не идентичен ему: если социальный состав отражает качественный показатель – множество вовлеченных в оппозиционную борьбу слоев, то критерий народной солидарности – количественный показатель, показывая долю населения, поддерживающую данную организацию. Если имеются объективные результаты голосования, а доли представителей, идущих голосовать, от каждого социального слоя примерно равны, то итоги голосования – хороший способ ранжирования по текущему критерию. Также применимы опросы общественного мнения и прочие эмпирические методы, из которых можно извлечь статистику.

1. *Оппозиция малой поддержки.* Не имеет большой популярности, хотя может быть очень активна. Необходимо определить процентную границу: партия, не достигшая ее на выборах или при опросе общественного мнения, считается партией малой поддержки. Выбор этот спорный, поэтому не будем приводить его в данной работе. В качестве примера приведем А.Богданова и его сторонников на президентских выборах 2008 г. (кандидат набрал менее 2% голосов).

2. *Оппозиция широкой поддержки.* Такая оппозиция пользуется симпатией у значительной доли населения, но по количеству сторонников не имеет шансов на решающий перевес в ближайшей перспективе в случае стабильной ситуации в стране. Многолетним примером такой организации является КПРФ. Г.Зюганов как неоднократный кандидат в президенты РФ тоже подходит в качестве примера: набирал довольно много голосов (в 1996г. свыше 30%), но этого было недостаточно. Если речь идет о недемократических странах, такими оппозиционными организациями могут быть повстанческие движения.

3. *Оппозиция массовой поддержки.* Пользуется солидарностью большинства населения, реально претендуя на приход к власти за краткие сроки. Является свидетельством низкого авторитета властей, признаком невозможности продолжения текущего политического курса. Пример – антимоноархическое движение в Иране к концу 1978 г. В случае демократического государства организация массовой

поддержки, скорее всего, сменит действующую власть в ходе выборов.

2.7. По степени применения насилия. Данный критерий имеет существенную связь с критерием типа организации. Ясно, что партии и общественные движения несут, как правило, функции мирного отстаивания интересов, хотя не всегда. Для бандформирований путь насилия предопределен. Повстанцы тоже опираются в основном на борьбу с оружием в руках. Военные оппозиционеры для действующей власти потенциально наиболее опасны, и об этом будет сказано в дальнейшем подробно. Таким образом, в большинстве случаев по типу организации можно с высокой точностью сказать, в какой степени она прибегает к насилию и террору. При этом понятие типа организации более широкое, поэтому взято в «золотую тройку» критериев, а текущий критерий отошел на второй план. Итак, типология такова.

1. *Мирные оппозиции* – как правило, партии или общественные организации, не прибегающие к силовым методам и, в идеале, принимающие активные меры по недопущению насилия в обществе. Данное определение тем не менее не означает, что организация полностью легальна – в законах и кодексах достаточно статей, чтобы совершить преступление без применения насилия. Примеры мирных оппозиций – нынешние парламентские партии стран Европы, России. А вот в странах «третьего мира» дело обстоит сложнее – к примеру, представители организации ХАМАС в 2006 г. прошли в палестинский парламент, но не прекратили своих террористических действий.

2. *Полутеррористические* партийного или общественного типа: участвуют в социальной и политической деятельности, не отказываются от применения дипломатических средств, но используют элементы террора и насилия. Достаточно много таких организаций в исламских странах. Пример – «Братья-мусульмане» 1970-80-х гг.: с 1970-х гг. эта ассоциация стала активно прибегать к использованию СМИ, позднее – к парламентской деятельности, но активно содействовала распространению терроризма в странах «третьего мира» (одно только учреждение ХАМАС стоит многого). Оппозиции такого типа были и в России (достаточно вспомнить эсеров начала XX в.).

3. *Радикально-террористические.* Это организации силового типа, для которых применение насилия – козырь в политических картах: банды, повстанческие группировки, нередко военные. Партии сюда не входят, поскольку объединение людей со схожими интересами в политическую партию – доказательство того, что они намерены опираться прежде всего на общественные действия организационного, законодательного, дипломатического характера. Примеры – чеченские сепаратисты, алжирская «Вооруженная исламская группа».

2.8. По международному и межнациональному фактору. Данный критерий при анализе политических оппозиций выделяется обычно позднее, чем, скажем, по тип правящего режима или степень легальности. Дело в том, что в большинстве случаев деятельность оппозиции – дело внутривнутриполитическое, касающееся лишь данного общества, хотя, возможно, и освещаемое в иностранных СМИ. Отметим, что упомянутый фактор весьма сложен, поскольку под международным фактором можно понимать разные значения [5].

1. *По политическому направлению* – внутривнутриполитической, смешанной и внешнеполитической направленности. Под первым из типов имеется в виду организация, которая может касаться вопросов международной политики, но основной акцент политической борьбы – недовольство собственными властями. Для второго типа в огромной степени важны и внутривнутриполитическое противостояние, и борьба против «внешнего врага». Под третьим типом имеется в виду организация, функционирующая прежде всего как сопротивление иностранным силам (интервентам, оккупантам, колонизаторам, силам более мирного характера). Пример первого типа – партии Российской Федерации с 1990-х гг. по наше время – «Яблоко», СПС, ЛДПР, КПРФ и многие другие. Пример второго типа – оппозиции исламских фундаменталистов, противостоящие и правящим режимам стран «третьего мира», и «неверным» – США, Израилю и некоторым другим членам списков «врагов ислама». Примеры третьего типа – Сопротивление Второй мировой, повстанческие движения в колониальных странах. В настоящее время чисто внешнеполитические оппозиции утратили роль в результате развала колониальной системы и международной концепции, согласно которой мир нуждается в демократии, а доминирование одной страны над другой противоречит такому порядку.

2. *По фактору иностранной поддержки.* Здесь всё достаточно просто – оппозиция может получать помощь от иностранных государственных организаций, а может и не получать. Это зависит: 1) от заинтересованности иностранных сил в ослаблении позиций действующего правительства данной страны; 2) от внутривнутриполитической ситуации в самой стране – насколько благоприятны условия для иностранного вмешательства. Соответственно: 1) чем больше правительство способно плясать под «нужную» дудку, тем меньше вероятность стремления властей другого государства к его смещению; 2) чем крепче позиции власти и чем больше у него контролируемых политических и силовых ресурсов, тем меньше вероятность стремления иностранных верхов к смещению такой власти. Итак, вероятность того, что иностранным структурам будет выгодно поддерживать оппозицию в данной стране, велика, так как эти два пункта конфликтны. Чаще всего иностранную помощь получают оппозиции стран «третьего мира» и стран переходных. Вообще говоря, широкое и при этом успешное стремление других стран к влиянию на исход внутривнутриполитической борьбы в данной стране – показатель ее сравнительной слабости на международной арене. Отсюда и вывод про страны «третьего мира». В данный критерий не включена помощь иностранных коммерческих – негосударственных – организаций, поскольку воля фирмы или корпорации может и отличаться от воли правительства страны, в которой размещен центр корпорации. Помощь иностранных фирм включать в отдельный критерий не будем, поскольку подавляющее большинство организаций оказывается связанными с зарубежными экономическими субъектами: для боевиков это – секретные каналы поставки вооружений, для партий и общественных организаций – спонсоры, партнеры в лице как транснациональных корпораций, так и прежде всего крупных фирм собственной страны, которые едва ли не взаимодействуют с заграничными субъектами.

3. *По национальному составу* – национальные оппозиции, межнациональные оппозиции в рамках одного государства, межнациональные оппозиции с представителями разных государств. Национальные оппозиции состоят из представителей одной нации за исключением, быть может, малой доли членов организации. Затрагивают интересы соответствующей нации, они, как правило, провозглашают неравенство наций и характеризуются нехваткой

толерантности (пример – украинские националисты конца 1940-х гг.). Межнациональные оппозиции в рамках одного государства – в большинстве случаев просто общественно-политические движения в рамках многонациональной страны. Это может быть даже незаметным и не подвергаться анализу, если представители различных народностей сравнительно легко уживаются вместе. А может быть и более заметным – если, например, представители разных народностей объединяются в борьбе за спасение страны от оккупантов. Межнациональные оппозиции с представителями различных государств, как правило, являются свидетельством вмешательства зарубежных структур в политическую борьбу в данной стране. Пример – моджахеды в Афганистане 1980-х гг.: вместе с афганцами, оппозиционными левому режиму, воевали представители арабских стран – саудовцы, ливийцы и др.

3. Динамика современных оппозиций. Приведем закономерности эволюции современной политической оппозиции как общемирового явления, используя выведенные ранее критерии классификации.

1. *Тип правящего режима.* Поскольку в мире наблюдается тенденция демократизации, растет доля оппозиционных организаций демократического типа. Прежде всего этот процесс охватывает страны «второго мира»: в так называемых передовых странах демократическая традиция сложилась достаточно давно, в странах «третьего мира» до твердых демократических основ сравнительно далеко. В связи с падением тоталитаризма доля силовых режимов упала, а значит, упала и доля оппозиций, действующих в условиях прямого подавления плюрализма. А вот падения доли «подпольных» оппозиций – тех, что не слишком сильно зависят от крушения силовых режимов – не произошло: нелегальные организации, преследуемые властями, могут быть и в демократических странах. Более того, нелегальным противникам действующей власти в демократических странах проще: есть расширенные экономические возможности, немонопольные СМИ для компрометации действующего правительства и т.д.

2. *Отношение к реформам.* В передовых и переходных странах сравнительно невелика роль крайних оппозиций – леворадикальных и ультраправых. В странах «третьего мира» существенного снижения радикальных тенденций в оппозиции пока обнаружить не удалось.

Фактически даже в развитых демократических странах нельзя гарантировать недопущение усиления радикалов, поскольку различного рода кризисные явления очень быстро способны породить новые радикальные силы или «выдвинуть в бой» уже имеющиеся [4,5].

3. *Тип организации.* На протяжении многих десятилетий общественные движения и партии преобладают по сравнению с оппозициями других типов в передовых демократических странах. В странах «третьего мира» их роль за последние десятилетия сильно возросла, но в сравнении с ведущими странами по-прежнему меньше. Несмотря на движение мира в сторону демократизации, нельзя сказать, что оппозиции силовых типов сдают позиции. Во-первых, конец XX века характеризовался появлением большого количества новых крупных бандформирований, завязанных главным образом на странах «третьего мира». Во-вторых, возросла роль различного рода спецслужб и структур государственной безопасности: про силовые оппозиции лучше сказать, что произошло перераспределение внутри их класса. Понятие повстанческого движения стало близким к номинальному, а вот роль оппозиции с участием служб безопасности растет. Роль военных как политической силы осталась довольно велика в «третьем мире», но упала в остальных странах. Армейский генерал, пытающийся захватить власть, стал скорее картиной прошлого. И еще один фактор для снижения армейской оппозиции: в странах с силовым режимом (авторитарным или тоталитарным) нахождение под рукой властителя военачальников принципиально важно из-за самой основы власти – стремления к подавлению несогласных. Условия для таких режимов ухудшились, за исключением, может быть, стран «третьего мира».

4. *Социальный состав.* Снижается доля однородных оппозиций, которая и ранее была невелика. Дело в том, что в современном обществе, стремящемся к демократизации, разрыв в социально-политических интересах между различными слоями сокращается. При этом доля смешанных организаций выше, чем массовых. На это есть простая причина – заслужить симпатию среди значительной части каждого из социальных слоев труднее, чем объединить представителей нескольких слоев, оказавшихся сходными по интересам.

5. *Отношение к действующим законам.* В передовых странах распределение по этому критерию зависит более от долгосрочных законов и уровня преступности, нежели сиюминутного волюнтаризма властей. В странах «третьего мира» ситуация не так однозначна.

6. *Народная солидарность.* Из-за политического плюрализма растет роль оппозиции широкой поддержки: чем больше мнений, тем сложнее одному из них стянуть основную часть избирателей.

7. *Степень применения насилия.* В передовых демократических странах оппозиции, отдающие приоритет силовым методам, – явление нехарактерное. А вот в странах «третьего мира» силовые оппозиции нередки. Рост роли террористических организаций в развивающихся странах, стремительно произошедший во второй половине XX века, – это тенденция, нуждающаяся в углубленном рассмотрении.

8. *Международный и межнациональный фактор.* В настоящее время иностранной поддержкой в той или иной форме пользуется значительная часть оппозиций. Отчасти меняется форма иностранной помощи. Дело в том, что и здесь, как и в политике в целом растет роль информационных технологий по созданию имиджа. Увеличивается помощь через транснациональные корпорации. Совершенствуются методы реализации секретных каналов помощи (это касается прежде всего организаций террористического типа). Усложняются сети поддержки оппозиционных организаций. Это проявляется в сложных связях между структурами крупных корпораций и государств, в запутанной сети поддержки террористических движений, в усложнении взаимодействия силовых структур различных стран при оказании помощи оппонентам «нежелательного» режима. Особенно велика роль фактора постороннего вмешательства во внутривнутриполитические дела в арабских и мусульманских странах и – к сожалению – на постсоветском пространстве. Западу долгое время выгодно было наличие экстремистских группировок в Азии для борьбы с «коммунистической угрозой», а в последние годы Запад заинтересован в формировании на постсоветском пространстве антироссийских сил – в явлениях вроде «оранжевой революции». В этом же пункте следует отметить, что снизилось значение оппозиций, ориентирующихся на национализм. Среди причин этого – глобализация, общемировые социокультурные ценности, опыт

многочисленных столкновений на национальной и этнической почве, печальный опыт фашизма, незаинтересованность передовой общественности в разжигании национальной розни. Роль национальных оппозиций в целом снизилась и по причине ухода в прошлое понятия национально-освободительного движения. Еще одна причина – рост открытости границ государств.

4. Проблема вооруженных оппозиций. Как уже было упомянуто, оппозиция может вносить деструктивное начало в жизнь общества и государства. Наиболее опасными проявлениями оппозиционной борьбы являются террористические акты, вооруженные столкновения, диверсионная деятельность. Исходя из этого, особое рассмотрение заслуживает проблема вооруженных оппозиций. К ним относятся бандформирования, повстанческие организации, военная оппозиция в армии и прочих силовых структурах. Наиболее опасной для действующей власти, разумеется, является военная оппозиция. При этом таковая имеет наибольшие предпосылки для развития там, где власть основывается на силе, но при этом верхушка не является военной. Речь идет о тоталитарных и авторитарных государствах: здесь правящие лица находятся в зависимости от генералитета в силу природы своей власти. Вследствие этого лидер страны или правящая группировка находится перед угрозой утраты власти. Это зачастую подталкивает к репрессиям против военных. Пример – советские репрессии против М.Н.Тухачевского и других ведущих военачальников 1930-х гг., гитлеровские чистки в командных рядах 1938 г. Но, во-первых, это ослабляет опору самого правительства как с точки зрения основ защиты от массового протеста, так и с точки зрения того, что сами генералы могут быть весомой политической силой. Во-вторых, правительство, проводя массовые чистки, рискует скомпрометировать себя в глазах населения. Причина проста – чем больше репрессивных мер, тем сложнее заставить население поверить, что идет борьба с «врагами народа». В итоге это может сказаться против действующих властей в кризисный момент. Вполне возможно, что именно поэтому И.В.Сталин не решился после 1945 г. провести нечто подобное деяниям 1937-38 гг. В-третьих, происходит ослабление международной мощи: репрессии конца 1930-х гг. в СССР – один из факторов, позволивших Гитлеру верить в возможность успеха на Восточном фронте [4].

Итак, репрессии в адрес военных – не выход. Но диктатор или вождь тоталитарной партии не может совершенно спокойно держать под рукой боевых командиров, тем более если они пользуются народной популярностью. Одна из возможных мер – поставить во главе армии, комитета госбезопасности и т.п. ярых приверженцев господствующей идеологии. Именно на это рассчитывал Гитлер, пытаясь поставить в качестве главнокомандующего нациста В.Рейнехау в 1934 и 1938 гг.. Силовые лидеры широко применяют практику политизации армии, зачастую ставя ее даже выше боеспособности. Пример – главенство К.Е.Ворошилова в сталинской армии: этот полководец в действительности не был никаким великим военачальником. И в Гражданскую войну, и позднее основные сражения, где его голос оказывался решающим, были проиграны. Скорее всего, других методов, более эффективных для собственной политической и общей безопасности, в отношении армии тираны не в состоянии придумать.

Но не только армия может составить в таких странах оппозицию. Еще одна возможная кандидатура – органы государственной безопасности. Как правило, верхам такой организации известны многие скрытые для других детали положения властей. Поэтому шансы на успешный заговор у комитетчиков госбезопасности выше. И не важно, что по шансам на народную популярность такие оппозиционеры уступают военным: приход к власти носит здесь характер не затяжной борьбы, а быстрого свержения. История нашей страны свидетельствует об огромном значении такого рода оппозиций. Так, смещение Хрущева в 1964 г. произошло не без участия представителей спецслужб; также представители силовых структур в 1991 г. попытались осуществить путч, образовав знаменитый ГКЧП. Но в случае умелой политики орган госбезопасности может выполнять такую функцию, как недопущение оппозиций за счет секретного контроля и системы силовых мер. Самая надежная гарантия для правителя в стране с силовым режимом избежать угрозы военной оппозиции – самому быть выдвигенцем военных или служб госбезопасности. Отсутствие популярности среди народа не слишком снижает шансов у военного-оппозиционера на успех в борьбе за власть. Наилучшее для него положение создается в случае успешных боевых действий против внешнего врага. В любом случае военная оппозиция в силовых режимах направлена на

захват власти, а не на защиту своих интересов (ясно, что такая защита едва ли может привести к успеху, а вот к расстрелу – может). В демократических странах шансы армейского генерала на успешный захват власти уменьшаются по нескольким причинам: 1) роль военных в политике снижается; 2) в случае развитой демократической системы ценностей с установкой людей на отстаивание интересов собственных и своей социальной группы низки шансы на «тихое» свержение властей, растет риск гражданской войны; 3) в условиях плюрализма военному деятелю сложно переманить на свою сторону достаточное количество военных. А вот возможности структур госбезопасности и секретных спецслужб не снижаются. Возможно, именно поэтому частота крупных армейских переворотов уменьшается, а отказа от использования спецслужб не наблюдается. Но в итоге силовики имеют повышенный риск в случае неуспешной попытки свержения действующих властей. Ведь тогда, в отличие от проигравших выборы в Госдуму или президенты политиков, они становятся особо тяжкими преступниками и преследуются по закону. Тем не менее демократическое государство с точки зрения военной оппозиции имеет еще более важную особенность: здесь оппозиция военных и прочих силовых чинов может иметь и мирный характер – тогда эти лица выступают в роли просто граждан страны, имеющих по Конституции и прочим нормативно-правовым актам права на участие в борьбе за кресло президента или депутата. Пример – участие генерала А.Лебеда в президентских выборах 1996 г., правда, существенно уступившего по числу голосов Б.Ельцину и Г.Зюганову.

Только что рассмотренные оппозиционеры могут действовать незаконно (с применением силы), но представляют узаконенную структуру, а вот с повстанцами и бандитами это не так: их объединения в любом случае вне действующих законов. Исключение составляют разве что армейские бунты – восстания и мятежи отдельных боевых частей, не согласованные с армейской верхушкой. Поэтому нерегулярные боевые оппозиции имеют меньше возможностей по обеспечению оружием, финансами и специалистами, поэтому для подготовки к оппозиционной борьбе приходится использовать «обходные» каналы, часто ведущие за рубеж, возможности субъектов «теневой экономики», иностранных фирм и спецслужб, других террористических организаций. Такие

группировки сталкиваются с необходимостью каким-то способом организовать подготовку бойцов и получение вооружений, в отличие от государственных сил. Благоприятным обстоятельством для таких группировок может служить попустительство иностранных государств, а то и стремление их к ослаблению «невыгодных» властей данной страны. В этом случае террористы могут получать такие блага, как содействие иностранных структур, сотрудничество с их военными кадрами, убежище на иностранной территории. Иногда у иностранных правительств срабатывает мысль, что совершенно ни к чему вступать в конфликт с экстремистами – это означает получение угрозы правопорядку и безопасности на собственной территории. Правда, к такому – двойному – конфликту – экстремисты едва ли прибегнут сами в силу сложности получающейся для них ситуации. Примеров получения убежища экстремистами на чужой территории долго искать не надо – их хватает в истории нашей страны. Так, в 1930-х гг. басмачи пользовались поддержкой в Иране, периодически атакуя советскую границу с персидской территории. А в начале нынешнего века непростая ситуация складывалась с Грузией, где в ущельях чеченские боевики укрывались от преследования вооруженными силами РФ. В данном случае существенным фактором ослабления террористических движений являются благоприятные отношения с соседями. Так, успешная дипломатия СССР в отношении Афганистана в конце 1920-х гг. привела к тому, что басмаческие банды оказались преследуемыми афганскими войсками. Вообще говоря, изоляция бандформирований от источников поддержки и взаимодействия с зарубежьем – одно из важнейших условий успешного противостояния им. В этом плане показательна десантная операция российских федеральных сил в декабре 1999 г. в пограничном Аргунском ущелье. Особо опасными являются экстремисты, придерживающиеся идеологии, вызывающей симпатии у значительной части населения. Показателен опыт действий исламских фундаменталистов, начиная примерно с 1970-х гг., в странах «третьего мира». А вот в России среди исламского населения эффект влияния радикалов в конце 1990-х гг. оказался не столь значительным. Здесь важен тип общества.

Как показывает опыт, наилучшие шансы экстремистские группировки имеют в традиционном обществе – «третьем мире». На это есть ряд причин: 1) меньше по сравнению с демократиями

развиты установки на неприятие насилия; 2) меньше государственных возможностей по развитию системы подавления – подготовки кадров регулярной армии, технологий разведки; 3) настроения населения вследствие непростой социально-экономической ситуации, особенно при провалах программ развития; 4) частые локальные военные конфликты в странах «третьего мира» (зачастую экстремистские группировки играют роль заступников перед внешним врагом: пример – конфликты Израиля и Ливана, где со стороны последнего важной силой выступала «Хизбалла»); 5) повышенные по сравнению с передовыми и переходными странами шансы на успешное иностранное вмешательство во внутреннюю политику (так, поддержка афганских моджахедов осуществлялась по директиве президента США Дж.Картера, а талибы появились не без участия пакистанских и американских спецслужб).

Рассмотренное выше относится в основном к бандформированиям. Частота формирования повстанческих движений после крушения колониальной системы снижается. Причина заключается в том, что минимизировался важный фактор развития тенденций к восстаниям – освободительный. Объединить огромные группы людей в повстанческую организацию с внутривнутриполитическими целями становится всё сложнее. Перечислим причины, часть из которых уже была названа при попытке классификации оппозиций по типу организации: 1) демократизация (в условиях демократических установок на миротворчество и рост политического плюрализма трудно собрать крупную озлобленную толпу, готовую морально держать оружие в руках, наиболее нецивилизованными формами проявления массового политического буйства становятся стихийные погромы и крупные манифестации агрессивного уклона, которые после действий отрядов сил правопорядка и серии арестов утихают, – это явно не идет в сравнение с повстанческими движениями, ведущими боевые действия; 2) военно-технический прогресс (до некоторого времени в истории простой народ мог вооружиться не хуже, чем регулярные войска, затем эта возможность становилась всё более призрачной, а в настоящее время даже связи с оружейными компаниями и огромные финансы не помогут ликвидировать техническое превосходство государственных военных, а высокая мобильность современных войск позволит очень быстро перебросить солдат, куда нужно); 3)

совершенствование методов военной подготовки (если и раньше повстанцы имели меньше шансов на успех, чем профессионалы-военные, то теперь тем более); 4) развитие совокупности методов ненасильственной защиты интересов, за счет которых уменьшается вероятность того, что простой народ сочтет винтовку единственным средством доказательства того, что его мнение нельзя игнорировать (отчасти это пересекается с фактором демократизации, но не является частным его пунктом: методы общественно-политической борьбы – следствие психологии и системы ценностей в целом, а не только политической психологии) [3, 4].

Наконец, вооруженная оппозиция может быть и композиционной по типу организации. Так, повстанческое движение может быть поддержано воинскими частями, как это было в Иране в начале 1979 г. Формирование такой оппозиции – признак крайнего упадка авторитета правительства. В этом случае загубить процесс захвата властных позиций может различие интересов разнородных структур и отчасти сложность их скоординированных действий. Различие интересов в условиях повышенного силового потенциала организаций может получить более острый характер, нежели для мирных объединений [3].

Наиболее опасной боевая оппозиция становится для властей в следующих двух случаях: 1) в случае боевых действий – когда враждебные соединения преобладают в ближайшей округе политического центра, и лояльные силы могут не успеть на помощь (так было, скажем, в Польше, когда Ю.Пилсудский боролся за власть с сеймом); 2) в случае попытки переворота – когда его организует плохо контролируемая силовая структура, имеющая отношение к безопасности представителей государственной власти. Если в современной демократической стране первое кажется чем-то странным, то второе вполне реально. И избежать его весьма сложно, за исключением одного варианта – когда глава государства сам выдвигенец от спецслужб.

В заключение отметим наиболее важные моменты предложенной концепции политической оппозиции. 1. Основной социальной функцией оппозиционной организации является отстаивание интересов некоторой социальной группы, главной дисфункцией – дестабилизация обстановки в стране, если деятельность организации носит радикальный или незаконный характер. 2. Есть много критериев классификации оппозиций, наиболее важные – тип правящего режима, отношение к реформам и тип самой оппозиционной организации. 3. Основные тенденции динамики

современных оппозиций – рост роли демократических общественных движений и партий и снижение значение радикальных движений в передовых странах и авангарде «догоняющих» стран. Растет роль партий и общественных движений, в силовой оппозиции идет переход от открытых выступлений к секретной деятельности на основе спецслужб и бандформирований. 4. Наиболее опасным проявлением оппозиции являются действия с применением силы. Основные носители такой угрозы – террористические группировки, специальные и секретные службы, роль армейских и повстанческих оппозиций в современном мире падает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Ослон, А. Поговорим о гражданском обществе / А.Ослон. – М., 2001.
- 2.Павловский, Г.О. Власть и оппозиция / Г.О.Павловский. – М., 2005.
- 3.Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С.Панарин. – М, 2002.
- 4.Парсонс, Т. О социальных системах / Т.Парсонс. – М., 2002.
- 5.Уолцер, М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века / М.Уолцер. – М., 1999.

Н.В. ПОПКОВА

АНТРОПОЛОГИЯ ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Миллионы лет человечеством создавалась техника: она изменяла природу и воздействовала на самих людей. Но человек не испытывал потребности подвергнуть технику рефлексии, даже после того, как возникла философия. Видимо, техника воспринималась людьми как нечто привычное и послушное – как собственные руки, которые также предметами философского осмысления не становились. Положение изменилось около столетия назад: стала формироваться философия техники. Этой философской дисциплине было задано множество вопросов о разных аспектах существования технического мира. Вместо ответов ею было предложено еще большее количество новых вопросов, и в результате стало непонятно, что такое техника вообще и как следует к ней относиться. Если даже единого определения техники так и не было выработано философами [12, с.38-52], стоит ли надеяться на получение философией техники ответов на вопросы более сложные, затрагивающие существование техногенной цивилизации?

Простой вначале вопрос «Что такое техника и каково ее положение в мире?» становится все сложнее по мере того, как

практические воздействия техники на природу и человека делают ее главным фактором земной жизни. Теперь уже недостаточно дать логичный ответ, правильно подобрав слова: за каждым словом должны стоять практические программы глобального масштаба, которые неизбежно вызовут ожесточенные дискуссии. Подвергаться сомнению будут не только они, но и теоретические разработки, лежащие в их основе. Именно поэтому единомыслие в области философии техники становится все недостижимей, а количество концепций, несмотря на скромный срок ее существования, уже делает невозможным их полное перечисление и анализ. Впрочем, одна общая характеристика у философских концепций в данной области имеется: это – тесная связь с представлениями о сущности человека и его положении в мире, которые разделяются авторами этих исследований, но (видимо, потому, что эта проблематика относится к иной дисциплине, философской антропологии) редко фиксируются в явном виде и еще реже анализируются.

Прежнее простое представление о технике как послушном инструменте человека сменяется сначала пониманием, что не все так просто (иначе почему наш инструмент нам не повинуется?), а затем заставляет по-новому поставить вопросы о сущности техники и даже деятельности человека. Трактовка технической реальности изменилась на противоположную: все чаще она понимается философами как неподвластная людям, вредящая им и даже поработавшая их. Кажется, современными техническими системами «руководят не столько конкретные личности, сколько с трудом опознаваемые анонимные или безличные управляющие силы» [3, с.73]. По словам З.Баумана, сегодня «результаты человеческих действий противостоят нам в качестве эксцентричных и капризных, своевольных и непроницаемых и, что особенно важно, необузданных и неконтролируемых «естественных» сил» [1, с.67-68]. Природа, согласно Э.С.Демиденко, «все больше уступает техносфере свое былое доминирующее духовно-психическое, интеллектуальное и жизнеобеспечивающее влияние на человека» [6, с.45]. А техника, считает Д.В.Ефременко, уже должна быть представляема как «активная окружающая среда, в которую человек погружен и частью которой он во все большей степени становится». Эта среда «не просто активна, но агрессивна» [7, с.72-73].

Понятными кажутся опасения Ж.Эллюля: «Техника сама становится средой в самом полном смысле этого слова. Техника окружает нас как сплошной кокон без просветов, делающий природу... совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной... Техника составляет целостную среду обитания, внутри которой человек живет, чувствует, мыслит, приобретает опыт» [19, с.147-148]. В эту техническую среду постепенно включаются и природа, и искусство, и человеческий разум. Техносфера, как считает Э.С.Демиденко, «имеет тенденцию к рационализации и расширению, к своему неограниченному усложнению, а заодно – к подавлению и вытеснению природно-биологического мира». Поэтому «с нарастанием богатства техносферы» меняется человеческое сознание: «рождается адекватная техносфере не только наука, но и мифология, и религия» [5, с.89-90]. Поэтому многие философы опасаются техники и рожденной ею «техносферы, этой раковой опухоли на чистом теле биоприроды» [5, с.223].

Но отношение к технике как губительной для человека силе не является общепринятой. По мнению Х.Блюменберга, все перечисленные проблемы «зачастую решены самой техникой», только решения эти «пока экономически нерентабельны, почему они и не были реализованы» [2, с.71]. Другие философы считают развитие техники естественным продолжением саморазвития Вселенной, а неподконтрольные человеку техногенные процессы – признаком того, что не его волей техническая реальность рождена, что ее задачи – иные, непроизводственные. Так, результатом естественного процесса эволюции Вселенной видит технику А.М.Ковалев. По его мнению, если условия жизни для животных создаются природой непосредственно, то условия жизни общества – опосредованно, «посредством природы трудом человека». Создавая техническую среду, человечество не только выжило и распространилось по всей планете, но и сделало новый шаг на общекосмическом пути развития, роста активности и упорядоченности [9, с.17]. К сожалению, когда искусственная среда разрослась и «вышла за рамки определенных параметров... возникли глобальные проблемы, которые требуют существенной корректировки деятельности человека и создаваемой им искусственной среды» [8, с.131].

Итак, приносит техника пользу или вред? Подчиняется она людям или уже стала независимой? Может быть, первично общество и техника «выступает как род социальной деятельности» [10, с.69]? Или ее прогресс совершается автоматически? Традиционное понимание техники размывается, все меньшее место при ее анализе занимают материальные компоненты. Дискуссия о природе техники, показывает В.В.Чешев, напрямую связана с вопросом о природе человека и о том, какая ее сторона «высвечивает себя в свойствах техносферы». Вопрос о технике может быть поставлен так: «Имеет ли техносфера свою собственную динамику или же ее развитие есть отражение (или воплощение) развития мира деятельности человека?» Полная предсказуемость и прозрачность, насколько показывает история, не характерны для всех видов деятельности: в жизни людей постоянно сталкиваются «рационально-рассудочные цели» и «глубинные жизненные мотивации» [17, с.372-373]. Создаваемый человеком мир техносферы, считает В.В.Чешев, все же «предстает как средство социальной жизни человека, ее инструмент», а именно – как «средство воспроизводства материальной культуры, материальных условий жизни общества». Социальная жизнь «не может совершаться вне техносферы», но характер ее развития зависит от того, какую «историческую жизненную траекторию» выберет общество [18, с.86-88]. И современные проблемы, подчеркивает В.В.Чешев, вызваны не техникой: «Дело не в технике как таковой. Дело в общественной среде, сделавшей технику выражением своего собственного обезличения... Общество, пришедшее к обезличению человека, реализует названный «проект» соответствующими техническими средствами» [18, с.21].

Если техника – это стиль человеческой жизни и «состояние западного сознания», то, как замечает Х.Сколимовски, «удобнее проклинать технику, чем рассматривать ее как симптом и выражение системы ценностей и жизненных ориентаций, которые характеризуют наше мировоззрение» [16, с.248]. На самом деле техника, считает философ, «превратилась для нас в физическую и ментальную опору в столь... всеобъемлющей степени, что если мы даже осознаем, как опустошает она нашу среду, природную и человеческую, то первой нашей реакцией является мысль о какой-то другой технике, которая может исправить все это» [16, с.372]. Рассматривая технику как послушный инструмент человеческой деятельности, ее негативные

последствия придется приписать неадекватности самого человечества: это оно не может согласовать социокультурные процессы, и в результате их противоречивости выявляется несогласованность техники и природы, техники и человеческой жизни. Совершенствуя социальную среду, люди этим гармонизируют и свои отношения с техникой. В чем же заключается философская «проблема техники», если, словами Х.Блюменберга, «каждая из технических вещей, существование которых основывается на конструировании, не выдвигает никакой иной проблемы, кроме своего технического усовершенствования»? Возможно, «проблема техники является результатом суммирования проблем, связанных с побочными воздействиями технических достижений» [2, с.71]? Таким образом, чем дольше философы исследуют технику, тем менее очевидным становится ее определение, не только ее сущность или перспективы. Обнаруживается связь технического с человеком и природой: граница между ними проводится в значительной мере условно. Собирая воедино существующие представления о технике, В.М.Розин приходит к выводу: то, что называется техникой, «представляет собой проекцию и объективацию сложной системы проанализированных дискурсов, практик и властных отношений» [14, с.24]. Итак, «на нашей планете почти все стало техникой, не исключая человека, который является техникой, поскольку обслуживает технику и обеспечивает свою жизнь исключительно с помощью техники» [15, с.99]. Сегодня «техника является неотъемлемой стороной современной культуры и цивилизации, органически связанной с их ценностями, идеалами, традициями и противоречиями». Техническое мышление «становится ориентиром общественной жизни» [4, с.69].

Хотя проводимые философией техники исследования искусственной среды и порождающей ее технической деятельности человека относятся к наиболее важным направлениям анализа глобальных проблем (поиск путей их разрешения подразумевает нахождение новых путей их осмысления, новых теоретических моделей техногенных процессов и т.д.), в настоящий момент философия техники этой задачи выполнить не может. Самые важные вопросы (такие, как роль техники в формировании экологического кризиса), обоснованные ответы на которые необходимы для практической деятельности, не находят решения; не существует

общепринятых оценок происходящего и программ преобразования технической реальности, нет даже единого определения понятия «техника» [13]! Философские концепции техники множатся. Техника расплывается, как отражение в воде, когда к нему захотят прикоснуться. Может быть, техника и есть зеркало человека, а философия подошла к нему слишком близко?

Эта разногласица в философии техники, при которой преемственность и методологическая строгость является исключением (а некоторые «философские» мнения вообще выходят за рамки обоснованных суждений), наносит ущерб самой философии, на которую практические деятели смотрят с возрастающей иронией, а массы вообще не интересуются ее трудами. В результате изящные построения и утонченные модели не встречают широкого интереса, не отражаются в СМИ и остаются неизвестными массовому сознанию (ожидающему практических рекомендаций). Неотложная задача философии такова: систематизация собственных концепций, их упорядочивание, методологическая проверка и изложение на доступном большинству людей языке. Отсеивая мнения необоснованные или ведущие к губительным практическим последствиям и оставляя обоснованные (хотя и противоречивые), философия поможет решать современные проблемы. Невозможность формирования единой точки зрения должна быть доведена до формулировки аксиологических оснований противоречивых концепций, требующих уже не продолжения анализа, а мировоззренческого выбора. Только в этом случае обсуждение философами современных проблем привлечет внимание, а их мнение станет востребованным при составлении программ деятельности. Иначе философия останется в собственной, всё сужающейся среде: внутренние дискуссии будут практически бесплодными, а массовое сознание окажется во власти беспочвенных идеологических фантазий.

Между тем, поскольку человек остается главным предметом философии, именно связь философии техники с философской антропологией – связь, последовательно проведенная и методологически выверенная, – становится необходимостью, единственным способом разделить философскую рефлексию (обладающую всеми критериями доказанности, какие возможны для философии) и публицистические упражнения на тему «Несет ли

техника добро или зло?». Этих «рассуждений», пытающихся возвести обыденные представления в ранг «точек зрения» и только затрудняющих осмысленную дискуссию, становится все больше. К сожалению, все они бесплодны, поскольку ставят вопросы так, что невозможно на них ответить: их итоги – громогласные споры, но не истина. Несовместимость философских подходов к исследованию техники неизбежна, поскольку не существует единого представления о человеке и его активности. Констатировав различные подходы в философии техники и показав их несовместимость, следует вывести эти различия из более глубоких оснований – антропологических. Поскольку техника является творением человека, а современный человек во все большей степени – объектом техники, их рассмотрение связано. Те принципы антропологии, которые были наработаны за тысячи лет дискуссий, проникая в область философии техники, породили различные представления об обоснованности преобразования природы, о цели технического прогресса, о допустимости трансформации человека и т.д. Человек и техника не могут изучаться изолированно, потому что анализ человеческой жизни влечет рассмотрение ее техногенных аспектов, а анализ техники приходит к рассмотрению ее воздействия на человека, закономерностей ее создания и т.п. Техника предстает перед человеком как зеркало, в котором он видит стороны своей сущности, которые доселе оставались ему неизвестными; техногенные проблемы современности оказываются проблемами антропогенными – рожденными человеком. Анализ любой проблемы, имеющей техногенный фактор, переходит в дискуссию о сущности человека, смысле и пределах его активности.

Зачем же проводилось философское исследование, если в результате, кажется, мы дальше от ответа, чем были в его начале? Философия техники узнала много нового о самом человеке: о его деятельностном потенциале и связанности социокультурной средой, об относительности его ориентации на собственную выгоду и так далее. Задавая вопрос о технике, мы получили ответ о человеке. Это хороший результат, потому что люди не устанут узнавать нечто новое о себе. Следовательно, продолжение философского исследования техники необходимо; только, во избежание разочарований, следует уточнить их цель. Нас интересуют человеческие характеристики и проблемы; техника снова служит нам

инструментом, но не в практических делах, а в теоретических исследованиях. Новое направление философских исследований должно быть названо антропологией техники [11]: употребляемый термин, хотя и встречался в философских исследованиях (например, у Х.Закссе), не относится к числу распространенных. Но он точно выражает направление работы тех философов, которые стремятся преодолеть трудности, возникшие в философии техники.

Формирование антропологии техники (как философского направления, исследующего взаимосвязь человека и техники, показывающего их взаимную обусловленность и создающего новые формы их представления) – необходимая ступень развития современного философского знания. Реализация этого плана исследования потребует рассмотрения основных дискурсов относительно человека и его активности. Основной методологической трудностью на этом этапе исследования станет понимание концептов «человек» и «техника»: даже мыслители, принадлежащие к одной (современной) цивилизации, часто вкладывают в них разный смысл, тем осторожнее следует их применять для анализа мировоззрения предшествующих эпох.

Автор, опираясь на свои работы по исследованию техносферы [13], предлагает классификацию подходов антропологии техники.

I. Традиционные подходы – основаны на разделении Техники, Человечества и Природы, понимаемых как автономные целостности:

1) *дофилософский*, или *инструментальный подход* – техника рассматривается не как целостность, а как совокупность инструментов, сознательно созданных человеком для получения от природы материальных благ и управляемых людьми (негативные последствия технического прогресса – ошибки людей), системные связи между техническими объектами и ответное воздействие (техники или измененной техникой природы на человека) не учитываются;

2) *философские* подходы – рассматривают технику как целостность, имеющую системные характеристики (отдельные технические объекты – лишь элементы техногенной среды, которая имеет собственные законы и воздействует на человека и природу), при этом одно из традиционных философских понятий считается базовым:

а) *биосферный подход* – утверждает, что первична Природа, которая создает Человека, (а тот в свою очередь создает Технику); поэтому человек должен во всем подчиняться законам природы;

б) *антросферный подход* – утверждает, что первична активность Человека, изменяющего (и имеющего право изменять) Природу (с помощью Техники) и самого себя (с помощью социального и культурного творчества); признается, что техногенное совершенствование природы людьми возможно и необходимо, но иногда эти трансформации идут во вред человеку, ухудшая социокультурные условия;

в) *техносферный подход* – утверждает, что Техника по мере развития становится все более автономной (замкнутой на собственных системных потребностях и подчиненной собственным законам), поэтому она рассматривается не как зависящая от Человека и Природы сила, а напротив, как во многом определяющая их характеристики.

II. Нетрадиционные подходы – основаны на ином выделении понятий или ином понимании отношений между традиционными понятиями. Наиболее легки для построения (и уже появляются) подходы, которые просто стремятся преодолеть противопоставление между одной из пар традиционных понятий, показывая их как этапы некоего единого эволюционного процесса или как стороны единого целого. Можно выделить три уже появляющихся нетрадиционных подхода (остальные – еще более нестандартные – только зарождаются):

1) *биосоциальный подход* – утверждает, что развитие Человечества есть этап эволюции Природы, подчиненный тем же естественным закономерностям; признается право людей изменять природу и себя, но не разрушая при этом природную среду, а выявляя существующие законы и ограничения и развиваясь только в их пределах;

2) *биотехнический подход* – утверждает, что Техника есть следующая (за биологической жизнью) эволюционная ступень развития Природы, а роль Человечества – создать ее и довести до автономии; поэтому деградация биосферы – не катастрофа, а обычная практика эволюции – вытеснение одних видов другими, прогрессивными;

3) *социотехнический подход* – утверждает, что Техника есть часть Социума; промышленные технологии рассматриваются как

часть технологий социальных (практик переработки естественного в искусственное); при этом редуцируется материальная составляющая техники, рассматриваемой как способ социальной коммуникации.

Необходимы детальная разработка этих подходов и их использование для методологического обоснования предлагаемых глобальных программ. Имеющиеся концепции следует анализировать по нескольким направлениям: выявление характерного для данного философа понимания техники, изложение его взглядов на сущность человека и на техногенные характеристики современного общества, культуры и природы. Так, глядя в зеркало искусственного мира, мы различаем в нем то, что есть в человеке, но дотоле оставалось незамеченным.

Остается пожелать работам в области антропологии техники побольше тех «безумных идей», на которые есть спрос даже в точных науках. К чему привела вторичность философии, попытка ее представителей говорить только заведомо правильные слова (повторяя их то за религиозными деятелями, то за учеными)? К тому, что интерес к философии падает, и сознанием своей правоты философам скоро не с кем будет делиться. Философия родилась как «любовь к мудрости», как поиск оптимального направления человеческой жизни, а остальные вопросы решала лишь по мере их поступления. Может быть, она, вернувшись к анализу проблем современной жизни человека, найдет второе рождение? Может быть, ее сегодняшняя цель – искать мудрый путь для человечества в целом, этим помогая ему познать себя?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З.Бауман. – М., 2002.
2. Блюменберг, Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии / Х.Блюменберг // Вопросы философии. – 1993. – №10.
3. Вригт, Г.Х. Философия техники Николая Бердяева / Г.Х.Вригт // Вопросы философии. – 1995. – №4.
4. Горохов, В.Г. Введение в философию техники / В.Г.Горохов, В.М.Розин. – М., 1998.
5. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М., 2003.
6. Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.-Брянск, 2006.
7. Ефременко, Д.В. Введение в оценку техники / Д.В.Ефременко. – М., 2002.

8. Ковалев, А.М. Изменяющийся и самоорганизующийся мир / А.М.Ковалев. – М., 1999.
9. Ковалев, А.М. Общество – развивающийся организм / А.М.Ковалев. – М., 2000.
10. Парсонс, Г. Человек в современном мире / Г.Парсонс. – М., 1985.
11. Попкова, Н.В. Антропология техники: становление / Н.В.Попкова. – М., 2009.
12. Попкова, Н.В. Введение в философию техники / Н.В.Попкова. – Брянск, 2006.
13. Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В.Попкова. – М., 2007.
14. Розин, В.М. Подходы и методы изучения техники и технологии / В.М.Розин // Традиционная и современная технология. – М., 1998.
15. Розин, В.М. Техника и социальность / В.М.Розин // Вопросы философии. – 2005. – №5.
16. Сколимовски, Х. Философия техники как философия человека / Х.Сколимовски // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
17. Чешев, В.В. Деятельностная природа техносферы / В.В.Чешев // Философия и будущее цивилизации: Тез.докл. IV Российского философского конгресса. – М., 2005. – Т.3.
18. Чешев, В.В. Техническое знание / В.В.Чешев. – Томск, 2006.
19. Эллюль, Ж. Другая революция / Ж.Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

Ю.Ю. СИВЕРИНА

ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Культура – совокупность созданных человеком в ходе его деятельности и специфичных для него жизненных форм, а также самый процесс их созидания и воспроизводства. В этом смысле понятие культуры – в отличие от понятия природы – характеризует мир человека и включает в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления (включая такие социальные институты, как государство и право), язык и искусство, технику и технологию и т.д. [3, с.784]. Такое определение понятию «культура» дает Большой Российский энциклопедический словарь. По мнению философа В.А.Кутырева, культура – это «человеческая деятельность по преобразованию природы» и «господство над природой – внешней, окружающей человека и внутренней, составляющей его тело» [6, с.23]. Понятию «культура» дано множество различных определений, но все их объединяет основная мысль о том, что именно благодаря культуре человек становится *человеком*. По словам М.Мамардаш-вили, человек «есть

искусственное существо, рождаемое не природой, а саморождаемое через культурно изобретенные устройства» [12, с.55]. Итак, культура играет основную роль в формировании человека как личности. Однако, «культура – ее формы, роль и предназначение – становится в современном мире проблемой» [8, с.313], так как принципиальное отличие современной культуры от традиционной порождает вопрос: *развивается культура или деградирует?*

Технический прогресс, развитие индустрии, информатизация общества логично привели к качественным изменениям во всех сферах человеческой жизни. Различия между классической и современной культурой настолько существенны, что их невозможно оставить без внимания. Трансформации сегодня произошли со всеми составляющими культуры, в значительной мере изменив ее облик, и философы современности пытаются дать этим трансформациям свою оценку.

Развитие техники как причина культурных трансформаций современности. Итак, анализ данных трансформаций можно начать с рассмотрения *техники*, как составляющей части человеческой культуры. Этот выбор неслучаен, так как, по мнению многих философов, именно развитие техники является одной из основных причин трансформаций традиционной культуры в современную. Техника, заполнившая повседневность, используемая везде и повсеместно, открывающая человеку горизонты новых, доселе невиданных возможностей, сегодня стала стилем жизни людей. В современном обществе «достижение успеха, прогресса и счастья представляется человеку возможным лишь с помощью техники, а инновации постоянно взламывают и перестраивают культурную традицию» [7, с.59], т.е. техника, как составляющая культуры, оказывает непосредственное и очень сильное влияние на прочие ее составляющие. Техника находит отражение в современном искусстве, все чаще и чаще применяется в спорте, заняла прочное место в системе образования, с помощью техники человек покорил космос и исследовал дно океанов, смог добывать ранее недоступную ему информацию в кратчайшие сроки – все это делает человека практически всемогущим. Однако есть одно «но». По мнению Н.В.Попковой, в результате столь стремительного развития техники «происходят изменения в культурной сфере, вызванные не сознательными трансформациями ее творца – человека, а безличной логикой техногенного развития» [9, с.239].

Итак, техника, в качестве части человеческой культуры, наряду с прочими ее составляющими, претерпевает определенные трансформации, которые в основном проявляются в ее стремительном *развитии*, но в то же время она (техника) является причиной трансформаций, происходящих с другими сегментами культуры, такими как искусство, спорт, наука и даже мораль и нравственность. В чем же заключается принципиальное отличие искусства традиционного от современного, каков характер произошедших с ним трансформаций? По словам В.М.Розина, «если традиционное искусство предполагало удаление человека от мира и погружение в особую эстетическую реальность, противопоставленную обычной жизни, то современное искусство сращивается с обыденностью». Кроме того, «по отношению к современному искусству язык не поворачивается говорить о прекрасном, зато сам собой устремляется в русло представлений о коммуникации, символической жизни, языковых играх» [11, с.326].

Традиционное искусство предполагало самосовершенствование, самопознание, индивидуализацию своего создателя или зрителя, становление его как личности. В противоположность этому современное искусство отодвигает на задний план эмоции, чувства и ощущения, отдавая предпочтение техническим реалиям. По поводу положительного характера данных трансформаций среди философов существуют немалые сомнения, однако у современного искусства есть свои сторонники. И это логично, потому что те нормы культуры, которые сейчас считаются традиционными, тоже когда-то были нововведениями, которые отвергало общество. Окружающий человека мир стремительно изменяется, а искусство изменяется вместе с ним. Так как в наше время все инновации и нововведения принято считать прогрессивными, новый облик искусства считается прообразом светлого будущего. Тем не менее, этот аргумент оставляет опасения по поводу вытеснения «образа человека» из искусства «образом техники», так как эта замена прослеживается не только в искусстве.

Что касается спорта, техника туда проникла еще в прошлом веке. Ралли, картинг, спидвей, мотобол, мотокросс, бобслей – это далеко не полный список не известных ранее видов спорта, которыми сегодня занимаются тысячи людей. В их основе – союз «человек-машина». И следовало бы радоваться развитию новых спортивных направлений, если бы не количество погибших спортсменов, которое в разы превышает погибших при соревнованиях в классическом спорте.

Нередки стали случаи, когда в соревновании людей побеждают машины.

Настало время, когда спортсмены соревнуются не только на пределе своих возможностей, но и на пределе человеческих сил вообще. Однако вложенные инвестиции требуют дальнейшего развития спорта, новых рекордов, поражающих достижений. Тогда на задний план отодвигается такая фундаментальная ценность, как человеческое здоровье. Давно прошли времена, когда допинговые скандалы были из ряда вон выходящим событием. Современными спортсменами поставлены такие планки, которые человек физически просто не в состоянии преодолеть. Поэтому в ход идут стимуляторы физической активности, способные подбросить человека до этих невиданных высот, одновременно нанося колоссальный вред его здоровью. Но разве это имеет какой-то вес в сравнении с чувством патриотизма, который охватывает жителей страны в момент победы спортсмена? Столь циничное отношение к одной из главных ценностей – здоровью человека – сегодня рисует мало обнадеживающие перспективы.

Спорт – лишь один из настораживающих примеров. Положение и роль науки в техногенном мире также неоднозначны. С одной стороны, «техногенное развитие создает благоприятные условия для динамики научного знания... растет экспериментальная база естествознания, создается единое научное пространство, надежды на технологическую отдачу стимулируют рост капиталовложений в научные исследования» [9, с.250]. С другой же стороны, нынешнее состояние науки называют «функциональным кризисом». Такое положение вещей связано с тем, что науку принято отождествлять с техногенным развитием планеты, именно поэтому на науку «массовым сознанием... стала возлагаться ответственность за современные трудности». Таким образом, научный прогресс способствовал созданию комфортной среды обитания человека; но результатом этого прогресса, кроме роста производства, явилась деградация природы и дегуманизация культуры: это приводит «к растущей критике науки и умалению ценности научного знания в современном массовом сознании» [9, с.252].

Техника диктует Человечеству свои правила, и независимо от характера последствий, люди должны им следовать, чтобы выжить в современном мире. А.А.Гусейнов полагает, что в связи с развитием техники происходит закономерное изменение морали. В традиционном обществе «личные качества индивида, мера их

моральности, добродетельности являлись основной несущей конструкцией, державшей все здание цивилизации». С переходом к фабричному производству, которое стало задействовать большие массы людей, «общественные отношения неизбежно стали приобретать вещный характер – регулироваться не по логике отношений... а по логике предметной среды... Поведение людей в качестве работников задавалось не совокупностью душевных качеств... а функциональной целесообразностью» [1, с.20-25]. Итак, развитие техники стало одной из причин культурных трансформаций современности, но не единственной. Не менее значимой причиной можно назвать *смену системы ценностей*.

Смена системы ценностей как причина культурных трансформаций современности. Слова «развитие» и «прогресс» фигурируют при описании современного техногенного общества. Это свидетельствует о том, что происходит постоянное качественное изменение всех сфер человеческой жизни. Неудивительно, что в таких условиях происходит смена общечеловеческих ценностей. В XX веке ритм жизни людей увеличивается в разы, СМИ навязывают Человечеству новые идеалы – под таким напором люди меняют свое отношение к окружающему миру, у них логично формируется отличная от существовавшей ранее система ценностей. Смена ценностей и трансформации традиционной культуры в современности происходят параллельно и являются причинами друг друга. Однако в уже сложившейся обстановке новые жизненные ценности людей, иные взгляды и новые требования влекут за собой закономерные трансформации во всем, что окружает человека, а следовательно, и в культуре.

Какое же влияние смена системы ценностей оказала на искусство? В ней чувства вытесняются интеллектом, материальные блага довлеют над духовными. Успех, удовольствие, счастье, благосостояние – вот к чему стремится человек. Современное искусство эти стремления во многом отражает. «Искусство стало экспериментальным полигоном», на котором ведутся активные поиски новых жанров и направлений, основная цель которых – поразить зрителя своей оригинальностью и нестандартностью. Как правило, современный автор не заботится о том, чтобы сделать свое произведение доступным и понятным для зрителя, для него главное – выделиться себя из массы прочих. По мнению Н.В.Попковой, искусство стало «объектом рыночных отношений и стандартизации (вслед за

стандартизацией производства, потребления, досуга и воспитания)» [8, с.318].

В XX веке фундаментальное образование, в основе которого лежит наука, теряет свою ценность. В связи с развитием техники и появлением профессий, требующих специфических знаний и навыков, изучение основ классической науки отодвигается на второй план. Преимущество отдается специальным знаниям. По словам С.С.Гусева, «бесконечное восхождение ко все новым и новым вершинам знания сменилось ныне заботливым огораживанием локальных участков, на которых специалисты с помощью гарантированно надежных методов строят модели отдельных фрагментов реальности» [10, с.28]. Сегодня развиваются, процветают и финансируются научные проекты, которые заведомо будут приносить прибыль. Именно окупаемость проекта и доход, который он может принести являются в большинстве случаев основным критерием его воплощения в жизнь. В.С.Степин утверждает: «Потребительское общество с его идеалами гедонистического образа жизни не создает благоприятного социального фона для доминирования научной рациональности... Индустрия массовых развлечений формирует у людей «клиповое сознание», для которого уже трудно воспринимать строго логические и доказательные рассуждения, составляющие основу научной рациональности» [14, с.95].

Новое время формирует новые ценности, поэтому то, что сегодня традиционную нравственность считают устаревшей, вполне закономерно. Но правильно ли? По словам Н.М.Смирнова, «устаревшими» объявлены такие традиционные ценности, как «преданность сообществу, трудовая этика, способность к бескорыстию и самопожертвованию, но именно они способствовали в свое время решению задачи модернизации» [13, с.694]. Сегодня же «нравственно то, что приносит максимальную пользу человеку и обществу». В понимании современного человека, нравственность – уже не совокупность добродетелей. Она «санкционирует в качестве достойных... стремление к удовольствию, счастью, удовлетворению потребностей, успеху» [15, с.92]. Итак, трансформации традиционной культуры в современную налицо. Этому существует множество подтверждений. В связи со стремительным развитием техногенного общества данные трансформации закономерны и неизбежны. Здесь и приходится возвращаться к вопросу: развивается ли современная культура или деградирует?

Функции культуры как критерий оценки культурных трансформаций современности. Чтобы ответить на вопрос о развитии или деградации культуры, необходимо выбрать критерий для сравнения. В качестве такого критерия можно использовать функции культуры, поставив вопросы: выполняет ли сегодня культура свои функции, с учетом трансформаций, произошедших с ней? Не изменились ли функции культуры в результате этих трансформаций? Согласно словарю «Культурология: XX век», «функции культуры – совокупность ролей, которые выполняет культура по отношению к сообществу людей, порождающих и использующих (практикующих) ее в своих интересах». Наиболее общей и универсальной функцией культуры считается «*обеспечение социальной интеграции людей*», то есть «формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей... накопление социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ» [4, с.508-511]. Итак, традиционная культура способствовала социальной интеграции людей, объединению их в различного рода коллективы для удовлетворения общих потребностей. Это предполагает существование и обеспечение собственной жизнедеятельности людей в социальных группах различного уровня – нациях, классах, профессиональных коллективах, семьях и т.д. Основная функция культуры отражает связи между людьми и их взаимоотношения в рамках социума. Эти взаимоотношения обусловлены универсальной системой общечеловеческих ценностей, едиными нормами морали и нравственности, развитием техники и технологии, динамикой жизни.

Как уже отмечалось, смена системы ценностей повлекла за собой изменение культурных традиций, выдвинув на первый план личное счастье и удовольствие индивида, приоритетное удовлетворение личных потребностей, личный успех. В связи с этим изменились и нормы морали в обществе. Стремительное развитие техногенного мира привело к многократному «ускорению» жизни людей в социуме, так как для достижения поставленных целей сегодня необходимо идти в ногу со временем. Однако основная функция культуры осталась неизменной, так как, несмотря на все трансформации, человек реализует себя в обществе, а не независимо от него – создает семью, строит карьеру, считает себя гражданином своей страны. Несмотря на качественные изменения культуры, она

остаётся стабилизатором социальной интеграции людей, которая, в свою очередь, лежит в основе общества.

По мнению А.В.Костиной, немаловажной функцией культуры является *«гуманистическая или человекотворческая»*, которая представляет собой «воспитание, возвращение и возделывание духа...Она направлена на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности и является условием развития его сущностных характеристик» [2, с.23]. Выполнятся ли сегодня данная функция культуры? В мире, где все сферы жизни заполнены техникой, где частично признано ее господство, скорее всего, в скором времени слово «гуманизм» будет считаться устаревшим. В современную эпоху человек перестал быть главным героем произведений искусства. По мнению В.А.Кутырева, современное искусство «не только не противостоит технике, но является ее порождением и приложением», поскольку «враждебно всему образному, чувственному, непосредственному в человеке» [5, с.74]. Дегуманизация – тенденция, которая прослеживается на сегодняшний день во многих сферах культуры. Остаётся лишь догадываться, обусловлена эта тенденция развитием культуры или ее деградацией. Итак, современная культура все в меньшей степени выполняет гуманистическую функцию в том виде, в котором выполняла ее традиционная культура. «Человекотворческая» функция сегодня трансформировалась в адаптационную. Одна из функций современной культуры – обеспечивать приспособление человека к развивающемуся с огромной скоростью техногенному обществу, помогая ему как можно быстрее адаптироваться к нововведениям и инновациям, характерным для современности. При этом на первый план выводится не индивид, которому необходимо освоить новые технологии, а непосредственно сами технологии – во всех сферах человеческой жизни ведется их активная пропаганда.

А.В.Костина одной из основных функций культуры выделяет «семиотическую или знаковую» [2, с.23], которая является одной из составляющих коммуникативной функции. В связи с переменами, произошедшими в мире за последние двадцать лет, она стала едва ли не основной функцией культуры. В рамках традиционной культуры семиотическая функция выполнялась на уровне изучения родного и иностранных языков, специфических языков живописи, музыки, театра – для познания этих видов искусства, а также знаковых систем физики, математики, химии, биологии и т.п. – для овладения этими науками. Сегодня, в связи с развитием техники, жизнь человека без

знания определенных знаковых систем и специфических языков невозможна, поскольку техногенное развитие является следствием появления новейших знаковых систем и языков, позволивших сделать важнейшие открытия. Примером могут служить новейшие языки программирования, благодаря которым за последние пять-семь лет в сферах экономики, медицины, производства были созданы системы, способные поверять, регулировать и контролировать сложнейшие процессы – от производства нестандартных деталей до проведения важнейших медицинских операций. Так же к достижениям, которым способствовало развитие наук программирования, можно отнести создание единой виртуальной системы обмена информацией. Кругозор современного человека и возможности получения им нужной информации сегодня увеличились в разы благодаря свободному доступу в сеть Интернет. Таким образом, семиотическая функция в составе коммуникативной полностью выполняется современной культурой.

Итак, современная культура перестала выполнять отдельные функции, которые выполнялись традиционной культурой. В то же время развитие современной культуры вызывает появление ее новых функций. Несмотря на трансформации современности, культура продолжает выполнять основную функцию – обеспечение социальной интеграции людей. Однако ее частные функции претерпевают изменения. Некоторые из них частично перестают выполняться, другие, напротив, приобретают большее значение. Чтобы дать объективную философскую оценку культурным трансформациям современности, используя в качестве критерия функции культуры, необходимо проанализировать все функции культуры, учитывая не только их особенности, но и рассматривая их во взаимной связи друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусейнов, А.А. Этика и мораль в современном мире / А.А.Гусейнов // Вестник МГУ. Философия. – 2001. – №1.
2. Костина, А.В. Культурология: учебник/ А.В.Костина. – М., 2008.
3. Культура / Большой Российский энциклопедический словарь. – М., 2003.
4. Культурология: XX век: Словарь. – СПб., 1997.
5. Кутырев, В.А. Осторожно, творчество! / В.А.Кутырев // Вопросы философии. – 1994. – №7-8.
6. Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А.Кутырев // Вопросы философии. – 1996. – №11.

7. Левикова, С.И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт и преемственность поколений / С.И.Левикова // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №3.
8. Попкова, Н.В. Антропология техники: Становление / Н.В.Попкова. – М., 2009.
9. Попкова, Н.В. Введение в философию техники: учебник / Н.В.Попкова. – Брянск, 2006.
10. Псевдонаучное знание в современной культуре: Материалы «круглого стола» // *Вопросы философии*. – 2001. – №6.
11. Розин, В.М. Философия техники: учебник / В.М.Розин. – М., 2001.
12. Цит. по: Самсонов, А.Л. По пути к ноосфере / А.Л.Самсонов // *Вопросы философии*. – 2000. – №7.
13. Степин, В.С. Третья цивилизация / В.С.Степин // *Ученый совет*. – 2005. – №9.
14. Смирнов, Н.М. Модерн / Н.М.Смирнов // *Глобалистика: энциклопедия*. – М., 2003.
15. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества / Е.Н.Яркова // *Общественные науки и современность*. – 2002. – №2.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ**Д.М. КОШЛАКОВ****ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВЯЗИ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО
И ИММАНЕНТНОГО В КУЛЬТУРЕ**

В культуре на различных этапах ее исторического развития весьма важное место занимают представления о связи трансцендентного и имманентного. Как показывают социокультурные и философско-культурологические исследования, с течением времени тип связи между трансцендентным и имманентным трансформируется, а прослеживание этих трансформаций имеет высокое философское значение, причем особого внимания, как нам кажется, заслуживает вопрос о соотношении трансцендентного и имманентного в современной культуре, или, как все более часто приходится говорить, культуре постмодерна (постсовременной культуре). Однако, чтобы дать ответ на данный вопрос, сделав минимальные комментарии, необходимо провести анализ достаточно широкого материала, привлекая разнообразные исторические, философские и культурологические данные.

Исторически первым видом мировоззрения можно считать мифологию. Так, уже в дохристианской русской культуре существовали первые представления о мире, соотношении человека и Вселенной и т.п. У древних славян важное место отведено мифу о Красной горке. Мифологическая картина мира, связанная с горой, по своей семантике исходит из того, что существует Мировая гора, у подножия которой обитают умершие предки, на вершине – боги, а между этими уровнями пространства – живые люди. Уже в этих представлениях мы можем видеть ранние философские идеи. Отношение трансцендентного и имманентного в мифологических представлениях [5, с. 10-11] понимается так, что имманентное включает в себя трансцендентное (рис. 1а): боги обитают, к примеру, на вершине горы и в этом смысле они не выведены за рамки материального мира. Древнегреческий мыслитель Платон смотрел на данные вопросы уже иначе. Заявив о существовании и четком различии *мира идей* и *мира вещей*, высшего и низшего, идеального и материального, совершенного и несовершенного бытия, раскрыв свое видение связи между ними, Платон, по сути дела, сказал, что

трансцендентное и имманентное связаны между собой так, как это показано на рис. 1б [5, с. 10-11].

Принципиально новую и мировоззренчески очень глубокую картину связи, вне всякого сомнения, предлагает христианство. Особенно в этом плане показательны православие с его высокими требованиями к напряженности духовной жизни. На Руси с принятием христианства появляется иерархичность в представлении о высшем и низшем, провозглашается абсолютное превосходство идеального над материальным, духовного над плотским, причем Бог как трансцендентная сущность выводится за рамки материальности, а в человеке бессмертием наделяется только идеальная сущность – душа [6, с. 110, 205-206]. Русской православной культуре свойственны такие представления о связи между сущим и существующим, которые характеризуют собой слитную, неразрывную, целостную связь (рис. 1в) [2].

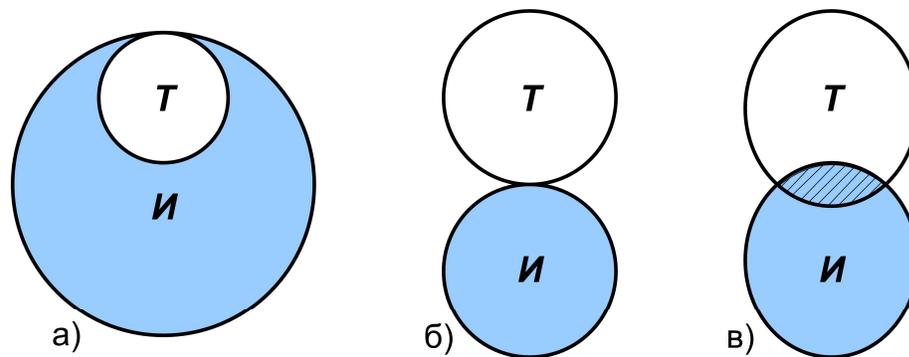

Рис. 1. Соотношение трансцендентного и имманентного (Т – трансцендентное, И - имманентное)

Обратим внимание на проблему религиозно-догматических споров (как внутри-, так и межконфессионального типа), так как в них сокрыто глубочайшее философское содержание, оказавшее серьезное влияние на развитие культуры [2; 6, с. 368-370; 1, с. 185-189]. Так, изначально существовавшая фундаментальная онтологическая формула (тип и картина связи трансцендентного и имманентного) предполагала неразрывность связи двух уровней бытия (рис. 1в). Нациям же присущи представления о разделенности этих двух начал в человеческой жизни, на пути к чему (т.е. к построению нации) можно выделить несколько этапов коррекции этих представлений (рис. 2) [2].

1. Принятие «Филиокве» и соответствующая этому фундаментально значимая дискуссия, которая, надо сказать, играет весьма непростую роль. Догмат о «Филиокве» приводит к тому, что

бытие, наполненное сакральным смыслом, тайной, высокой сущностью, оказалось «разрезано» на трансцендентное и имманентное (рис. 2а), Бога и человека; иначе говоря, понятие о взаимопроникновенности этих сущностей в западном христианстве было серьезно скорректировано.

2. Оформившаяся дистанция между имманентным и трансцендентным начинает увеличиваться посредством дифференциации сакрального пространства и выделения в нем некоторой нейтральной зоны, чистилища (рис. 2б), которое в первоначальном, евангельском христианстве или построениях раннесредневековых богословов, отсутствовало. Данный догмат, официально провозглашенный папством в 1254 году, Православной церковью принят не был.

3. Реформация и формирование протестантизма, стержневой компонентной которого является бого-оставленность, безблагодатность мира, также выступает важным этапом коррекции фундаментальной онтологической формулы. Данная коррекция означает еще большее удаление трансцендентного от имманентного (рис. 2в).

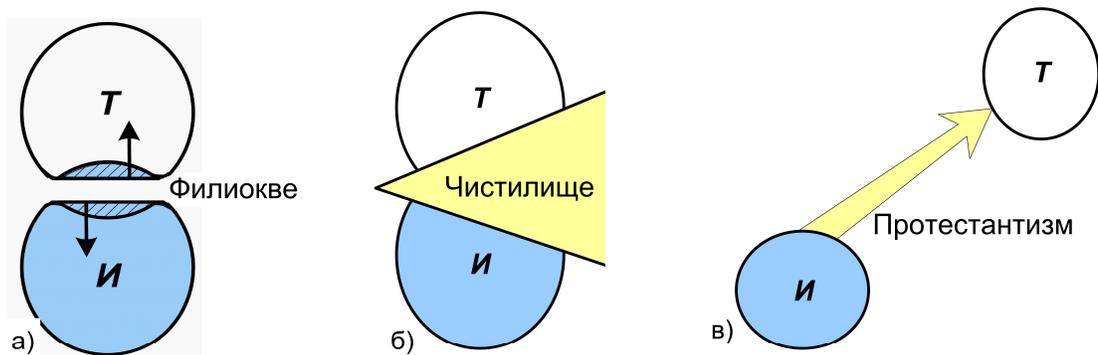

Рис. 2. Этапы коррекции фундаментальной онтологической формулы

На каждый из этих этапов уходило столетия, и все они представляли собой фазы, предшествовавшие становлению собственно модернизированного сознания, которые Запад прошел до возникновения позитивистски-секулярного гражданского общества, и завершилось формирование национального самосознания [2]. Очень интересны в этом плане мысли А.С.Хомякова. Если у католиков действует централизованная церковная власть, которая сдерживает еретиков и решает вопросы догматов, то у протестантов подобное подчинение централизованной церковной власти понимается как интеллектуальное рабство. В итоге в католицизме А.С.Хомяков

находит единство без свободы, а в протестантизме – свободу без единства. И только православие дает единство свободы и любви, что и проявляется в соборности русской культуры, феномене ее особой духовности. Для полного понимания идеи сочетания любви и свободы требуется всесторонне разработанная система метафизики – теория об онтологической структуре личности и мира, о конечном идеале, связи между богом и миром и т.д. Эти взгляды А.С.Хомякова глубоко развил русский религиозный философ В.С.Соловьев [3, с. 37-43].

Протестантский тип связи между трансцендентным и имманентным, или, говоря иными словами, тот факт, что в духовном ядре западных наций сформировался тип этики протестантского типа, значим для развития капиталистических отношений, о чем писал еще М.Вебер. Россия же сохранила неразрывный тип связи между трансцендентным и имманентным, т.е. ни протестантского, ни квазипротестантского типа этики в ее духовном ядре не сформировалось. Все это оказало влияние и на социально-экономическую жизнь, и на духовную, и на жизнь геополитическую. Геополитически это предопределило историческое бытие России как универсалистской и идеократической государственности, империи, но империи неколониального типа (империума): расширяя на определенных этапах истории свои территории, Россия относилась к ним не как к эксплуатируемым колониям («сырьевым придаткам», «колониям для рабов» и т.п.), а совершенно иначе. В пользу этого говорит и последующая жизнь общей исторической судьбой, и вписывание вновь вступающих в состав России народов в историософский проект России, и существование России как многоконфессионального и многонационального государства, и соответствующее этому формирование русских как суперэтноса, соединившегося с другими народами, входящими в состав империи. По-своему это проявилось в истории Советского Союза, «имперская формула» существования которого предполагала идеократический характер, бытие народов в поле притяжения мощной идеи (в то время как в Российской империи была проблема того, как соотносить православную идеологию с неправославными народами).

Распад Советского Союза, вписывающийся в постмодернистские интеллектуальные лекала («смерть Субъекта», «смерть Проекта», «конец Истории» и др.), ознаменовал собой победу культуры

постмодерна. Существует позиция (к примеру, у высших иерархов Русской православной церкви), согласно которой постмодерн в России наступил не с распадом СССР, а в 1917 г., когда к власти пришли «безбожники» и «богоборческий режим» «разрушил все трансцендентное». Судя по всему, это глубокое заблуждение, ибо проект, реализуемый в России начиная с 1917 г. (как бы мы к нему не относились), никак не был постмодернистским; это был модернистский проект, определявший свое трансцендентное (другой вопрос, что «трансцендентное» этого проекта и «трансцендентное» в православном его понимании очень сложно соотносились между собой), но никак не стиравший грани между идеальным и материальным, никак не желавший допускать морально-нравственного релятивизма и многого другого, что свойственно культуре постмодерна. Таким образом, победа культуры постмодерна наступила позже, и важной вехой этого процесса можно считать 1991 г. (однако нельзя не отметить, что сложившаяся с распадом СССР культовая для определенных кругов концепция постистории себя не оправдала: уже события 11 сентября 2001 г. показали, что распадом СССР история не заканчивается, а наоборот, мир входит в состояние нового хаоса). Для нас, как уже отмечено, особый философско-культурологический интерес представляет ответ на вопрос о том, как соотносится трансцендентное и имманентное в условиях культуры постмодерна. Здесь возможны различные точки зрения, однако, по нашему глубокому убеждению, культура постмодерна с ее морально-нравственным релятивизмом, пренебрежением целостностью, недоверием к подлинности и всевозможными симуляциями и имитациями сущностно отрицает трансцендентное, отрицает его как таковое. Важную и амбивалентную роль в этом играют такие современные процессы, как, к примеру, виртуализация социума, нарастание размерности социальной практики, технологизация социально-гуманитарной сферы и возможность имитировать посредством различных социально-гуманитарных технологий «любой субъект» и «любую подлинность». В культуре постмодерна принципиально возможна и облегчена имитация трансцендентного, но не его наличие.

В этом отношении показательно учение такого видного предтечи постмодернизма, каким был М.М.Бахтин, автор концепции карнавала. Карнавал, законы которого на материале средневековой

культуры М.М.Бахтин достаточно глубоко исследовал, обращаясь к творчеству прежде всего Ф.Рабле, предполагает инверсию высшего и низшего, «выворачивание мира наизнанку». Если в традиционной культуре карнавалу, масленице, скоморошеству и т.п. отведено строго определенное место, то в культуре постмодерна это совсем не так. Именно данный факт и фиксирует концепция «общества спектакля» и постмодернистская идея смерти Бога (т.е. разрушения в культуре идеального, трансцендентного). За неимением возможности углубляться в детали отметим, что показательной является критика бахтинской эстетики карнавала со стороны А.Ф.Лосева, С.С.Аверинцева и др.

Анализируя с точки зрения социологии культуры такую актуальную тему, как культурная политика России в условиях развернувшегося глобального кризиса, в качестве примера современной вариации концепции карнавала можно привести подход к вопросу о культурной политике такого видного российского интеллектуала праволиберального толка, как К.Э.Разлогов. В декабре 2008 г. в деловом еженедельнике «Компания», ориентированном на предпринимателей и руководителей высшего звена, представителей российской элиты, была опубликована его небольшая статья под довольно впечатляющим названием «Спасение в кризисе» [4]. Представляя свою позицию под видом обеспокоенности, К.Э.Разлогов осуществляет очень серьезную подмену, подменяет культурную политику политикой целенаправленной декультурации. К.Э.Разлогов проводит параллели с Великой депрессией, которая, по его оценке, вызвала к жизни невиданный бум в области экранного развлечения, посредством реализации своей компенсаторной функции ставшее формой всеобщей психотерапии для травмированных кризисом масс и элит, способствуя тем самым разрешению проблемы дефицита положительных эмоций и социального оптимизма. Дефицит финансовых ресурсов К.Э.Разлогов предлагает ликвидировать задействованием другой части программы: «включить на полную мощность игорный бизнес, казино, игральные автоматы и прочие формы азартного развлечения». Следующим аспектом культурной политики России в условиях кризиса К.Э.Разлогов предлагает «всемерное поощрение промискуитета и развитие сексуальной индустрии», что, по его мнению, должно стать механизмом компенсации как материального, так и эмоционального

дефицита, препятствующего социальной и личностной активности в условиях кризисной социальной реальности. Резюмируя обозначенную позицию, подчеркнем, что К.Э.Разлогов говорит о трех факторах культурной политики, способной вывести страну из кризиса и не допустить стагнации: 1) стимулирование развлекательных форм творчества и соответствующих зрелищ (как экранных, так и внеэкранных); 2) стимулирование различных форм азартного развлечения; 3) «всемерное поощрение промискуитета и развитие сексуальной индустрии». «Только стимулирование творчества на тех направлениях, которые ныне считаются «вредными», – отмечает К.Э.Разлогов, – может ускорить выход... страны из планетарного тупика и снять ее с сырьевой иглы... Творчество, наслаждение, свободное развлечение и азарт суть высвобождение сущностных сил человека из пут превратно понимаемых «приличий» и хорошего вкуса, которые нередко оказываются главным препятствием на путях совершенствования, а то и спасения как отдельно взятых цивилизаций, так и рода человеческого в целом» [4].

Свою позицию К.Э.Разлогов активно отстаивает и выход из кризиса видит, по сути дела, в скорейшем построении общества потребления и спектакля (живущего по принципу «Хлеба и зрелищ!»), удовлетворении потребностей низа, что в свою очередь концептуально и адресует к культурологическому понятию карнавала, смеховой культуры. И для Ф.Рабле, и в особенности для М.М.Бахтина карнавал выступал своего рода социокультурной технологией, имеющей свои глубокие исторические и культурологические корни. Эта технология разрушает общепринятую культуру с ее иерархичностью, наличием моральных запретов, осуществляя при этом инверсию потребностей различного уровня, инверсию высокого и низкого. По нашему глубокому убеждению, предлагаемая К.Э.Разловым программа культурной политики, основанная на социокультурных технологиях карнавала, не может быть никаким спасением, наоборот, может оказаться разве что окончательным формированием «Рима периода упадка»: она выглядит рекомендацией, которую можно дать всем умирающим цивилизациям для их скорейшего исчезновения с лица Земли.

Кроме того, позиция К.Э.Разлогова в данном случае – один из концептуальных примеров формирования морально-нравственного релятивизма и инверсии трансцендентного и имманентного, которые

присущи культуре постмодерна. При этом такого рода процессы не являются ни искусственными, ни естественными: они являются технологическими и в этом плане представляют собой пример диалектического единства искусственного и естественного. В конечном счете, есть основания понимать культуру постмодерна как низвержение трансцендентного, идеального, высшего. Причем, учитывая место социально-гуманитарных технологий в культуре постмодерна, можно говорить о том, что сам постмодерн выступает не только технологической средой торпедирования трансцендентного (любого трансцендентного, трансцендентного как такового), но и своего рода метатехнологией этого торпедирования. Особенно опасно это выглядит применительно к России, не имеющей в своем духовном ядре протестантского или квазипротестантского типа этики (и типа связи между сущим и существующим). Именно поэтому Россия находится на переднем рубеже культуры постмодерна, а постмодерн и глобализация планомерно лишают русскую культуру ее самого сокровенного (глобализация и постмодерн снимают альтернативность русской культуры и культура начинает сворачиваться, коллапсировать).

Технологический характер процессов в сфере культуры, в том числе и технологии работы с социальными представлениями о трансцендентном, не только широко осмысливается, но и активно задействуется. В этом плане в одном ряду с уже приведенной нами в качестве примера статьей К.Э.Разлогова стоит доктрина А.Даллеса и размышления влиятельного американского политолога З.Бжезинского, которые во многом подтверждают тот факт, что манипуляции в сфере культуры достигли невиданного размаха. З.Бжезинский открыто пишет, что американская культура – часто недооцениваемый фактор американской глобальной мощи: американская массовая культура, сегодня претендующая на роль глобальной, раскрепощает личность, обрушивает мораль, трансформирует социальные запросы, делает их более материальными, потребительскими и вместе с тем практически неосуществимыми и в конечном счете дает основания для квазиконсенсусной американской гегемонии. Знаменательными в рассмотрении вопроса о роли искусства и сферы массовой культуры как специфических технологий являются исследования З.Фрейда, Т.Адорно, Г.М.Маклюэна, С.Г.Кара-Мурзы и др. Нельзя не отметить,

что современная аудиовизуальная культура формирует мозаичное сознание, фрагментарное, разорванное личное и общественное сознание.

Оказывается, что подобный тип сознания наиболее открыт для всевозможных технологических манипуляций. Технологи из набора фрагментов в сознании и мышлении могут осуществлять практически любые построения, когнитивные сшибки, формировать любые образы (а на деле лишь их симулякры). Ревнителям постмодерна кажется, что человек в условиях постмодерна с его фрагментарностью, расщепленностью и разрывностью волен выбирать любые дискурсы, свободно придерживаться любых символов и смыслов, – на деле, тот социальный организм, в который входят якобы свободные «постмодерновые индивиды», обладает крайне пластичным сознанием и мышлением, открытым к серьезным технологическим манипуляциям.

В конечном счете есть очень значимые основания к тому, чтобы интерпретировать культуру постмодерна как особое состояние, в котором человек отчужден от трансцендентного, отчужден от символов и смыслов. При этом он может играть в любые смыслы (а реально лишь симулякры оных), потреблять любые символы. Кроме того, современный человек отчужден от социально-гуманитарных технологий позитивного спектра: технологий личностного роста, сверхнапряженных образовательных технологий, глубокого и подлинно высокого искусства как своего рода развивающих технологий и т.п. В рамках этой же процессуальности находится деидеологизация, деидеализация, десемантизация, дегуманизация, деаксиологизация и др. тенденции в сфере культуры. К примеру, есть кросс-культурные исследования, которые говорят о том, что за последние два десятилетия российская культура не смогла реализовать базовую для культуры функцию по воспроизводству смыслов и смыслобытийственных ценностей (данный вывод следует из огромного числа исследований, проводимых социологами, культурологами, философами, политологами; четкое осмысление содержания этого пласта исследований у академической науки еще впереди). Все эти процессы (аномия, декультурация и т.д.) только подтверждают тот факт, что современный человек отчужден от смыслов, особенно смыслов жизнеутверждающих. В конце концов он как никогда отчужден от трансцендентного.

Заклячая, можно сказать, что постмодернистская социокультурная ситуация в каком-то плане характеризует собой тот факт, что современный человек оказался в постнеклассическом мире, в условиях которого никакие классические дискурсы и ответы на вызов постмодерна неадекватны (ни в политике, ни в этике, ни в искусстве, ни в экономике). И большая задача состоит в том, чтобы адекватные новым социокультурным вызовам ответы все же найти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов, М.Н. Русская философская мысль X-XVII веков / М.Н. Громов, Н.С. Козлов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
2. Кургинян, С. Левые на перепутье / С.Кургинян // <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=41&id=109> – 2009. – 23 ноября.
3. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О.Лосский. – М., 1991.
4. Разлогов, К. Спасение в кризисе / К.Разлогов // <http://www.ko.ru/document.php?id=20259> – 2008. – 27 декабря.
5. Садыков, Р.Г. Парадигма природы и разума в средневековой исламской философии: автореф. ... докт. филос. наук : 09.00.03 / Р.Г.Садыков. – СПб., 2008.
6. Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М., 2000.

В.М. ЛОБЕЕВА

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТА: ЕДИНСТВО РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ И ФИЛОСОФСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ (КОНЦЕПЦИЯ Б.Н.ЧИЧЕРИНА)

Проблема Абсолюта (Бога) является одной из самых общих философских проблем, в рамках которой ставится вопрос о некоторой сфере, находящейся за пределами материального. Эта проблема изначально ставилась и решалась мировой философской мыслью. Рассмотрение соотношения рациональности и веры – дело также не новое и в истории философии предпринимавшееся неоднократно. Еще античный антропоморфизм, исходящий из философии физиса и ионийской космологии, привел к представлению о Боге как космосе и породил тем самым одну из главных проблем всей последующей философии: как объяснить и понять Бога посредством *ratio*.

В истории русской философии данная проблема была важнейшей в творчестве Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, Л.П.Карсавина, Н.О.Лосского, В.С.Соловьева, братьев С.Н. и Е.Н.Трубецких, Б.Н.Чичерина. В предельно логичной и метафизически

сверхчувственной концепции Б.Н.Чичерина произошло соединение философии как высшего проявления человеческой рациональности и религии с ее смыслообразующим центром – верой. Отмечая, что философия и религия могут расходиться в частных представлениях, ученый подчеркивает их совпадение в развитии одного и того же содержания, под которым понималось сознание Абсолютного. Философия сознает Абсолютное в форме отвлеченного познания, религия – в форме живого отношения к Богу, проходящего через всю жизнь человека.

Поэтому первое необходимое замечание, которым следует предварить наше рассуждение, является указание на важнейшую специфическую характеристику учения Б.Н.Чичерина о Боге и религии – это органичное сочетание в нем религиозной веры и философской рациональности, как в теоретической части, так и в методологии. В данном контексте ученый выступает за синтез философии и религии, считая, что они подчинены одним и тем же законам Верховного Разума. Религия и ее ядро – вера в Бога – предстает у него как объективный феномен, требующий философского анализа. Следовательно, только философия способна раскрыть подлинный смысл религии.

Второе предварительное замечание состоит в следующем. Б.Н.Чичерина традиционно относят числу российских последователей Гегеля. Однако в ряде важных положений своего учения он существенным образом расходится с немецким классиком. Это отчетливо проявляется и в проблеме Абсолюта. Здесь разногласия Б.Н.Чичерина с Гегелем сводятся к тому, что русский ученый считает ошибкой утверждение Гегеля о том, что исходной точкой логического развития есть непосредственное определение. Согласно Б.Н.Чичерину, «непосредственное не есть отвлеченное, а конкретное; отвлеченное же получается только разложением конкретного. Поэтому невозможно начинать изложение определений чистого разума с понятия о чистом бытии. Первым, непосредственным объектом сознания может быть только определенное бытие, нечто» [2, с.82]. Из этого делается вывод о том, что первоначальное единство мира является основой всего существующего, его производящей причиной, субстанцией, силой и конечной причиной. Следовательно, Б.Н.Чичерин возвращается к

признанию трансцендентальности Абсолюта, расходясь с Гегелем в этом принципиальном философско-онтологическом вопросе.

Кроме того, понятия, «Абсолютное», «Абсолют» используются Б.Н.Чичериным как синонимы для обозначения Бога – Творца мироздания. Отождествляя понятие Абсолюта с понятием Бога, Б.Н.Чичерин утверждает, что абсолютные начала бытия не могут быть поняты только в качестве отвлеченных категорий, имеющих чисто формальное значение. Отождествление понятий ведет к переходу его учения об Абсолюте в религиозно-философское учение о Боге-Творце и Промыслителе мира. Бытие Творца принимается ученым - человеком православного вероисповедания – а priori. С этой точки зрения для Б.Н.Чичерина религиозная вера несравненно более прочна, убедительна, непоколебима, нежели любые богословские, ученые или мирские рассуждения о Боге, а также рациональные доказательства его бытия. Вера существует до знания и без знания. Религиозная вера не нуждается в доказательствах, ибо она сильна своей искренностью и тем глубоким удовлетворением, которое она дает верующему человеку. Это происходит потому, что для верующего человека вера есть самообнаружение Бога, Его явление в собственной душе человека, осознание Его собственной воли, за которой человек добровольно следует. Отметим, что факт наличия религии уже у первобытных народов рассматривается Б.Н.Чичериным как своеобразное проявление и подтверждение вечного Абсолютного начала мира. Кроме того, присутствие слова «Бог» в языках народов мира, идеи Бога в человеческом сознании, по его мнению, также свидетельствуют о существовании Бога. Идея Бога и существует потому, что человек является носителем частицы Абсолютного начала. Оно очевиднее всего проявляет себя в разуме, возвышающем человека над всем мире животных.

Благодаря разуму человек осознает Абсолютное начало в себе и стремится к его постижению. Более того, отсутствие размышлений о Боге свидетельствовало бы о распаде человеческого духовного естества. Для Б.Н.Чичерина религия есть общее свойство человеческого духа, выражающее его существование, прочувствованное всем внутренним духовным опытом человека. Она есть синтетическое духовное начало, которое «обнимая все стороны человеческого естества и подчиняя их верховному, абсолютному принципу, стоящему выше человеческого произвола, принимает

форму неподвижного и неизменного мирозерцания, которому человек нравственно обязан подчиняться» [2, с.205]. Такая сущность религии ведет к тому, что для простых людей и для образованной элиты она является необходимой потребностью, так как дает живое общение с Богом. Философия в высшем своем значении есть способ рационального постижения Бога, заключающий в себе анализ и синтез. Религиозная вера и философская рациональность самого Б.Н.Чичерина отчетливо проявляются, когда он заявляет свое *credo* по данному вопросу: «Философское мышление prepares человека к более полному религиозному общению с Богом, ибо полнота общения зависит от полноты понимания» [2, с.206]. Ученый утверждает, что путь к познанию существа разума, а следовательно, и Абсолютного – это путь умозрения.

Эмпирика в данном случае может лишь вульгаризировать процесс, поскольку методы познания конечных явлений не могут механически переноситься на познание бесконечного. Именно поэтому Б.Н.Чичерин-ученый считает необходимым обратиться к доказательствам бытия Бога. Он отмечает, что такие доказательства исторически вырабатывались высшими формами проявления человеческой духовности – религией и философией, в которых, по его мнению, максимально осознается и изучается абсолютное начало мира, Бог. В этом, собственно говоря, состоит их единство. Две формы человеческой духовности не только предполагают, но и влияют друг на друга.

Очевидно, что здесь Б.Н.Чичерин в известной степени выступает как продолжатель идей средневековой философии в лице самых известных ее представителей. Так, Ансельм Кентерберийский считал, что в принципе все догматы христианского вероучения могут и по возможности должны быть подкреплены рациональным обоснованием. Более осторожно к идее рационализации христианской догматики относился Фома Аквинский, который утверждал, что только некоторые (первостепенные) положения вероучения поддаются доказательствам. К ним он относил, прежде всего, положение о бытии Бога. Однако единственной общей чертой между средневековыми схоластами и русским философом в данном контексте, на наш взгляд, является то, что в обоих случаях есть понимание необходимости философского обоснования основного положения догматики для укрепления веры человека как мыслящего

существа. Результатом рационального постижения Бога мировой философской мыслью стали четыре основных вида доказательств его бытия: онтологическое, космологическое, телеологическое (физико-теологическое), нравственное.

В рассуждениях и выводах по данному вопросу Б.Н.Чичерин использует, тщательно анализирует и развивает философский опыт Августина Аврелия, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Б.Спинозы, Р.Декарта, И.Канта, Г.Гегеля и других мыслителей.

Онтологическое доказательство дает признание бытия абсолютной основы всего существующего, изначальной субстанции. В своем построении Б.Н.Чичерин исходит из логичного положения, что относительное бытие (частной вещи, процесса и т.п.) непременно предполагает бытие Абсолютного, извечного и все в себе заключающего начала – Бога. Характеризуя само доказательство, философ называет его чистым умозрением, имеющим, однако, безусловное значение.

Космологическое доказательство тесно связано с онтологическим и ставит задачей найти первопричину мира. Отталкиваясь, как и в первом доказательстве от необходимого наличия Абсолютного, когда речь идет о бытии ряда относительных существ, Б.Н.Чичерин подчеркивает, что «весь этот ряд непременно предполагает безусловную причину, его производящую, ибо условное никогда не могло бы существовать, если бы оно не имело безусловного начала. Это безусловное начало, будучи отлично от условного, не принадлежит к числу явлений, а потому и не начинает действовать во времени, но вечно пребывает и действует, проявляясь в бесконечном ряде конечных определений, связанных законом причинности» [2, с.107].

Физико-теологическое (телеологическое) доказательство рассматривается Б.Н.Чичериным как частное проявление умозрительного характера первых двух доказательств. Оно основано на наличии целесообразности и упорядоченности в мироздании. Цель не существует сама по себе. Она предполагает наличие порождающего ее разума, который изыскивает средства для воплощения цели. В построении этого доказательства Б.Н.Чичерин обращает внимание на наличие очевидных столкновений противоположностей в мире, которые могут поколебать представление о всеобщей целесообразности. Однако такое сомнение

носит лишь мимолетный или кратковременный характер, поскольку любое целесообразное строение, любое целесообразное движение обнаруживает присутствие направляющей мысли, а поскольку эта мысль не человеческая, то она может быть только мыслью божественной. Самосущее бытие Бога обеспечивает единство бытия целесообразных единичных сущностей, то есть единство мира. Особое место в этом мире занимает человек. В нем божественный разум, соединенный с материей, проявляет целесообразность изнутри, а не извне: «Царство человека, воздвигаясь над природою, образует цельный духовный мир, который развивается на основании внутренних своих законов, в силу присущего ему абсолютного начала, или, что то же самое, который руководится Духом Божиим к высшему возможному для него совершенству. И тут опыт раскрывает нам только частные проявления абсолютного; умозрение же видит в этом начале конечное определение самосущего бытия» [2, с.112].

Обращение Б.Н.Чичерина к четвертому нравственному доказательству бытия Бога является естественным и вполне находится в русле и русской философской традиции, и его антропологического учения, в котором нравственность – одна из центральных тем.

Нравственное доказательство наиболее развернуто, обосновано. В нем присутствует не только логика, но и искреннее чувство автора, для которого нравственность человека была лучшим доказательством его личной связи с Богом. Данное доказательство необходимо для объяснения самого факта существования нравственных качеств и побуждений, присущих человеку. Эти качества проявляются в бескорыстном сочувствии ближним, желании делать добро другим людям, в любви к людям, самопожертвовании во имя других. Б.Н.Чичерин утверждает, что нравственность нельзя вывести из ее противоположности – эгоизма, хотя последний тоже нередко служит одним из мотивов человеческой деятельности. Источник абсолютных и непреходящих нравственных ценностей находится за пределами изменчивой природы человека. Нравственность трактуется как проистекающая от владычествующего в мире верховного Божественного Разума и носящая характер всеобщего, формального закона. Для Б.Н.Чичерина характерно признание нравственного закона как связующего звена между Богом и человеком. Именно в нем и через него в земную жизнь проникает свет божественных

ценностей, идеалов абсолютного добра, истины, милосердия и красоты. Говоря о нравственном законе, Б.Н.Чичерин приводит классические формулировки «золотого правила морали»: «не делай другим того, чего ты не желаешь, чтобы они тебе делали», «делай другим то, что ты желаешь, чтобы они тебе делали». Человек, наделенный разумом и добровольно подчиняющий свои частные стремления этому всеобщему закону, становится, таким образом, носителем высшего, господствующего над ним начала. Исполнение высшего закона рождает в людях чувство высшего удовлетворения, неисполнение – внутреннее смятение, угрызения совести.

Великая роль нравственного закона в бытии людей не раз подчеркивалась Б.Н.Чичериным. Он видел в нем главный закон человеческого общества: «Будучи абсолютным, он не только определяет частные отношения тех или других соприкасающихся между собой лиц, но, подобно закону тяготения в мире, он связывает все бесчисленное множество разумных существ, настоящих, прошедших и будущих в одно мировое целое... Источником этого закона не может быть сознание рассеянных и разрозненных единиц, находящихся между собой в случайных отношениях. Источником его может быть только единый абсолютный Разум, которого все разумные существа являются причастниками. Следовательно, существование нравственного мира и господствующего в нем нравственного закона необходимо приводит нас к признанию единого, верховного Разума, составляющего средоточие этого мира и источник этого закона» [2, с.132-133].

Таким образом, обнаруживающееся в доказательстве существование нравственного закона рассматривалось ученым как основание, на котором строится главный вывод – бытие Божие. Изучение созданных философской мыслью различных доказательств бытия Бога, размышления над этой проблемой и формулирование собственных вариантов доказательств приводят философа к совершенно определенным выводам. Несмотря на имеющиеся отличия в логических построениях, сущность всех имеющихся в философии доказательств состоит в трактовке Абсолютного как творческой силы мира, верховного Разума, причины формальной, производящей и конечной. В доказательствах человеческий разум, извечно стремящийся к познанию, раскрывает для себя всю совокупность безусловно-общих и вечных начал мира, а это знание, в свою очередь, помогает понять эмпирический мир. Следовательно, в исторической перспективе феномены рациональности и веры будут

существовать в неразрывном единстве, предполагая и обуславливая друг друга. Мы уже отмечали прежде [1], что философ был убежден в том, что подлинная наука не может не признать религии вечным и неизменным элементом человеческого духа. В духовном опыте человечества ничто не может заменить сакральные ценности – молитву и веру. Поэтому даже глубоко чтимая Б.Н.Чичериным философия признавалась им только как отвлеченное аналитическое знание, но никак не живое сердечное общение с Богом, возможное только через необъяснимые глубины веры.

Таким образом, позиция Б.Н.Чичерина по вопросу о религиозной вере и философской рациональности как способах постижения Бога (Абсолюта) – это позиция верующего разума, которая предполагает, что вера и рациональность (философская) не противостоят друг другу, не отделимы друг от друга, а взаимно проникают и дополняют друг друга. Поэтому их противопоставление не имеет под собой ни онтологических, ни гносеологических, ни нравственных оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобеева, В.М. К вопросу о проблеме рациональности и веры в российской философской традиции / В.М.Лобеева // Рациональность и вера. Тезисы международной научной конференции. - СПб., 2009. – С.139.
2. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Б.Н.Чичерин. – М., 1999.

О.А. КРЫЛОВА

РОЛЬ «ВОССТАНИЯ МАСС» Х.ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ ИСТОРИИ»

«Субъект истории» сегодня – устоявшаяся философская категория, рефлексия по поводу которой возникает главным образом в философии истории и социальной философии. В данной статье предпринимается попытка репрезентации становления этой категории в философском дискурсе конца XIX – начала XX вв., а также попытка оценить роль работы Х.Ортеги-и-Гассета «Восстания масс» в социально-философском осмыслении субъекта истории. В отечественной философской традиции Ю.И.Семёнов впервые обозначил концептуальный уровень определения субъекта истории в пространстве философско-исторического исследования: «Что же является субстратом исторического процесса, его субъектом? Без решения этой проблемы невозможно понимание сущности

исторического процесса... но, как ни странно, никто из историков и историософов в сколько-нибудь чёткой форме данный вопрос перед собой не ставил» [5, с.11].

Субъект истории как категория в области исторического познания может выступать извне или изнутри рассматриваемого исторического события. Так, в рамках конкретного исторического события субъект истории – это *функция*, которую может принимать в ходе исторического действия субъект этого действия. И в этом смысле Ю.И.Семёнов конструирует метакатегорию «*социор*» для описания социально-философских систем Аристотеля, М.Вебера, С.Л.Франка, Д.Э.Дюркгейма с их стремлением категориального определения некоего надындивидуального общества, а также для описания цивилизационных философских концепций Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, П.А.Сорокина, А.Дж.Тойнби с их умозрительными конструкциями вроде «маятника» и первым определением исследуемой категории в качестве «творческого меньшинства» у А.Тойнби. Вне рамок конкретного исторического события (извне) субъект истории – это *фиксация* в историко-философском тексте факта принятия описанной функции. И в этом смысле возникает необходимость различения истории как процесса и истории как текста, а также истории и метаистории. Так, субъект истории как *функцию* возможно описывать в рамках истории как процесса, а субъект истории как *фиксацию* факта возможно описывать в рамках истории как текста. Оба варианта исторического описания – частные случаи понятия *метаистория*, укоренившегося в отечественной философской традиции с выходом на русском языке монографии Х.Уайта «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» в 2002 г. Нам представляется, что категория «субъект истории» – наиболее общая и является своеобразной метакатегорией для описания в рамках уже метаистории или социально-исторической рефлексии и философии истории.

Продолжим историко-философский экскурс Ю.И.Семёнова в историю становления «субъекта истории» и отметим уникальный для отечественной социально-философской мысли вариант субъекта истории – *интеллигенция*. Эта концепция развивалась в рамках «русского индивидуализма» начала XX в. в работах Д.С.Мережковского, С.Н.Булгакова. Такой взгляд на субъект истории можно отметить в пространстве отечественной социально-

философской мысли как тенденциозный. «Она [интеллигенция] духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, – словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции» [1, с.96], – читаем в статье «Героизм и подвижничество» С.Н.Булгакова. «Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли» [6, с.16], – писал еще П.Я.Чаадаев, подчёркивая подобные русской интеллигенции субъекты истории у других народов. В западно-европейской неклассической традиции возникает *экзистенциальное представление о субъекте*, продемонстрированное по большей части в рамках французской философской мысли. «Слишком отвлечённые принципы терпят крах при определении действия» [4, с.16], – пишет Ж.-П.Сартр, отмечая, что любой человек субъективируется до предела, и субъектом исторического действия выступает каждый.

Таким образом, рассмотренные выше варианты интерпретации философской категории «субъект истории» в социально-философской мысли конца XIX – начала XX вв. сводятся к *фиксации* факта принятия *функции* субъекта истории «личностью» или «общностью». Так, если предел понятия «личность» наступает в экзистенциализме и субъект истории ограничивается жизнью каждого исторического человека, то подобный предел понятия «общность» появляется в социально-философской рефлексии испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета. В 1926 г. начала публиковаться знаменитая книга Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», в которой автор предлагает понимать в качестве субъекта истории «поколение» как «общность», превратившуюся в факт: «Подземный процесс был долгим, но итог его стремительный, не дольше жизни одного поколения» [2, с.21]. «Восстание масс», на наш взгляд, – это завершение классической традиции понимания «субъекта истории» как общества или иной надындивидуальной сущности. Причём это «завершение классики» написано во время актуализировавшейся в структурах повседневности «постклассики» или неклассической традиции. Представление Х.Ортеги-и-Гассета о субъекте исторического развития – это представление о поколении. Он использует и понятия «наше время», «современность», «мой век» при описании тех явлений, которые традиционно становятся предметом рассмотрения при описании взгляда Х.Ортеги-и-Гассета на историческое развитие.

Так, олицетворением «современности» философ признаёт институт города, под современностью он понимая не только своё историческое поколение, а целую историческую эпоху – определённую стадию развития европейского общества, на которой становится возможным такая самоидентификация, как «современность». Лишь с появлением города, считает автор «Восстания масс», появляется такая интерпретация субъекта истории, как «поколение» – с осознанием существования «современности»: «Тем не менее для рядового горожанина – а город и есть олицетворение современности – возможность получить удовольствие выросла в нашем веке небывало» [2, с.36]. Итак, воплощением понятий «наше время», «современность» и «мой век» Х.Ортега-и-Гассет считает поколение, определяя его хронологические границы в 30 лет: «Проницательный ум, будь то в 1820, 1850 или 1880 годах, простым рассуждением *a priori* мог предвосхитить тяжесть современной исторической ситуации» [2, с.47].

Аналогичное понимание движущих сил истории Х.Ортега-и-Гассет обнаруживает и у Г.В.Ф.Гегеля, и у О.Конта, и у Ф.Ницше, которые прогнозировали в своих философиях истории явления, подобные «восстанию масс». Так, определяя в качестве «субъекта истории» «поколение», Х.Ортега-и-Гассет анализирует идею К.Маркса о классе. Класс в рассуждении автора «Восстания масс» предстаёт как особый двигатель истории: «Радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя» [2, с.13]. В этом смысле, субъектностью как свойством обладает первый в типологии Х.Ортега-и-Гассета – высший класс, носитель структур идейного уровня исторического изменения. Такой целеполагающий класс в истории философии широко представлен в конкретных авторских вариантах интерпретации категории «субъект истории»: это и «творческое меньшинство» А.Дж.Тойнби, и «интеллигенция» Д.С.Мережковского. Субъективность же как функция при объяснении Х.Ортегой-и-Гассетом понятия «субъект истории» возможна и для представителей высшего класса, и для представителей «массы». Субъективность может выступать в активной или в пассивной роли целостного исторического действия.

Именно эта особенность озадачивает автора «Восстания масс». Он отмечает, что новым «субъектом истории» становится пассивный представитель массы в условиях бездействия высшего класса как результата девальвации понятия «субъект». Но эта ситуация охарактеризована Х.Ортегой-и-Гассетом как неизбежность и данность: «в жизнь рядового человека вошло всё то, что прежде отличало лишь самые верхи общества. Но рядовой человек и есть та поверхность, над которой зыблется история каждой эпохи; в истории он - то же самое, что уровень моря в географии. И если сегодня средний уровень достиг отметки, которой прежде касались лишь аристократы, надо честно признать, что уровень истории внезапно поднялся» [2, с.21].

Такая ситуация отмечена Х.Ортегой-и-Гассетом в современной европейской истории. Причём достигнутый массой уровень постижения реальности – это результат смены активности высшего класса пассивностью. Не представители массы являются добытчиками исторического опыта, накопленного элитой: они по-прежнему пассивны в своём отношении к достижениям ведущего меньшинства. Но элита, перестав развиваться, отказавшись от основы собственной классовой характеристики, впустила «массу» в своё пространство. «Видя в этой идее своё самооправдание, они выпускали из рук руль истории, теряли бдительность, утрачивали маневренность и везучесть» [2, с.40], – пишет Х.Ортега-и-Гассет о роли господствовавшего в классической традиции взгляда на историю как эволюционный процесс. Дело в том, что идея К.Маркса о переходе на новый этап развития классового общества как о достижении определённой высоты субъектом истории объявляется автором «Восстания масс» заблуждением, в котором пребывали представители того самого «меньшинства» европейского общества в период начала постклассики: «Решение зависит от характера общества, его склада или, что одно и то же, от преобладающего типа людей. Сегодня преобладает масса, и решает она» [2, с.42]. Выбор в направлении того или иного вектора субъективности – в сторону меньшинства или в сторону большинства – падает каждый раз в ходе развития исторического действия на поколение. Каждое поколение сталкивается с необходимостью принятия такого рода решения, соотнося самобытный для него типический характер и преобладающий тип людей. В категориях Х.Ортеги-и-Гассета данная альтернатива отражается в противостоянии заурядности и

незаурядности, возглавляющих ход истории не попеременно, а согласно более сложной, не выразимой только в характеристиках времени, очерёдности. Отличие этих типов автор «Восстания масс» видит в отношении к праву представителей этих типов, а также в интерпретации требовательности к себе. Так, исторический период господства заурядности отмечено верховенством всеобщего права, а периоды незаурядности можно характеризовать верховенством личного привилегированного права. Стоит отметить, что пришествие к власти масс в XX веке Х.Ортега-и-Гассет не считает уникальным историческим событием. Он отмечает особенный характер современной ему массы – его поколения, прогнозируя упадок европейской цивилизации в дальнейшем как следствие руководства массы современности: «Новый тип массового человека, который остался массовым и метит в избранные» [2, с.58].

Так, испанский мыслитель отмечает размывание границ между меньшинством и большинством, видя в этом подрыв исторического существования европейского общества. В описании «массового общества», возникшего как реакция на кризисы начала XX в. – экологический и антропологический, а также кризис культуры, Х.Ортега-и-Гассет выстраивает собственную концепцию субъекта истории. Заметим, что «Восстание масс» не является научной монографией, а представляет собой художественный очерк с растворенными в литературном тексте философскими идеями. Так, поиск определения философской категории или категории метаистории происходит в «Восстании масс» силами художественного текста. Тем самым типично классическая философская проблематика решается Х.Ортегой-и-Гассетом новыми неклассическими методами. Интересно действие эффекта эмпатии на автора «Восстания масс» в свете классической традиции. Этот эффект можно зафиксировать в публицистическом стиле, выбранном Х.Ортегой-и-Гассетом для репрезентации исторического действия, в большом диапазоне эмоциональной нагруженности текста. «Столь акробатическая идея общности, при которой надо без устали кувыркаться, перескакивая от утверждения плюрализма к осознанию единства и наоборот, не для тупых мозгов» [2, с.193], – пишет Х.Ортега-и-Гассет в предисловии к французскому изданию своей книги.

Надо сказать, что взгляд на историю как на «письмо» характерен и для Х.Ортега-и-Гассета. Роль метафоры отмечена автором

«Восстания масс» как ведущая и неизбежная в деле написания истории. Так, в «Дегуманизации искусства» Х.Ортега-и-Гассет специально дает определение: «Метафора – это, вероятно, наиболее богатая из тех потенциальных возможностей, которыми располагает человек» [3, с.247]. В «Восстании масс» испанский философ широко использует риторические возможности метафоры и оговаривает ситуации, в которых прибегает к этому приёму отдельно: «Не приходится думать, что кто-либо примет мои слова всерьёз, – в лучшем случае их просто сочтут метафорой, более или менее удачной» [2, с.70].

Но в чем автор «Восстания масс» не достигает нового неклассического способа исторического описания, так это в представлении о завершённости истории. История как законченный проект ему не видится возможной. Х.Ортега-и-Гассет фиксирует историческую публицистику по поводу конкретных исторических событий. Такого рода социально-философская стратегия вполне допускает конструирование системы в представлении хода исторического действия или явления без выхода на *мета*-уровень, а точнее – до такого выхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н.Булгаков // Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX –XX веков. – М., 2007.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2007.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2007.
4. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П.Сартр // Сумерки богов. – М., 1989.
5. Семёнов, Ю.И. Философия истории / Ю.И.Семенов. – М., 2003.
6. Чаадаев, П.Я. Вы должны создать себе собственный мир, раз тот, в котором вы живёте, стал вам чуждым / П.Я.Чаадаев // Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX –XX веков. – М., 2007.

А.А. СВИДЕРСКИЙ

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ УСТАНОВОК КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Ценностные структуры сознания стали формироваться вместе с появлением человека разумного, так как оценивание постоянно сопровождает существование человека, определяя направленность и

характер его деятельности. Процесс оценивания необходимо вплетен и в практику первобытного человека, деятельность которого детерминирована преимущественно внутренней осознанной необходимостью, не являясь всецело природодетерминированной.

Необходимо также заметить, что материальная практика генетически предшествует оценке и ценности, являясь их критерием. Так, В.С.Хан отмечает, что ценности жизнедеятельности первобытного человека обусловлены, прежде всего, структурой и уровнем практики первобытных людей, а также характером общественных отношений внутри родовой общины [15, с.85]. *Неразвитость производительных сил в первобытном обществе, продуцирующая зависимость первобытного человека от природных условий, определяет соответствующее ценностное сознание.* Считая себя частью природы, не абстрагируясь от нее, первобытный человек плохо различает внутреннее и внешнее, природное и социальное, естественное и сверхъестественное. Здесь уместно привести высказывание В.В.Фетискина о том, что первобытный человек «...еще не столько относится к природе, сколько живет ею, пытается быть внутри нее, раствориться в ней» [13, с.124]. Поэтому формирующееся в первобытном обществе ценностное сознание весьма специфично в аспекте детерминации материально-преобразовательной деятельности. А.Ф.Лосев подчеркивает, что «человеческий субъект на данной стадии развития есть не что иное, как только физическое тело, находящееся во всецелой зависимости от окружающих стихийных сил и чувствующее себя только слепым орудием в руках тоже слепого хаоса вещей» [9, с.274].

На начальных ступенях эволюции человечества адаптационные процессы копирования и ассимиляции естественных циклов природы превалировали над преобразовательной деятельностью, то есть такой целеполагающей деятельностью человека, в основе которой лежит неудовлетворенность миром и потребность изменить его, придать ему новые качества. Следует отметить, что архаическое сознание максимально субъективизирует объективный мир. Кроме того, недостаточный практический опыт не позволял глубоко анализировать причинно-следственные связи окружающей действительности. Поэтому еще невозможно по-настоящему действенное познание, формирование целостных идей о мире, знаний, ориентированных на дальнейшую практическую реализацию.

Единение человека и среды, социального и естественного, определялось здесь спецификой чувственно-эмоционального восприятия, которое стирает грань между субъектом и объектом, тем не менее, существенно повышая адаптивные возможности человеческого сообщества. Оценка, как единство оценочного отношения и оценочного суждения, будучи тесно связанной с потребностями, наделяла позитивным содержанием прежде всего те явления и процессы природы, которые удовлетворяли или способствовали удовлетворению какой-либо нужды в том или ином предмете или условиях. Но удовлетворение потребностей было связано с разного рода опасностями. Поэтому отношение субъекта к миру изначально предполагает амбивалентность и синкретизм - мир первобытного человека одновременно и добр, и враждебен.

Спецификой древнейшей оценки можно считать неразвитость в ней познавательного и логического компонентов. Собственно, в данном случае вообще очень трудно говорить о каких-либо оценочных суждениях как об устойчивых вербальных формах. Развитие оценочного суждения происходило крайне медленно вместе со становлением языка, абстрактного мышления. Древнейшая оценка – это прежде всего эмоция, часто негативного характера, которая являлась своего рода ответной реакцией на внешние угрозы. Известно, что на материальную практику первобытных сообществ, на особенности их культуры значительное влияние оказывало чувство страха перед природными силами. Причем страх способен двояко влиять на материальную деятельность: дезориентировать, подавлять активность, но также вызывать необходимость духовных поисков, обнаружения природы страха для его преодоления. Эмоционально наполненной оценки недостаточно для бытия культуры, которая существует за счет постоянного воспроизводства и трансляции устойчивых, общепринятых, исключаящих частное переживание, проверенных практикой ценностных смыслов. Поэтому эффективным способом определения ценности природы могло стать самопознание. Одной из первых, достаточно четко оформившихся систем объяснения окружающей реальности являлся антропоморфизм, выражающий представления о мире через призму характеристик и качеств человека, соотнесенность мира и субъекта. По утверждению В.В.Вальковской, «перенесение чисто человеческих характеристик (добро, зло) на природу позволяет говорить о начале

формирования ценностного отношения к природе уже на первобытном этапе истории человечества» [3, с. 103-104]. Антропоморфизм мировоззрения древних оказал определяющее влияние на формирования ценностных отношений, вызывая необходимость трансляции соответствующего знания.

Антропоморфизм способствовал утверждению ценностного отношения к природе как к «сущностно своему», что определяло ее восприятие в качестве *самоценного субъекта ценностного отношения, что делало возможным общение, обращение к ней, рассмотрение ее в качестве субъекта и объекта первобытной нравственности*. Так, известно, что индейцы обращались к туше убитого ими медведя с извинениями: «Я беден, поэтому я охотился на тебя» [11, с. 36]. Таким образом, культивировалось понимающее, органичное отношение к действительности, когда самоограничение потребностей выступало естественной основой практики. Антропоморфизация действительности «вписывала» человека в единый природный процесс, растворяла его «я» в естестве, когда «существо его - и тело, и душа - столь тесно настроены на гармонию с природой, что прикосновение его руки или поворот головы заставляют вибрировать всю материальную структуру мира» [14, с.64]. Такое положение определяло и способы регуляции материально-преобразовательной деятельности людей, где господствовали возмездные отношения, когда нанесение определенного вреда, ущерба природному целому требовало сиюминутного возмещения, восстановления нарушенного в каких-либо формах, пусть даже иллюзорных. Так, первобытный талион представляет собой универсальную форму подобных отношений, действуя в сфере и социальных, и природных явлений. Причем само действие по восстановлению нарушенного равновесия носит достаточно стандартизованный характер: здесь не актуализируются творческие способности субъекта, всякая инициатива жестко пресекается сообществом. Такой характер действий обеспечивает устойчивое воспроизводство подобного отношения к природе.

Необходимо отметить, что субъектом ценностных отношений в первобытном обществе не мог выступать индивид, поскольку, как справедливо отмечает М.С.Каган, «эта форма субъективности была изначально не индивидуально-личностной, а групповой, родоплеменной» [7, с.92]. Субъект здесь тотально встроен в

структуру первобытного коллектива и коллективной деятельности, всецело идентифицирует себя с сообществом. Непохожесть, своеобразие, уникальность человека не являются и не могут являться ценностью в этих условиях. Указанная специфика организации первобытного общества предопределяла особые способы трансляции культурного опыта и регуляции поведения. Субъекты первобытной культуры воздействовали друг на друга посредством внушения, принуждения индивидов к определенным жизненно необходимым и коллективно регулируемым ценностям и нормам поведения. Суггестия становилась универсальным способом социализации в первобытных обществах, обеспечивая ее устойчивый, однозначный характер и минимальную возможность девиантного поведения. Эффективность контроля и регуляции девиаций в первобытном обществе достигалась табуацией, которая давала индивиду единственно возможный алгоритм действий. Этимологически «табу» образовано в полинезийском языке из глагольной основы «та», означающей «отмечать» и наречия усиления «пу», то есть из целостной картины действительности выделялись элементы, взаимоотношения с которыми представляет определенную опасность для существования сообщества. Весьма вероятно, что форму табу носили все первые нормы поведения, в том числе и такие, которые имели позитивное содержание. Это связано с тем, что в первобытном обществе все новые социальные потребности были одновременно и потребностями в ограничении биологических инстинктов [5, с.244]. Табу, как любой запрет, тесно связано с эмоцией, чувством страха или даже ужаса перед неизвестными опасностями, подстерегающими человека, которые вызваны какими-либо ненормативными действиями. Табу вызывает священный ужас, так как это безымянный и беспричинный закон, возведенный в ранг магического или мистического обряда. Таким образом, само действие вызывало чувство страха, тем более что, по убеждению первобытного человека, оно навлечет кару не на отдельного индивида, а на все сообщество – коллективного субъекта и приведет к его гибели.

Содержательная сторона ценностного сознания первобытного общества достаточно предметно раскрыта в мифологии. Содержание и структура древнейших мифов были прежде всего направлены на воспроизводство ценностей и выполняли синтетическую ценностно-мировоззренческую функцию. «Миф не есть выдумка, или фикция,

не есть фантастический вымысел, – отмечает А.Ф.Лосев, – но логически, то есть прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность» [10, с. 72-73]. Нужно заметить, что первобытный человек живет в мифологизированной действительности и сам творит миф своей каждодневной практикой. Для того, чтобы действительно выполнять свои задачи, миф необходимо присутствовал во всех элементах жизни первобытного социума, а выход за пределы этого «мифологического пространства» был практически невозможен. Поэтому в отношении отраженных в мифе ценностей не существовало никаких мнений: здесь господствовали традиционные представления, происхождение которых терялось в далеком прошлом, и относительно этого прошлого существовали лишь те же мифологические представления.

Миф как целостное явление был призван доказать целесообразность существования человека, вписать его в систему Универсума не как пассивный, функциональный элемент осуществления природных сил, а как равноправное, созидательное начало. Миф для древних определял исконную действительность, оправдывал действия в ней первобытного коллектива, давал образцы ценностей. «Миф можно определить как систему онтологизированных семиотических ценностей, – подчеркивают С.А.Ермолаев и А.А.Захаров, – актуальных в конкретной социокультурной общности» [4, с.153]. *Мифологическое определение действительности есть, прежде всего, ее аксиологическое определение, внесение в нее смысла, значимости.* Дошедшие до нас древнейшие мифы и обряды позволяют выявить те приоритеты, которые становились деятельной основой человеческой практики на протяжении значительного времени. В этих формах культуры выражено то, что имеет наибольшее значение для человека. Р.Н.Берндт и К.Х.Берндт выявили основные проблемы, затрагиваемые древнейшими мифологиями: это представления о жизни и смерти, о воспроизводстве всего живого, и об отношениях между человеком и прочими объектами природы [1, с.160]. Эти повествования свидетельствуют о том, что первобытное общество хорошо осознавало свою неразрывную связь с природной средой и зависимость от нее. Специфика отношений в системе «общество -

природа» на ранних этапах человеческой истории, обусловила актуальность постоянной борьбы за выживание, как отдельного индивида, так и сообществ. На протяжении длительной эпохи присваивающего хозяйства практически невозможно было постоянное, предсказуемое, не связанное с разного рода опасностями обеспечение и воспроизводство основных источников жизни. *Выживание здесь представляет собой фундаментальную единую целевую установку, связанную с культивированием витальных потребностей*, которые, однако, на протяжении указанного периода приобретали различную интенсивность и остроту.

Ценность природы как целостности в первобытном обществе определялась ее способностью давать жизнь. На основе этого формируется культ природы как животворящего, плодородного начала. *Поэтому понимание жизни и природы здесь максимально сближены, ценность природы раскрывается через универсальную ценность жизни.* Причем свою связь с природным окружением человек обосновывал кровнородственными отношениями, тем единственным типом отношений, который доминировал в отношениях между людьми на протяжении первобытности. Так, тотемистические представления предполагали соответствующую ценностную интерпретацию первобытным человеком природы и своего отношения к ней. По образному выражению С.А.Токарева, для первобытного человека «вся окружающая его местность – это не мертвая природа, это его живое родословное дерево: вокруг себя он видит наглядную историю своих предков» [12, с.72]. Таким образом, в первобытной культуре формируется ценностное *понимание природы как «исконно своего».*

Итак, мифология демонстрирует ценностную тенденцию восприятия природы в качестве равного. Причем законы природы и нормы общества выступают в мифе в нерасчлененном единстве. Синкретизм мифологии проявляется именно в том, что здесь переплетается природа естественных процессов и социальных установлений и одновременно обосновывается необходимость и незыблемость существующего порядка, как в природе, так и в обществе. Любая мифология выстраивает системы правил взаимоотношения с природой, аккумулирующих человеческий опыт: тем самым мифология являлась не только необходимым элементом сознания первобытных людей, но и составной частью их

практической деятельности. Таким образом, *миф выполняет гармонизирующую функцию, согласовывая противоречия системы «человек – общество – природа», где человек был вынужден согласовывать свои действия не только с интересами общества, но и природной среды.* Мифологическое отображение природы предполагает эмоционально-художественное, образное раскрытие природных сил, которое невозможно без ценностной дифференциации природы. Миф чрезвычайно диалектичен, строится на четких противопоставлениях. Действительность в мифе динамично разворачивается в борьбе двух начал, добрых и злых, в центре которой находится первобытный коллектив. Причиной дифференциации среды является характер практики древнего человека, обусловленной в известной степени естественной детерминантой. Так, например, ценностной негативации подвергалась вся территория, которая выходила за пределы естественного ареала жизнедеятельности общины, как территория, не освоенная практически или символически, а значит враждебная и опасная. Таким образом, мифология, давая ценностную интерпретацию действительности, должна была указать границы преобразовательной деятельности человека. Тем не менее, тенденция развития ценностей в мифологии проявляется в медленный перенос ценностных смыслов в сферу социального, которая постепенно воспринимается надприродной. Эти изменения обусловлены прежде всего развитием практики первобытных сообществ, совершенствованием средств и способов труда. Первобытный человек получал определенную уверенность в собственных возможностях по мере того, насколько он мог удовлетворить свои первичные потребности. На этой основе культивируется значимость человеческих умений и способностей. Кроме того, постепенно менялся и характер организации социума, а развитие духовной жизни, культовой практики потребовало дифференциации природного и социального, выявляя их разительные отличия. «Чем больше отделялся человек от животного царства – отмечает М.И.Шахнович, – тем полнее исчезало у людей отождествление себя с животными и появлялось отрицательное отношение к звериному началу как враждебному и злему» [16, с.32]. Поэтому значимым моментом в истории первобытного общества является осознание своего отличия от природных объектов, которое можно было

обнаружить наглядно только в культурной деятельности.

Первостепенное значение для организации совместной деятельности людей в первобытном обществе играет культово-религиозная практика, так как древние ритуалы есть по сути четкие, готовые модели материальной практики в определенной ситуации. Можно отметить, что религиозные ритуалы в первобытном обществе непосредственно включены в материальное взаимодействие общества и природы. Примером тому могут служить многочисленные магические ритуалы, посредством которых древние пытались повлиять на природные силы, сделать их послушными воле человека или даже утвердить полное господство человека над ними. В них многие природные объекты не только получают негативную оценку, но и провозглашается возможность их покорения и подчинения.

В первобытной магии отражены первые успехи древних людей, когда им удавалось осилить крупного зверя, используя собственную силу и ловкость. Основанная на вере в покровительство сверхъестественных сил, магия закрепляла и воспроизводила накопленный опыт в виде «идеальной программы» жизнедеятельности человека. Снимая случайное, магия, путем воздействия людей друг на друга посредством внушения, суггестии, формировала определенные жизненно необходимые и коллективно регулируемые ценности поведения. По утверждению И.Т.Касавина, магия для первобытного человека всегда выступала «в качестве универсальной мыслительной и практической схемы», как особое «практическое мировоззрение» примитивного общества, которое не выбирают (потому что нет еще того культурного фонда, из которого можно выбирать), и не оценивают (потому что отсутствует иная система ценностей)» [8, с.49].

Магический культ есть не просто пассивное вымаливание у природы или каких-либо сверхъестественных сил разнообразных материальных благ для первобытного коллектива, а действия, непосредственно включенные в практику, которые позволяли получить психологическую уверенность в успехе, поверить в человеческие способности и тем самым еще раз подчеркнуть исключительность человека. Таинственность, сакральность, окружающая магические ритуалы, включала в себя и элементы материально-преобразовательной деятельности. Первобытная магия

подчеркивает значимость субъективного мира человека, обеспечивая самодостаточность для его выражения, объективации вовне, а это уже шаг на пути к свободе. Здесь уместным окажется образное замечание Ю.Б.Борева: «Магия – прямое практическое воздействие на мир, в ней вассал природы на мгновение становился ее иллюзорным господином. Магия – «свобода», обретаемая рабом необходимости благодаря величайшему сосредоточению всей духовной энергии на одном участке жизни» [2, с.326]. Используя магические ритуалы, первобытные охотники и собиратели пытались компенсировать свое бессилие в материальном преобразовании, осознавая собственную силу в другой, сверхматериальной области. Магические ритуалы тем самым выступали важным фактором развития мышления, производства, техники. Важна здесь и компенсаторная психологическая функция магического ритуала, проявлявшаяся в уверенности в успехе практических изысканий.

Изменения в системе ценностей первобытного общества закономерно отражались на характере и масштабах его преобразовательной активности. Тезис о том, что первобытные собиратели и охотники оказывали на биогеохимические процессы незначительное воздействие и изменяли окружающую среду немногим больше хищных зверей стадного образа жизни, опровергается многими исследованиями ученых. Так, известно, что аборигены Тасмании для создания более благоприятных условий жизни и охоты выжигали растительность на огромных пространствах острова, что проводило к ощутимой деградации лесных массивов и интенсивному опустыниванию больших территорий [6, с.116]. По утверждению американского геолога П.Мартина, многие виды животных ледникового и межледникового периода в Северной Америке и Евразии были полностью истреблены бродячими охотниками [17, с. 420]. Большое значение в данном случае приобретает развитие способов и орудий охоты. Появление копья, преодолевающего 30 - 40 метров, и лука со стрелами, которые поражали цель на расстоянии 100 метров, не только развили техническую сторону охоты, но и многократно увеличили негативное влияние человеческой деятельности на природную среду. Негативная экологическая сторона практики древнейших людей исследуется недостаточно, тем не менее, изменение под ее влиянием природных условий, в тиски которых было зажато первобытное общество,

сыграло решающую роль в дальнейшем становлении человечества.

Итак, несмотря на доминирование присваивающей формы хозяйства, первобытная культура демонстрирует основные парадигмы человеческой практики: пассивно-созерцательную и активно-преобразовательную. Необходимо отметить, что преобразовательной активностью человека на протяжении рассматриваемого периода сдерживалась традицией, так как первобытное общество культивировало ограничение новаций, потребительства и индивидуализма, воспроизводя устойчивые формы взаимодействия с природой, в которых закреплено ценностное восприятие природного целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берндт, Р.Н. Мир первых австралийцев / Р.Н. Берндт, К.Х. Берндт. - М., 1981.
2. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. - М., 1988.
3. Вальковская, В.В. Ценность природы / В.В. Вальковская // Философия и общество. - 1998. - № 6.
4. Ермолаев, С.А. Миф и мифологическое сознание / С.А. Ермолаев, А.А. Захаров // Вопросы философии. - 1986. - № 7.
5. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. - М., 1983.
6. Кабо, В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема / В.Р. Кабо. - М., 1975.
7. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. - СПб., 1997.
8. Касавин, И.Т. Деятельность и рациональность / И.Т. Касавин // Деятельность: теория, методология, проблемы. - М., 1990.
9. Лосев, А.Ф. Знак, символ, миф / А.Ф. Лосев. - М., 1982.
10. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. - М., 1991.
11. Соколова, З.П. Культ животных в религиях / З.П. Соколова. - М., 1972.
12. Токарев, С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. - М., 1990.
13. Фетискин, В.В. Первобытный синкретизм / В.В. Фетискин // Философия и общество. - 2002. - №2.
14. Фрезер, Д.Д. Золотая ветвь / Д.Д. Фрезер. - М., 1980.
15. Хан, В.С. Структура практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины / В.С. Хан // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. - 1993. - №1.
16. Шахнович, М.И. Первобытная мифология и философия / М.И. Шахнович. - Л., 1971.
17. Экологические очерки о природе и человеке. - М., 1988.

Н.Н. СИМКИНА

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматривая роль заимствования в процессе развития культуры, отметим, что этот механизм может реализовываться как внутри определенной культуры, обеспечивая ее распространение среди данного народа, так и в ходе взаимодействия культур различных обществ, народов, т.е. кросскультурного взаимодействия. При наличии отдельных особенностей есть много общего в реализации механизмов внутри и кросскультурного заимствования. Роль заимствования в развитии той или иной культуры весома. Если речь идет о внутрикультурном развитии, то распространение новых образцов культуры, присущих одному слою общества, на другие социальные группы всегда было, есть и будет весьма важным фактором развития культуры социума.

Когда же мы ведем речь о заимствовании в процессе кросскультурных связей, надо признать, что этот фактор всегда играл большую роль, но в последние два столетия приобретает всё возрастающее значение в исторической эволюции многих культур. Трудно себе представить развитие той или иной страны сегодня, ее науки и техники, социальных идей, политических институтов, музыки и литературы, не говоря уже о моде, без фактора кросскультурного заимствования. Это дало основание некоторым социологам, этнографам вообще считать диффузию культур основой развития человечества. Причем, чаще всего речь идет о нескольких центрах цивилизации, из которых волнами распространялись эти базовые культуры. Нельзя отрицать значимости таких центров, как нельзя и абсолютизировать роль заимствования, диффузии в процессе развития культуры того или иного народа. Так, если речь идет о науке, в первую очередь естественной, то здесь диффузия особенно ощутима. То же самое можно сказать о диффузии периферии культуры: одежды, бытовых приборов, средств передвижения. Что же касается ядра культуры, в этом случае социокультурные изменения чаще всего порождаются внутренними причинами. Внешний пример может стать лишь критерием, который рождает сомнения в совершенстве и независимости тех или иных принципов организации общественной жизни, ценностей собственной культуры. Кроме того, заимствованное, приобретенное еще не есть элемент культуры. Оно должно быть «переварено» данной культурой, приобрести присущий ей «код», «шифр», и лишь в этом случае стать ее устойчивой и

неотъемлемой составляющей. В значительной степени современная мировая культура развивается через взаимодействие различных локальных культур, в результате чего возникает сеть общения, поддерживающая огромное разнообразие не только стилей и типов мышления или поведения, но и ценностных ориентаций и национально-этнической самобытности. Это общение протекает через взаимное выяснение отношений, через распри и конфликты, но вместе с тем и через взаимную адаптацию и понимание своеобразия соседей или сожителей на единой территории. По мнению В.С.Библера, XX столетие породило немислимый синтез культур, поставив тем самым проблемы их взаимодействия: «Типологически различные культуры втягиваются в одновременное и духовное «пространство», странно и мучительно сопрягаются друг с другом, исключают и предполагают друг друга» [3, с. 49]. Сложившееся на сегодня культурное поле человечества – результат функционирования культуры как социального явления, взаимодействия тенденции социальной селекции, социального иммунитета, сохранения своей самобытности, целостности, с одной стороны, а с другой – развития культуры как за счёт саморазвития, так и в ходе заимствований, взаимовлияния. Всё это породило многообразие культур, которое само по себе является важным фактором жизни современного человека.

Заимствование культуры происходит в процессе социальных связей. При этом следует различать культурные контакты и культурные взаимодействия. Культурные контакты, как правило, к серьезным культурным изменениям не ведут. Культурные же взаимодействия предполагают совершенно иной тип культурных связей – это сопряженная регуляция, система обмена культурными ценностями. Примером такого взаимодействия на кросскультурном уровне являются связи между народами-соседями, например, русскими и украинцами, народами Закавказья, Западной Европы, а также народами, близкими этнически или же объединенными общей системой ценностей (славянские народы, христианский мир). Примером внутрикультурного взаимодействия являются связи между поколениями, между жителями города и села. Система культурных взаимодействий может строиться а) добровольно; б) вынужденно; в) навязываться принудительно. Рассмотрим подробнее варианты.

В первом случае речь идет о заимствовании, побуждаемом внутренними интересами, желаниями субъекта. Добровольное заимствование имеет ряд характерных черт. Каждая культура в условиях добровольных культурных воздействий отбирает в другой культуре те элементы, образцы, которые способствуют решению ее собственных назревших проблем. Избирательно заимствуются лишь: а) то, в чем есть необходимость; б) наиболее приемлемые для культуры варианты ответов на вызовы собственной истории. Благодаря этой избирательности (а она есть проявление механизма социальной селекции культуры) «заменяются» элементы, более не соответствующие тенденциям развития самой культуры, сдерживающие ее эволюцию. В подобных условиях заимствование способствует прогрессу общества. И вместе с тем заимствование органически переплетается, вписывается в структуру культуры, минимизируя возможно наносимый ущерб, грубо не деформируя ее первооснов. Естественно, это отнюдь не означает бесконфликтности данного процесса. Культура, как правило, обладает немалым социальным иммунитетом, защитными ресурсами. Но происходящие в этом случае конфликты разрешаются внутри самой культуры путем адаптации нового элемента к устоявшейся социокультурной системе.

Об избирательности процесса добровольного заимствования культуры говорит следующий факт. Многие страны мира заимствовали у Запада индустриальные технологии и способы организации промышленности, но отнюдь не перенимали при этом нормы и принципы морали. В особенности это относится к культуре современной Японии, в которой сочетаются западные технологии, с одной стороны, и традиционная система моральных ценностей, образцов поведения – с другой. Чем богаче многообразие культур, тем больше вариантов ответов на самые разнообразные вызовы истории есть в арсенале человечества. Благодаря же укреплению кросскультурных связей, взаимодействию различные народы получают широкий доступ к этому арсеналу и черпают из него нужные и приемлемые для себя социокультурные нововведения.

В процессе культурного взаимодействия (как любого другого вида социального взаимодействия) происходит сопряжение двух культур, взаимный обмен ценностями. Культурное взаимодействие – это не улица с односторонним движением. Как показали исследования по аккультурации (в частности, процесса влияния

«белой» американской культуры на индейцев, «черных» американцев), чаще всего имеет место взаимовлияние. Причем каждая из сторон заимствует лишь то, что ей необходимо и целесообразно. В процессе глубокого взаимодействия Запада и Востока в последние два века не только Восток заимствовал многое у Запада, но и Запад у Востока. Такие течения европейской культуры XIX-XX вв., как романтизм, философия жизни, искусство авангардизма, молодежная контркультура в той или иной мере вобрали в себя элементы восточной культуры. Более того, они даже противопоставляли восточную культуру западной как подлинную ценность. С романтизма начался распад европоцентристской модели, Запад и Восток устремились навстречу друг другу. Огромна заслуга европейских композиторов Ж.Бизе, К.Сен-Санса, К.Дебюсси, М.Равеля, а также русских композиторов М.Глинки, М.Балакирева, Н.Римского-Корсакова, А.Бородина в расширении границ музыкального искусства за счет освоения музыки Востока. Отказ от европоцентризма прослеживается и в философии. К буддистской религии обращается, например, А.Шопенгауэр, рассматривая некоторые ее идеи как возможные модели для Запада. Усмотрев в Веданте множество прозрений, А.Шопенгауэр крайне восторженно отнесся к Востоку. Мистическая, невыраженная мысль, постигаемая по наитию, приковывала его внимание. В восточных религиях он видел противовес европейскому рационализму с его тягой к разуму, к познающим способностям человека. Восточное же восприятие мира строится на интуиции, образно-ассоциативном мышлении. Эти представления находили отклик в философии А.Шопенгауэра. Восточное начало присутствует и в философских воззрениях Ф.Ницше. Он воспринял гегелевский тезис о том, что Древний Восток только в лице Ирана смог подняться к историческому существованию. Развивая противопоставленную христианской морали концепцию «сверхчеловека», Ф.Ницше воплощает свои идеи в образе «учителя жизни», мудреца, который ближе к восточному, а не европейскому типу («Так говорил Заратустра»).

В ходе взаимодействия Запада и Востока у многих представителей западной цивилизации, испытывающей серьезные нравственные проблемы, возникло ощущение того, что в моральном смысле восточные культуры наработали много такого, что в рамках европейской культуры отсутствует (идеи ненасилия, бережное

отношение к природе, уважение к старшим). При большом внешнем технологическом сходстве японской и западной промышленности первая ощутимо отличается от второй организацией человеческих связей на производстве, системой стимулирования труда, чему японцы приписывают немалое значение при объяснении моральной ответственности рядовых сотрудников, их вовлечённости, заинтересованности в делах фирмы. Это приносит кумулятивный характер в решение производственных дел, обеспечивает на длительный период стабильность качества производства, рост его показателей. Вполне возможно, что демонстрируемая сегодня странами Дальнего Востока динамика промышленного производства подтолкнет западные страны к заимствованию отдельных норм, принципов организации системы производственных отношений. Не является ли обилие размышлений европейских исследователей о специфике японской организации производства свидетельством внесения данных элементов японской культуры (в виде сведений, знаний) в культурное поле Запада, свидетельством начала заимствования? Чем регулярнее, глубже взаимодействие культур, тем оощутимее их взаимовлияние. Это наиболее зримо проявляется в ходе культурного взаимодействия между народами-соседями: происходит диффузия и традиций, и обычаев, и музыки, норм поведения на службе, дома. Это взаимовлияние усиливается при общности религии, близости этнических корней. Но и без этих факторов оно проявляется достаточно зримо (взять, к примеру, народы Закавказья, Северного Кавказа, включая русских, там проживающих).

Второй вариант культурного взаимодействия – это вынужденное заимствование культуры. Оно сочетает в себе элементы внешней добровольности и внутреннего принуждения. Этот вариант заимствования возникает преимущественно в тех ситуациях, когда представители той или иной культуры оказываются вынужденными включиться в другую культуру. Сегодня это чаще всего мигранты (как из одной страны в другую, так и из села в город). Принятие новой культуры происходит не на основе добровольного выбора, а как условие включения в иную социокультурную среду. В подобной ситуации можно говорить о наличии донорской и реципиентной групп в культурном взаимодействии. Реципиентная группа вынуждена перенимать нормы и принципы поведения, овладевать моделями деятельности, которые обеспечивают выживаемость в

новой среде. Насколько быстро и глубоко пойдет заимствование и произойдет естественная ассимиляция, зависит от ряда обстоятельств.

Культура – это «язык» социальных связей. И если нет общности, в рамках которой эти нормы, принципы будут приняты, могут воспроизводиться, – то культура быстро распадается, на ее место приходит та, которая служит средством общения, регулирования отношений субъекта с другими людьми. Вот почему для сохранения культуры важное значение имеет сохранение общности, в рамках которой данная культура могла бы выполнять в каких-то пределах свою роль регулятора социальных связей. Как правило, это семья реципиента. Более широкой общностью является землячество, община. Стремление к сохранению своей культуры, ее самобытности проявляется в том, что эмигранты одной национальности стремятся устроиться на работу к своим землякам; эмигранты-предприниматели могут благоволить особенно к своим соотечественникам, делать для них какие-то исключения, давать привилегии. Это стремление может проявиться и в ориентации молодежи к вступлению в брак только с членами своего землячества, своей национальности. Всё это – проявления защитной реакции представителей данной культуры в условиях угрозы их ассимиляции, стремления сохранить объединенными усилиями свою культуру.

Как показал опыт, в зависимости от степени развитости защитных способностей традиции той или иной культуры, естественная ассимиляция реципиента в рамках донорской культуры может быть полной или частичной. Но во всех случаях основные элементы донорской культуры задают тон. Как бы прочно ни придерживалась семья своих национальных традиций, как бы сплоченно ни жили члены общины, они работают, учатся, делают бизнес, подчиняясь нормам, образцам поведения донорской культуры. Более того, могут возникать противоречия между стандартами, на которые ориентируется человек, работая на производстве, и нормами отношений с земляками, в семье. Многое из того, что проявляется в ходе вынужденного кросскультурного заимствования, характерно для соответствующих внутрикультурных процессов, к примеру, для ассимиляции сельских жителей в городе. Конечно, тот факт, что заимствование происходит в рамках одной культуры, делает его менее драматичным и конфликтным. Здесь нет языкового барьера, налицо единая религия, общие контуры обычаев,

жизненных принципов. Но есть и ощутимые различия. Не случайно селяне при установлении межличностных контактов тяготеют к людям, выросшим в аналогичной сельской культуре (и не обязательно землякам).

Третий вариант культурного взаимодействия – это принудительное внедрение, навязывание культуры извне. Оно происходит соответственно в двух вариантах: а) кросскультурном – в результате порабощения (колониального в том числе) и стремления навязать чуждые культурные нормы, нравы, традиции угнетенным народам; б) внутрикультурном – принудительное навязывание социальной группой, взявшей политическую власть, своей идеологии остальной части общества. Внешнее принуждение может не сопровождаться навязыванием культуры. Угнетение народа может ограничиться выплатой дани, признанием (вассальной) политической и экономической зависимости, установлением общего колониального управления страной, предоставлением заметных экономических и политических привилегий для колонизаторов. Однако чаще всего политическая и экономическая зависимость сопровождается принудительным навязыванием культуры завоевателей; ограничением, вытеснением, подавлением местной национальной культуры, принудительной ассимиляцией народа. Так случилось, например, с австралийскими аборигенами, с североамериканскими индейцами. Культура их осталась только в резервациях, и многие их представители, получив европейское воспитание, превратились в носителей иной культуры.

Навязывание чужой культуры может осуществляться во внешне лояльных формах: это поддержка миссионеров, предоставление привилегий для осуществления ими своей деятельности, предоставление преимуществ тем, кто владеет языком, культурой нации угнетателя, ограничение возможностей для развития национальной культуры. Однако навязывание культуры может осуществляться и в принудительных формах: переход системы образования на учебники, учебные программы, которые ретранслируют иную культуру, запрет на ведение делопроизводства на родном языке. Во внутрикультурных взаимодействиях, как правило, захват власти сопровождается принудительной обработкой умов в духе идеологии, системы ценностей социального слоя, взявшего власть. Это и запрет на распространение какой-либо другой

идеологии, беспощадная цензура, преследование диссидентства, запреты на профессии для людей, разделяющих ценности иной культуры. Эффект навязывания культуры, глубина принудительной ассимиляции народа зависит как от силы принуждения захватчика (в том числе физического насилия), силы культурного подавления, так и от способности порабощённого политически и экономически народа отстоять свою культуру, его сплоченности вокруг национально-культурной идеи. Рим латинизировал почти все народы, вошедшие в состав империи, но не смог культурно подавить еврейский народ. Известны неудавшиеся попытки «онемечивания» западных славян, «отуречивания» юго-западных славян. Современный мир, его культура сформировались не только добродетелями, но и огнем, и мечом. Конкистадоры насильственно утверждали католицизм в Центральной и Южной Америке. Во многом благодаря принуждению, навязыванию культуры распространялось мусульманство. Но сегодня даже потомки народов, которые до принудительного принятия мусульманства были христианами, вряд ли могут представить себя вне мусульманских ценностей, норм шариата. Мусульманство стало основой их восприятия мира, фундаментом культуры.

Рассматривая процесс взаимодействия культур, следует учитывать еще одно важное обстоятельство. Даже в случае порабления культура способна оказать свое обратное влияние на культуру завоевателей. Эти влияния могут проявиться достаточно быстро, а могут приобрести кумулятивный эффект; могут ограничиться только внешними изменениями, затронув лишь верхние слои общества, а могут распространиться на широкие массы. И нередко народ, проигрывая в военно-техническом отношении, оказывается победителем в социокультурном. Так, римляне завоевали Грецию, но многое заимствовали из греческой культуры: мифологию, монументальную скульптуру, греческий тип храма, поэзию, философию. Не случайно римский поэт Гораций сказал: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый искусство внеся». Римляне, в свою очередь, были поработаны варварами, которые позаимствовали у них христианскую веру, римское право и политический опыт и использовали их при устройстве своих государств.

Степень открытости разных культур к внешним воздействиям неодинакова. Так, восточные культуры долгое время оставались

традиционными, замкнутыми. Русскую культуру, наоборот, всегда отличала открытость, в её развитии внешние влияния играли заметную роль. Христианство приобщило Русь к культуре Византии и Болгарии, которые в то время переживали пик своего расцвета. Со времен Петра I ориентация сменилась на Запад – Голландию, Германию, Францию. Россия впитала в себя элементы западного рационализма, просветительства, романтизма, модернизма. Западный опыт внедрялся в России многократно, внедрялся государственными структурами сверху. Конечно, было немало подражательности и простого копирования, особенно на уровне бытовой культуры. Однако было и творческое усвоение западного опыта, и оно приводило через некоторое время к всплеску культурных движений, которые обогащали европейскую и мировую культуру. То, что переносилось и затем усваивалось на российской почве, возвращалось в Европу в виде новых достижений. Шедевры русской культуры нередко возникали на синтезе, сплаве культур разных народов. Например, византийский художник Феофан Грек расписывал русские храмы, итальянские зодчие Растрелли, Кваренги, Росси возводили прекрасные дворцы в Петербурге. В результате синтеза своего и чужого, своих самобытных традиций и заимствованных элементов формировался уникальный, своеобразный, неповторимый тип русской культуры.

Проблема взаимодействия культур занимает важное место в исследованиях по аккультурации. Аккультурация – необходимый элемент межкультурного взаимодействия. Когда встречаются представители двух разных культур, они пытаются найти общий язык, понять друг друга. Аккультурация играет прогрессивную роль в глобальном обществе. Она предполагает обучение нормам другой культуры, знакомство с ее историческим наследием, позволяет найти эффективную технологию общения людей. С методической точки зрения под аккультурацией понимается «явление, которое поддается изучению на материале конкретных полевых наблюдений, дополненных свидетельством исторических источников и документов» [1, с. 139]. С теоретической точки зрения под аккультурацией понимались «те явления, которые возникают, когда группы индивидов, обладающие различными культурами, вступают в продолжительный и непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные типы культур одной или обеих групп» [1, с. 140]. Впервые проблему аккультурации поставили английские этнографы в конце XIX века. Тогда же американский этнограф

У.Хоумз употребил термин «аккультурация» для обозначения процесса уподобления и передачи элементов одной культуры другой. В научном обороте термин «аккультурация» закрепился в 20-30-е гг. XX века, когда наблюдался расцвет культурной антропологии. Основатель американской антропологической школы Ф.Боас указал на необходимость изучения не только и не столько самого факта контакта между различными культурами, а анализа тех результатов и влияний, которые возникают в процессе динамического развития этих контактов. Известные антропологи М.Мид, Р.Линтон, Б.Малиновский, Р.Редфилд изучали механизмы и специфику аккультурации в связи с влиянием англосаксонской культуры США на индейцев и афроамериканцев. В 1935 г. Р.Редфилд, Р.Линтон и Б.Херсковиц разработали типовую модель исследования аккультурации, которая включала описание контактов между культурой-реципиентом и культурой-донором. Были выделены три основные типа реакции культуры-реципиента: а) принятие – полное замещение старой культуры новой; б) адаптация – частичное изменение старой культуры; в) реакция – полное отторжение новой культуры.

Б.Малиновский активно занимался изучением тех феноменов, которые сопровождают взаимодействие культур, т.е. изменения экономики, системы управления и других социальных институтов. В качестве понятия, объясняющего феномен культурного взаимодействия (аналогично американскому термину «аккультурация») им было предложено понятие «культурный обмен». Б.Малиновский исследовал процесс «вестернизации» мира в XX веке и отметил его противоречивый характер. Он анализировал те проблемы, которые процесс «вестернизации» порождает в отношениях между западной «высокоразвитой» цивилизацией и покоряемыми ею другими культурами. Одной из самых важных черт культурного обмена, которую отмечал Б.Малиновский, является то, что при взаимодействии двух независимых культур возникает нечто новое, не являющееся обязательной характеристикой ни одной из них.

В 50-60-е гг. XX в. число исследований аккультурации возросло. Изучались не только процессы «вестернизации», но и «испанизации», «японизации», «китаизации» в различных регионах. В круг научных интересов попали вопросы влияния не только доминирующей культуры на субкультуры, но и обратного воздействия субкультур, в частности африканской музыки, на западное искусство, на

доминирующую культуру. Американская школа культурной антропологии создала схему, которая дает представление о возможных последствиях культурных контактов. В результате контактов между разными культурами может происходить: а) отчуждение – утрата народом своей собственной культуры под влиянием чужой; б) новая ориентация – существенные изменения в культуре-восприемнике под влиянием чужой культуры; в) почвенничество – попытка членов общества возродить и увековечить определенные аспекты своей национальной культуры; г) новообразование – возникновение таких черт культуры, норм и учреждений, которых ранее не было ни в одной из соприкасающихся культур [2, с. 150].

Итак, в современном культурологическом знании под аккультурацией понимают и сам коммуникативный процесс, и его результаты, т. е. те реальные изменения, которые можно наблюдать в различных сферах культуры. Кроме того, аккультурацию стали рассматривать не только как групповой феномен, но и на уровне психологии индивида, как процесс изменения его ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок. В процессе аккультурации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы: стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру. Еще недавно исследователи полагали, что наилучшей стратегией является полная ассимиляция с доминирующей культурой. Сегодня же целью аккультурации считается достижение интеграции культур, дающее в результате бикультурную или мультикультурную личность. Это возможно, если взаимодействующие группы большинства и меньшинства добровольно выбирают данную стратегию: интегрирующаяся группа готова принять установки и ценности новой для себя культуры, а доминантная группа готова принять этих людей, уважая их права и ценности, адаптируя социальные институты к потребностям этих групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артановский, С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур / С.Н. Артановский. – Л., 1997.
2. Белик, А.А. Культурология: антропологические теории культур / А.А. Белик. – М., 1998.
3. Библер, В.С. Культура. Диалог культур / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – №6.

В.М. СКОРОДУМОВ**РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ФИЛОСОФИИ**

Он видел, с каким непревзойденным мастерством школа ухитряется превратить красоту в скуку, разумное рассуждение – в догму, греческий храм – в кучу камней.

Леопольд Инфельд
Эварист Галуа. Избранник богов

Что такое философия?

Тот самый греческий храм, который люди веками стремятся разрушить. Ведь он не нужен. Даже мешает. Слишком прекрасен. Люди скорее возведут жертвенники и алтари для идолов, порожденных слабостью и невежеством, нежели осмелятся войти в этот храм, сверкающий подлинным великолепием. Ведь путь туда неизмеримо сложен. Тернистая дорога, усеянная множеством преград, этот путь исканий – как «колодец страданий», ведущий к пробуждению.

К пробуждению от чего? И самое главное для чего? Маститый писатель предупреждал молодежь, что просто окончить литературный факультет недостаточно, чтобы стать мастером пера. Это еще почему? Получая образование, человек в случае более или менее прилежного отношения к учебе становится профессионалом, глубоко разбирающемся в своей области. И все же он – робот. Возвращаясь к литературе, заметим, что он знает технику стихосложения. Но, чтобы писать стихи, этого не достаточно. Он сможет стилистически и грамматически безупречно оформить текст. Но его, вероятно, никто не будет читать. Творчеству невозможно научить.

Это же в превосходной степени актуально и для философии: «Существует пафосная боязнь доверить свободное суждение незнающим (“Как можно?! Они же еще ничего не знают!”) – однако, если так рассуждать, тогда никак нельзя допускать юных музыкантов к роялю (и к великим сочинениям великих композиторов), а юным художникам – давать кисти с красками: “Вот пусть сначала научатся, а тогда посмотрим!..” Но где та граница, после которой – можно? Хорошо, допустим, на первом курсе рано, а на пятом? В аспирантуре? Нет, тогда уж лучше, пожалуй, разрешать высказывать свое мнение докторам (надо же сначала заслужить доверие и подтвердить

высочайшую квалификацию!), а еще лучше – только академикам (все-таки специально отобранная элита!). Можно рассуждать и по-другому: прежде чем самому философствовать, надо овладеть философским наследием – этот тезис в общем виде возражений вроде не вызывает и вызывать не может; однако – каков может быть критерий такого овладения? Понятно, что наследие потенциально бесконечно и непрерывно возрастает, даже корпусом текстов одного мыслителя можно заниматься всю жизнь. И от упреков в поверхностности и предвзятости (особенно со стороны историков философии) никто (даже величайшие философы) не застрахован. Тем не менее философскую традицию продолжают, несмотря ни на что, вовсе не всезнающие историки философии» [2]. Из человека всегда пытались сделать совершенное существо и устремить всех к этому идеалу. Но человек не идеален. Каждый человек уникален. И в этом его достоинство.

Что такое философия? Уж точно не наука, которая своей рациональностью и предсказуемостью способна подавить всё и вся. «Это уже объяснено. Зачем этим заниматься? Об этом уже все известно», – говорит ученый. А философ скажет: «Мой опыт не типичен». И добавит: «Мир не устроен как законченная целостность... И я в своем чувстве уникален, неповторим... Мир устроен как нечто, находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала» [4, с. 20-21]. Ученый стремится создать четкую модель мира. И чтобы все ее приняли. А философ мешает, ведь его никак не удастся вписать в эту систему. Он всегда будет выделяться. Он всегда будет лишним. И еще вечные вопросы... Вопросы без окончательных ответов, верных для всех и каждого, ведь так было бы проще, удобнее, понятнее. Мераб Константинович Мамардашвили отмечал служающее: «Скажем, вы прочитали: «Я знаю, что я ничего не знаю»... Это не просто – я ничего не знаю. Знать, что ты не знаешь, – это и есть философия. Потому что философия прежде всего говорит о вещах, которые есть и в которых мы несомненно участвуем, но которых мы не знали и не знаем» [3, с. 42]. Пол Фейерабенд писал: «Когда ученый претендует на монопольное обладание единственно приемлемыми методами и знаниями, это свидетельствует не только о его самомнении, но и о его невежестве» [8].

Что такое философия?

Уж точно не набор знаний, не архив идей, концепций, систем. Изучение философии и философствование – весьма отдаленные друг от друга понятия. Изучить историю философии и современные положения теоретической философии можно. Но, изучая все это, нужно, по выражению М.К.Мамардашвили, «идти философу навстречу». Если человек не пережил, не осознал, не прочувствовал, не выстрадал свое намерение изучать, то это будет лишь эклектическая совокупность знаний. Лишь когда это осознанно и выстрадано, тогда при соотнесении себя и своей самости со всем предшествующим духовным опытом человечества, я могу сказать, что иду своим путем. Не просто плыву в безликом социальном потоке, а живу своей жизнью. Не повторяю кого-то. Не вторю хору голосов. Я говорю своим голосом.

Хотя хором говорить проще. Не нужно напрягать горло. Нужно лишь вторить. Все расставлены по местам. По своим социальным нишам. И все счастливы. Хочется задать один вопрос: разве материальные блага, социальное признание и статус, социальные роли, разве это все, что важно для человека? Для большинства, да. Но философ живет иначе. При этом, разумеется, автор имеет в виду вовсе не статус в обществе, а ту стезю, которую человек для себя выбирает. «Быть философом – это судьба», – утверждал М.К.Мамардашвили.

Философ не может быть как все. Иначе он перестанет быть самим собой. Да, философ – человек. Его терзают те же страхи и сомнения, что и всех людей. Зачастую обуреваем теми же страстями. Но, принимая свою человеческую сущность, философ способен над нею возвысится. Показателен пример И.Канта, который, будучи тяжело болен, перед самой смертью встречал врача стоя, заметив при этом: «Меня еще не покинуло чувство принадлежности к человечеству».

Что такое философия? Человек, жаждущий найти ответ на этот вопрос, должен начать свой путь. К этому сложно призывать и невозможно научить, но поистине «все неважно, кроме мгновений, когда отступает тьма и открываются новые дали». Эти мгновения подлинной жизни не сравнимы ни с чем. Это мгновения творчества, которое является самой естественной и самой могучей человеческой способностью. Научить творчеству нельзя. К нему можно прийти только самому. По замечанию Н.А.Бердяева, «акт творческой свободы прорывает детерминированную цепь мировой энергии» [1].

Это не может быть кем-то или чем-то обусловлено, не может быть социально задано. Человек сам сознательно выбирает этот путь.

«Оставьте!» – скажет современный человек. – «Я хочу успеха. У меня высокий IQ. Я достоин большего». И так было всегда. «Оставьте!» – сказали Сократу, и предпочли убить во имя своего спокойствия. Но титан, окруженный муравьями, ответил: «Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите всю правду. Только, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите разнаряженной речи, украшенной, как у них, разными оборотами и выражениями, я буду говорить просто, первыми попавшимися словами ведь я убежден в правоте моих слов, – и пусть никто из вас не ждет ничего другого...» [5, с.9]. Философ всегда несет в себе свою правду и ради нее пойдет до конца. Вот только помнят сейчас не тех, кто красиво обосновал «вину» гения, а помнят этого гения, чей образ жив до сих пор.

Во все века люди любили на воззрения отвечать отнюдь не теоретическими аргументами. Но современный человек вообще своеобразен. Отвергнувший религию, он считает себя богом. И это гипотетически верно. Поистине, «мы боги в виде хризалиды». Но, чтобы потенция стала возможностью, нужна свободная воля и то, что автор бы назвал аристократизмом духа. Однако человеку проще объявить себя богом, выставляя напоказ свое убожество, а порой и откровенное уродство, нежели стать хотя бы на ступеньку ближе к сакральным небесам. Проще идти в толпе, где все также безлики, нежели обрести свой подлинный лик. Райх замечал: «Рядом с тобой, маленький человек, трудно думается. Поэтому все великие люди одиноки» [6]. М.К.Мамардашвили подчеркнул: «Одиночество – моя профессия».

Что такое философия? Автор в своей книге, изданной годом ранее, так ответил на этот вопрос: «Для меня философия – это умение задавать вопросы, на которые не находится ответа в стандартизированном знании современников» [7, с.301]. Для автора, чей путь в философии есть постоянная борьба за выживание, «царица наук» воспринимается не как измышление эстетов, нежащихся в собственном стремлении к спекулятивной неясности, не нагромождение конструкций и схем, характерных для академической философии как строгой науки. Для автора это сама жизнь,

выраженная в мыслительном акте рефлексирующего существа, коим является человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев: [Электронный документ].- (<http://www.philosophy.ru/library/berd/creation.html>). Проверено 23.11.2009.
2. Кузнецов, В. Философия преподавания философии / В. Кузнецов: [Электронный документ].- (http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=161). Проверено 23.11.2009
3. Мамардашвили, М.К. Введение в философию / М.К.Мамардашвили // Философские чтения. – СПб., 2002. – С.7–172.
4. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К.Мамардашвили // Как я понимаю философию.- М., 1992.- С.14-26.
5. Платон. Апология Сократа // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля. – М., Харьков, 2003. – С.7–34.
6. Райх, В. Посмотри на себя, маленький человек / В. Райх: [Электронный документ]. (http://www.modernlib.ru/books/райх_vilgelm//posmotri_na_sebya_malenkiy_chelovek). Проверено 23.11.2009.
7. Скородумов, В.М. Nosce te ipsum / В.М.Скородумов. - Брянск, 2008.
8. Фейерабенд, П. Против метода. Очерки анархистской теории познания / П.Фейерабенд: [Электронный документ].- (<http://psylib.org.ua/books/feyer01>). Проверено 23.11.2009.

А.А. ЧЕРНИЛОВСКИЙ

ПРЕДЫСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДВИДЕНИЯ И ЕГО ПЕРВАЯ ПОПЫТКА В РАБОТЕ Ш.РИШЕ «ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ»

Стремление предвидеть будущее свойственно всему живому [3, с.26-38] и особенно человеку. Со времён глубокой древности создавались произведения, посвящённые будущему, причём некоторые из них весьма широко известны и в настоящее время (Апокалипсис, предсказания М. Нострадамуса). Однако в традиционном обществе эти произведения носили мистическую форму. Лишь в эпоху Просвещения, в XVIII веке, стали появляться сочинения о будущем, лишённые мистической оболочки. Однако и в XVIII в. эти сочинения имели форму не научного трактата, а художественного произведения. Кроме того, крайне медленные

темпы научно-технического прогресса приводили к тому, что авторы, писавшие о будущем, интересовались лишь его социально-политическими аспектами (которые крайне неадекватны реальности XIX – XX вв.), технику же будущего представляли более или менее аналогичной существовавшей в их время.

Так, в анонимной английской повести «Правление Георга VI: 1900 – 1925» (1763 г. издания) война в начале XX века ведётся тем же оружием, что и в середине XVIII в., а король лично возглавляет атаку пехотинцев. В вышедшей в 1770 г. (и переизданной со значительными дополнениями в 1786 г.) книге Мерсье «Две тысячи четыреста сороковой год» единственное техническое достижение столь отдалённого будущего – воздушные корабли легче воздуха (это объясняется изобретением в 1782 г. братьями Монгольфье воздушного шара), способные за семь с половиной дней долететь от Пекина до Парижа на высоте 4600 миль (т.е. в безвоздушном пространстве). Мерсье не предвидел ни одного из открытий и изобретений XIX века. Население Лондона в XX в., по его мнению, составит миллион человек, а население России – 45 миллионов (уже к концу XIX в. эти показатели были превзойдены в разы). Во всех странах установлена конституционная монархия. Россия, «могущество которой приводило в изумление мой век, притом что в начале этого века она была вовсе лишена политической жизни» [4, с.78], разделилась на две части, Голландия отплыла в Азию, Францией правит Людовик XXXIV (революция в этой стране началась через три года после издания книги) и т.д. Единственное верное предвидение автора, что в Южной Америке появится освободитель и изгонит испанцев (в XIX в. им действительно стал С. Боливар), не меняет вывода о несостоятельности его предсказаний.

Промышленная революция первой половины XIX в. привела к тому, что всякое произведение о будущем необходимо должно включать описание техники этого времени. Однако и во второй половине XIX в. такие произведения не выходили за рамки художественной литературы. Таковы романы Э.Беллами «Через 100 лет или 2000 год», где житель Бостона просыпается после столетнего летаргического сна, Ж.Пеллерна «Мир через две тысячи лет», в котором появляется учёный из 3892 г., и др. Первой *научной* работой, посвящённой проблеме будущего человечества, стала вышедшая в 1892 г. книга французского физиолога, психолога и писателя,

впоследствии лауреата Нобелевской премии по медицине за 1913 г., Ш.Рише (1850 – 1935) «Через сто лет». Она представляла собой прогноз развития всех сфер жизни общества в XX веке. Поскольку этот период уже окончился, можно провести проверку истинности результатов предвидения.

Во введении Ш.Рише оговорил максимальный срок, на который может распространяться социальное предвидение – 100 лет: «Чем дальше отходишь от настоящего, тем большее значение получает непредвиденное. Непредвиденному следует отводить большую долю даже в ближайшем столетии. Относительно же последующих веков роль его столь велика, что на долю предусмотренного, пожалуй, ничего не останется» [4, с.2]. В качестве верхней границы прогнозируемого периода Ш.Рише избрал 1992 или, для круглого счёта, 2000 год. Для человеческой жизни период в 108 лет, конечно, велик. «В 2000 году внуки моих теперешних читателей будут уже древними стариками» [4, с.2], – писал Ш.Рише. Подчёркивая гипотетичность собственных выводов относительно будущего, автор указал, что «есть, однако, одна гипотеза столь правдоподобная, что её можно принять за вполне достоверную» [4, с.3]: за 100 лет внешние условия жизни людей не изменятся. Земля, несомненно, будет иметь конец, но он ещё так далёк, что тревожиться о нём нечего. В 2000 г. моря, реки и горы будут такими же, Солнце будет вставать в те же часы, в составе земной атмосферы не произойдёт почти никаких перемен. Зоологическая природа человека также существенно не изменится. Но эта физиологическая устойчивость человека удивительно противоположна его социальной неустойчивости. Анализу социального и научно-технического прогресса посвящены шесть глав, из которых состоит книга.

В первой главе «Народы» анализируется демографическая и политическая ситуация 90-х гг. XX в. Довольно точно оценив численность населения европейских стран на 1992 г. (лишь население Германии завышено – 115 млн.) и России (разумеется, в её границах на 1892 г.), исследователь чрезмерно завысил этот показатель для США (400 млн.) и совершенно не предусмотрел демографический бум в странах Азии, Африки и Латинской Америки (для Африки неправильно подсчитаны даже данные в таблице за 1892 г.). Общая численность человечества в 1992 г., по прогнозу Ш.Рише, составит 2567 млн. (в 1987 г. она достигла 5 млрд, вдвое превысив

прогнозируемую цифру, а в 1999 г. – 6 млрд). На каком языке будут говорить эти народы? Из трёх самых распространённых языков английский станет общеупотребительным, китайский и русский же таковыми стать не смогут из-за азбук, недоступных жителям Западной Европы. Воскресить мёртвый язык или создать искусственный, по мнению Ш.Рише, – химера (в XX в., как известно, был воскрешён мёртвый язык иврит).

Сделав вполне обоснованный прогноз, что в мире в 1992 г. будут две великие державы – Россия и США (события 1989 – 1991 гг., конечно, не могли быть предвидимы в 1892 г.), исследователь затем высказал ряд очень странных мыслей. Самая динамичная сфера общественной жизни – политика – оказалась удивительно статичной. Границы европейских стран будут такими же, как в 1892 г., лишь Австро-Венгрия распадётся после первой европейской войны. Крушение колониальной системы также не было предвидено Ш.Рише. По его мнению, север и центр Азии будут под властью России, Индия – Англии, Индокитай – Франции. Арабские страны будут входить в состав Османской империи (она рухнула уже в 1918 г.). Китай по-прежнему будет сидеть неподвижно перед лицом европейской цивилизации. И всё же он является колоссальной силой и не может стать колонией. В Северной Америке будут говорить по-английски, в Южной – по-испански. Канада станет независима от Великобритании, хотя может быть поглощена США. Австралия заселится почти вся. Будущее Африки предвидеть совершенно невозможно. Касаясь государственного устройства будущего, Ш.Рише справедливо утверждал, что все американские и почти все европейские государства будут республиками, однако последними монархиями, по его мнению, останутся Англия и Россия. Ошибочность такого прогноза совершенно очевидна.

Во второй главе «Международные отношения» автор, забыв, что он говорил о европейской войне, в которой рухнет Австро-Венгрия, утверждает, что с изобретением новых видов оружия и летательных машин война станет невозможна. К концу XX в. настанет если не золотой век, то настроение менее враждебное. Касаясь развития транспорта и связи, автор видел их почти такими же, как в XIX в., не предугадав изобретения радио, произошедшего через несколько лет после написания книги, а тем более телефона. Вместе с тем, он считал, что не пройдёт и ста лет, как будет изобретена

воздухоплавательная машина (в действительности самолёт был изобретён через 11 лет).

В третьей главе «Общественный строй» Ш.Рише описал общество XX века. Это будет общество демократическое, с всеобщим начальным образованием. Расти будет лишь городское население, состоящее в основном из рабочих, сельское будет убывать. «Будет ли религия у этого материалистического и утилитарного общества?.. Будет преобладать религиозный индифферентизм с соблюдением внешних форм, но нравственность, по всей вероятности, от этого не пострадает» [4, с.37-38]. Вместе с тем, Ш.Рише указывал, что в XX в. сохранятся преступления и законы, жадность и эгоизм разовьются, а семейные узы ослабнут. Долго ли просуществует общество, основанное на труде и деньгах? Об этом позаботятся в XXI и XXII веках.

В четвёртой главе «Земледелие и промышленность» Ш.Рише говорит, что люди XX века не только не будут испытывать недостатка в продовольствии, но и будут есть лучше его современников. Говоря о топливе будущего, исследователь предсказал, что «леса будут по большей части вырублены для нужд земледелия, теплота земного шара и теплота солнечная пригодятся, может быть, для следующих веков, но в XX веке их применять ещё не будут» [4, с.48] и предугадал появление ГЭС («все реки будут действовать на громадные магниты, от которых получится электрическое освещение»).

Вместе с тем, Ш.Рише считал, что главным топливом останется уголь, о нефти им не сказано ни слова. Это непростительная ошибка в прогнозировании, поскольку двигатель внутреннего сгорания в момент написания книги был уже изобретён. Несмотря на эту грубейшую ошибку, исследователь предвидел появление автомобилей (паровые или электрические кареты), мотоциклов (паровые или электрические велосипеды), автобусов (паровые омнибусы), а также кино и телевизоров, которые он назвал *телефотами* (курсив мой – А.Ч.). Фотография станет цветной, и на этом её развитие окончится.

В главе, посвящённой искусству и литературе, Ш.Рише ограничился указанием, что их развитие в XX в. предвидеть невозможно.

Наиболее интересным и адекватным оказалось его предвидение развития науки в XX веке. Философия и история будут стремиться сохранить свой научный характер, но история – мёртвая наука, она мало продвинется вперёд. Математика также недоступна большинству людей. Астрономию, напротив, ждут небывалые успехи, но в XX веке люди ещё не дойдут до сношений с другими планетами. Ещё большими будут успехи метеорологии, к 2000 г. она достигнет полной зрелости. Химия изобретёт лучшие способы анализа и синтеза. Что до разложения простых тел, то это быть может, химера, но если этого достигнуть, то это будет одним из величайших открытий XX века. Будущее физики обширнее. Оптика, термотика, акустика достигли такой степени совершенства, что даже нельзя сказать, что можно от них требовать дальше. Но относительно электричества совсем иное дело, оно готовит потомкам колоссальные сюрпризы. Общая физика, составляющая основание всех наук, непрестанно обновляется, все законы будут опровергнуты, и место их займут законы более общие. Подобно тому, как в конце XIX века является законченной наукой анатомия, и в теле человека не осталось ни одной неизвестной косточки, так, в конце XX века будут закончены геология, ботаника и зоология, не останется неизвестным ни одного ископаемого, растения, моллюска. Но в естественных науках есть раздел, будущность которого можно считать почти безграничной – изучение наследственности. Психология в XX веке ещё не будет вполне разработана, но путь ей уже будет намечен. В будущем она станет главнейшей наукой человечества. Наряду с нормальной, классической психологией в 2000 г. будет и психология скрытая. Медицина подвергнется полному преобразованию. В 2000 г. будут прививки против всех заразных заболеваний, эпидемии прекратятся. Болезни нервной системы не так легко поддадутся лечению, но терапия будет несравненно богаче.

Как мы видели, французский учёный конца XIX века допустил серьёзные просчёты в прогнозировании научно-технического и особенно политического развития. Некоторые его прогнозы абсурдны. Так, по мнению Ш.Рише, в конце XX века все здания, включая деревенские дома, будут железными, никто не захочет строить из кирпича или камня. Но это не отрицает ни удивительной точности других его прогнозов, ни значения этой работы в становлении социального и социально-технологического

прогнозирования. Впервые познание развития общества вышло за пределы апокалиптической, утопической и фантастической литературы, став предметом научного исследования.

В завершении работы исследователь поставил вопрос о достоверности своих прогнозов: «Можно до известной степени составить себе понятие о том, насколько имеют основание наши предсказания, обратившись к прошлому столетию и, задав себе вопрос: чего мог ожидать самый серьезный наблюдатель от будущих судеб человечества в 1790 году. Некоторые факты были почти очевидны, и нужно удивляться, почему их тогда не предсказывали прямо: это, во-первых, демократическая форма новейшего общества, с личной свободой и равноправностью; затем расширение и возвышение Америки в ущерб Европе и окончательное освобождение американских колоний, как английских, так и испанских, подобно тому, как мы теперь можем предсказать, что Австралия, Алжир и Капландия (Южная Африка – А.Ч.) будут, когда-нибудь отделены от своих метрополий. Проницательный ум мог также предсказать, что в XIX веке наука получит преимущество перед литературой. Но чего не мог предвидеть никакой мыслитель, ни философ, ни учёный, это открытий в области науки и промышленности: железные дороги, электричество, фотография, теория сетчатки, теория естественного подбора, антисептика, наука о микробах и пр. и пр., всё, что обновило материальную сторону жизни, не могло быть предугадано даже самым прозорливым умом. Таким образом, социологические явления ещё могли в известной мере быть предусмотрены, но факты научного порядка – ни в каком случае. Отсюда и наши предсказания на 1992 год могут быть не совсем верны, но мы скорее можем ошибиться относительно наук, чем относительно будущего народов или общественного устройства» [4, с.72].

В XX веке сложилась противоположная точка зрения по вопросу о степени достоверности прогнозов: социально-технологические прогнозы более достоверны, чем социальные. В 1955 г. автор одного из прогнозов научно-технического прогресса до середины XXI века, лауреат Нобелевской премии по физике Д.Томсон писал: «Приблизительно до 1650 года технику медленно двигали вперёд в основном необразованные люди, действовавшие наугад. Ко временам Галилея и Френсиса Бэкона эксперимент превратился в респектабельное занятие для благородных людей, а возможность того, что образованные люди заинтересуются техникой, стала намного шире. <...> Но только часть больших технических

достижений XVII и XVIII веков явилась плодом деятельности образованных людей. <...> До второй половины XIX века и даже позже наука о теплоте получила от парового двигателя больше, чем последний от неё. Наука способствовала развитию техники скорее в силу тех умонастроений, которые она создавала у господствующих классов, чем в силу практического применения её открытий. Положение изменилось благодаря открытию электрического тока и особенно открытию в 1830 г. Фарадеем электромагнитной индукции. Электротехника зависит и всегда полностью зависела от научных открытий. Кустарные догадки никогда не играли в её развитии существенной роли, так что все крупные и большая часть мелких достижений явились следствием тех или иных научных открытий. К концу XIX века это же можно было сказать и о других отраслях техники. <...> Именно потому, что крупные открытия основаны в первую очередь на научных принципах, а не на механической изобретательности, – а научные принципы имеют свои пределы, – мы вправе надеяться, что в общих чертах можно предсказать направление, по которому пойдут эти открытия» [5, с.30-32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Лада, И.В. Социальное прогнозирование: Курс лекций / И.В.Бестужев-Лада. – М., 2002.
2. Кларк, И. Пророчества о грядущих сражениях. Воображаемые войны 1763 – 3749 годов / И.Кларк // Отечественные записки. – 2005. – №5.
3. Никитина, А.Г. Предвидение как человеческая способность / А.Г.Никитина. – М.,1975.
4. Рише, Ш. Через сто лет / Ш.Рише. – СПб.,1893.
5. Томсон, Д. Предвидимое будущее / Д.Томсон. – М.,1958.

А.Ф. ШУСТОВ

СПЕЦИФИКА ОРУДИЙНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

История развития технической деятельности неразрывно связана с историей общества и культуры. Этот процесс проходит несколько этапов, каждый из них имеет свои качественные характеристики и особенности. Важнейшей проблемой при этом является определение критериев, на основании которых предполагается та или иная классификация. В процессе становления технической деятельности происходит изменение места и функции субъекта деятельности.

Поэтому одним из главных критериев при определении ее периодизации следует считать функциональный критерий, то есть качественно новый этап развития технической деятельности – это выполнение техническим объектом качественно новой функции, которую на него возлагает субъект деятельности. Выполнение новой функции основано на качественно новом способе связи субъекта и объекта, на передаче последнему функциональных характеристик субъекта. Исторически первым этапом и, следовательно, первым способом соединения человека с техникой был ручной способ, когда субъект деятельности орудием труда воздействовал на предмет труда. Движение человека определяет движение орудия. Этот способ был господствующим с момента зарождения технической деятельности и до возникновения машинного производства. Главную функцию, которую выполняло орудие, это усиление естественных органов: оно строилось по принципу “органопроекции”. Орудие было единственным техническим средством этого периода, поэтому первый этап развития технической деятельности называется орудийным. В данной статье рассмотрим основные особенности данного этапа с точки зрения его связи с практикой и развитием культуры, которая определяет его системой фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров.

Система ценностей и мировоззренческих ориентиров составляет своего рода культурное пространство, которое обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни. Никакого типа или формы исторического развития технической деятельности не существует вне культуры, наоборот, каждая ее форма и этап культурно обусловлены.

Рассмотрим первый орудийный этап развития технической деятельности. Исторически это самый продолжительный этап, который органически включает в себя первобытный, рабовладельческий и феодальный периоды. Для начала технической деятельности необходима некоторая противоположность моментов внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, различие внешнего мира и человека, отношение к этому миру. Эта различенность человека и природы (сознание субъекта, с одной стороны, и предмет, находящийся вне сознания, с другой стороны) есть главная предпосылка практического опыта и (на его основе) элементарной технической деятельности. Вся деятельность сводится к тому, что сознание пытается раскрыть определенность предмета и тем самым идет по пути раскрытия единства предмета и себя самого.

Итак, вопрос о зачатках технической деятельности нужно рассматривать в контексте диалектики взаимодействия человека и природы: «Техника ведет свое происхождение от цельного человека в его взаимодействии с каждой частью среды, использующего каждую свою способность, чтобы максимально реализовать собственные биологические, экономические и психологические потенции. Техника связана по происхождению с игрой, с мифом, фантазией, с магическими обрядами и религиозным механическим заклинанием» [5, с.231]. Природные предметы, необходимые для жизни человека, зачастую непосредственно не доступны ему. Их присвоение может быть реальным только путем преобразования природы: это стало возможным благодаря технической деятельности. Чтобы выжить, человек должен был дойти до ее технического освоения.

Это освоение ему представлялось как естественный процесс. Поэтому первые орудия брались из той же природы, будь то палка, камень и т.д. На случайный характер первых орудий указывает Э.Капп: «Изобретение первых в высшей степени простых орудий происходило, конечно, случайно, они, без сомнения, скорее находились, чем изобретались» [1, с.27]. При собирании диких плодов, съедобных трав, при охоте человек начинал пользоваться попавшими ему под руку готовыми природными предметами. Предметы эти употреблялись в качестве естественных орудий. Затем люди пришли к мысли дать естественному орудью лучшую, более удобную форму, стали вырабатывать его из особого вещества. Э.Капп указывает на механизм становления и совершенствования первых орудий: «Всякое орудие в широком смысле слова, как средство повышения деятельности чувств, является единственной возможностью пойти дальше непосредственного поверхностного восприятия вещей. Как продукт деятельности мозга и руки, орудие находится в таком глубоком внутреннем сродстве с самим человеком, что он в создании своей руки видит объективированным перед своими глазами нечто от своего собственного «Я», воплощенный в материи мир своих представлений, отображение как в зеркале своего внутреннего мира, словом, часть самого себя» [1, с.24].

Связь человека и орудия проявилась наглядно: технические орудия строились по антропологическому принципу, в соответствии с физическими органами человека. Человеческие органы явились образцом для создания первых орудий. Форма орудия исходила из формы человеческого органа, ставилась задача лишь увеличить его полезность и силу: изогнутый палец становится прообразом крючка,

горсть рук – чашей и т.д. Исходя из данных положений, сформулируем следующий вывод: история человека разумного и история технической деятельности неотделимы друг от друга и имеют единую точку отсчета – появление способного к целесообразной деятельности и познанию человека. Возникновение низших форм технической деятельности позволило человеку управлять условиями природных процессов для удовлетворения своих потребностей. Постоянно пополнялся и становился более разнообразным орудийный арсенал людей. Так, Ф.Кликс отмечает, что известно свыше 100 различных типов кроманьонских орудий и «предпосылками для овладения данной технологией служит высокая степень мастерства» [2, с.141-142].

Существует традиция, согласно которой первобытный человек предстает перед нами как дикарь. По данному вопросу не прекращаются дискуссии, но представляется верной точка зрения тех авторов (Массон В.М., Кларк Д., Григорович В., Ларичев В.С.), которые считают, что такое представление объединяет наши знания об интеллектуальной и духовной жизни древних. Результаты исследований последних десятилетий заставляют пересмотреть традиционные представления о первобытных людях. Уже племена среднего каменного века обладали примитивной, но эффективной технологией, способной удовлетворить потребности и обеспечить досуг. Тем не менее, эмпирический технический опыт был мал, секреты мастерства наследовались традиционным способом. Несмотря на это, роль техники как феномена социального наследования прочно утвердилась в культуре. Передача технической информации осуществлялась устно с использованием самого технического средства как наглядного образца. Простейшая орудийная техника уже представляла собой культурное информационное средство, позволяющее производить наследование.

Технические знания этого периода носили преимущественно рецептурный характер. В рецептах фиксировались наиболее значимые особенности деятельного процесса, а именно действия субъекта с предметами и сами эти предметы. Можно сказать, что рецептурное знание не только отражает деятельность, но и схематизирует ее. Если реальные предметы деятельности обладают множеством характеристик и признаков, то в рецептах закреплялись только те особенности деятельности, которые оказывали существенное влияние на ее эффективность. Рецептурное знание носило догматический характер, потому что рецепт необходимо

строго соблюдать. Инновация – уже отступление от него. Тем не менее, развитие и совершенствование орудия продолжалось. Становление орудийного этапа развития технической деятельности занимало довольно продолжительное время, в ходе которого изменялось и совершенствовалось орудие. Прослеживая тенденции нарастания трудоемкости производства, обнаруживается, что развитие технической деятельности происходило по следующим направлениям: а) рост силового эффекта, б) возрастание скорости движения орудия, в) геометрическая правильность форм орудий, г) точность движений в работе, д) устройство первобытных автоматических приспособлений для ловли зверей, е) дифференциация орудий и социализация производства, ж) упрощение конструкций и технологии, рост целесообразности, з) активное воздействие человека на природу посредством превращения вещества и энергии из одного физико-химического состояния в другое, и) замена старых орудий новыми, сохранение и модернизация прежних орудий и процессов.

Субъект деятельности этого периода выступал как представитель культуры своего времени и нуждался в ней для эффективности своей деятельности. Для этого он использовал магию, которая была широко распространена в духовной культуре тех времен. На активной взаимосвязь и взаимообусловленность магического и технического в первобытной культуре акцентируют внимание многие авторы (среди них Леви-Брюль Л., Липс Ю., Фрэзер Д., Токарев С.А., Тайлор Э.Б. и др.). Первые технические орудия создавались для утилитарных целей, но подвергались дополнительной духовной обработке, над ними проводились действия, которые должны были облегчить орудию успешное функционирование. Само техническое действие орудия начиналось с обряда и обрядом заканчивалось. Изначально техническое орудие имело утилитарно-магическую природу, причем за магическим действием сохранялось главенство. Магическим действием наделялось не только орудие, но и все окружение первобытного человека. Он наделял магическими свойствами деревья, камни, а вместе с тем им самим же созданные фигурки, посуду, копыя, вытопанную тропинку.

Главную силу в охоте играло не орудие, а магическая сила, умение привлечь животное. Если животное убивалось, причиной считалось не то, что стрелок был ловок, а стрела хороша, а то, что охотник знал заклинание. По мере совершенствования орудия магическая сила переносилась и на техническое средство. Человек

все более замечал не только свои умения, усилия, магические способности, но и работу орудия. Так возникало представление, что орудие работает не в силу прилагаемых усилий и его реальных качеств, а в силу волшебных свойств: происходило обожествление самого орудия.

Следующим шагом в развитии орудийного этапа технической деятельности является эпоха рабовладения. Формой организации технической деятельности в этот период является ремесленная мастерская. Ремесло, с точки зрения сущности этого вида технической деятельности, это мелкое ручное производство, господствующее до появления крупной машинной индустрии. Его характерными признаками являются применение простых технических орудий, индивидуальный характер производства, работа на узкий рынок без всякого посредничества торгового капитала. Эта форма зародилась еще в первобытном обществе и выражалась в специализации племен, она развилась в эпоху рабовладения и наибольшего расцвета достигла в феодальном городе. Это позволяет сделать вывод о том, что она является наиболее соответствующей типу ручного орудия формой организации технической деятельности и играла основную роль в социальном наследовании технической информации и развитии субъектной стороны техники. В ремесленной мастерской субъект технической деятельности состоял из мастеров и рабов. Специальной сферы трансляции и хранения технических знаний как особой духовной области не было, передача информации основывалась на традиции. Отсюда и низкий уровень осмысления опыта деятельности. Социокультурными основаниями деятельности ремесленника были мифологические, религиозные, магические обряды, закрепляющие уверенность мастера в успехе своего труда. Эти обряды и представления присоединялись к ремесленному знанию и образовывали с ним гармоническое единство. Характерным примером соединения магии с кузнечным производством может выступить описанный Ю.Липсом способ выплавки железа в африканском племени пангве: «В маленький горшочек складываются магические ингредиенты – пучок листьев, «священная кора», яд и кусочек мозгового вещества предка, который должен наблюдать за ходом плавки. Горшочек ставится в плавильную яму и закрывается древесным углем, железной рудой и еще одним слоем древесного угля. Затем в яму кладется кусок раскаленного угля, и работники, обслуживающие меха, начинают свою работу под звон железного колокола знахаря, танцующего под аккомпанемент песен и воплей,

исторгающего пронзительные звуки из рога антилопы» [4, с.155]. Причины устойчивой ориентации субъекта технической деятельности на религию видятся следующими. В религиозном знании содержатся ответы не только на вопрос о том, каков мир и человек, но и о том, какими они должны быть. Ремесленник, рассуждающий об основаниях практической деятельности, кроме вопроса о средствах повышения ее эффективности, задавался вопросом о ее высших целях, о своем предназначении, о месте технической деятельности в структуре человеческой духовности. Он ясно осознавал ответственность субъекта технической деятельности за технические открытия и изобретения.

Завершает орудийный этап технической деятельности феодальный период ее развития. Он принадлежит к наименее изученному этапу философии техники и ждет своих исследователей. Мы ограничимся лишь его существенными характеристиками, что отвечает задачам нашего исследования. Период с V по XIV века французский историк и философ Ж. Ле Гофф характеризует как «технически отсталый». Изобретательство в этот период проявилось слабо, и технический прогресс характеризовался скорее количественными, нежели качественными параметрами. В основном происходило распространение орудий труда, механизмов, технических приспособлений, известных с античности: «Механизация практически не сделала никакого качественного прогресса в средние века. Почти все употреблявшиеся тогда механизмы были описаны учеными эллинистической эпохи» [3, с.189]. Нам представляется, что это крайняя точка зрения на техническую деятельность этого периода. Дело в том, что она в это время приобретает ряд новых качественных форм и, естественно, на протяжении целого тысячелетия была неоднородной. Можно выделить три качественных этапа ее организации: ремесленная мастерская (где основным субъектом деятельности выступает ремесленник), цеховая организация, мануфактурная организация (которая характеризуется значительным разделением труда). Этот процесс начался с ремесленного труда и максимальное свое выражение обрел в мануфактуре, в которой процесс технической деятельности разделен на ряд отдельных операций, закрепленных за специализированными субъектами деятельности. Это обстоятельство стало предпосылкой для возникновения машины: отдельная машина заменяет отдельные операции, ее создание связано с созданием дифференцированных инструментов.

Сдерживающим фактором развития технической деятельности этого периода является форма передачи технических знаний, которые, как правило, носили сакральный характер и передавались по наследству или по родственной и клановой линии. В период средневековья использование практических знаний ремесленников и передача технических знаний по традиции составляли основную линию развития совокупного опыта общества по разработке орудий труда. Мастера, владевшие тайной своего ремесла, не были заинтересованы ни в его распространении, ни во введении различных новшеств. Знания в сфере примитивной и ремесленной техники носили, как правило, характер сакральной тайны, не могущей, как известно, подлежать развитию. Социокультурной обусловленностью технической деятельности этого периода, несомненно, является возникновение и развитие христианства, которое сформировало новый взгляд на возможности человеческого преобразования. Оно выразилось в понимании человека как деятельного существа, противостоящего миру в своей преобразовательной деятельности, в ее понимании как инновационного процесса, направленного на преобразование объектов внешнего мира. Ключом к такому отношению выступила идея сотворения мира Богом, исходя из которой, христианская традиция позволила весь физический мир видеть как некое изделие, как нечто сконструированное.

Тогда возникла аналогия между божественным творением, создавшим природу, и ремесленной практикой, позволяющей творить новые вещи. В этой мировоззренческой ситуации окружающая действительность стала восприниматься в качестве объекта, требующего усовершенствования. Хочется отметить, что исследованный этап развития технической деятельности имел богатую субъектную культурную нагруженность. Она не ограничивалась чисто технической «печатью искусственного», а определялась непосредственной деятельностью субъекта, вписанного в духовную культуру своего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капп, Э. Происхождение орудия / Э.Капп // Роль орудия в развитии человека. – Л., 1925.
2. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление / Ф.Кликс. – М., 1983.
3. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.
4. Липс, Ю. Происхождение вещей: Из истории культуры человечества / Ю.Липс. – М., 1954.
5. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека / Л.Мэмфорд // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

Сведения об авторах

Бияк Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Голенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры «Управление качеством, стандартизация и метрология» БГТУ.

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУ, депутат Брянской областной думы, зам. председателя комитета думы по образованию, науке и массовой информации.

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, кафедры философии и культурологии РГУ им. И.Канта (г. Калининград), академик Российской экологической академии и ряда международных, действительный член Международного информационно-экологического парламента, почетный председатель Брянского отделения Российского философского общества (РФО, <http://www.famous-scientists.ru/4013/>).

Дергачева Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедр «Экономика, организация производства и управление» и «Философия, история и социология» БГТУ, заместитель декана по качеству и инновационной работе факультета экономики и управления БГТУ, ученый секретарь Брянского отделения РФО (<http://www.famous-scientists.ru/3989/>).

Исканцев Никита Викторович – студент БГТУ.

Кошлаков Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Кравченко Владимир Владимирович – преподаватель БГТУ.

Крылова О.А. – преподаватель РГУ им.Канта.

Лапченко Наталья Николаевна – старший преподаватель БГУ.

Ларичева Елена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» БГТУ.

Лобеева Вера Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Мирошников Вячеслав Васильевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Управление качеством, стандартизация и метрология» БГТУ.

Михалев-Волооков Виталий Михайлович – кандидат философских наук, доцент БГУ.

Ноздрина Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Философия, история и социология» БГТУ.

Патракова Алла Владимировна – соискатель.

Попкова Наталья Владимировна – доктор философских и кандидат технических наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, член-корреспондент Академии промышленной экологии, председатель Брянского отделения РФО (<http://www.famous-scientists.ru/4073/>).

Пушная Ольга Александровна – студент БГТУ.

Свидерский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА).

Сиверина Юлия Юрьевна – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Симкина Надежда Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Скородумов Владимир Михайлович – соискатель.

Усов Вадим Александрович – аспирант кафедры философии РГУ им. И.Канта.

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и социология» БГТУ.

Шустов Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и политологии БГСХА.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ»

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения **объемом до 0,5 п.л. (20000 знаков)**. К публикации принимаются **научные статьи по проблематике антропосоциального познания**, включая не только социально-гуманитарные, но и любые другие науки, занимающиеся изучением взаимосвязей человека, общества, техники, техносферы, природы и т.п. Статьи публикуются бесплатно. Для **авторов из других организаций** материалы должны содержать дополнительное письмо-направление организации и экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати. Статьи представляются **в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на дискете**. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран 16 шрифтом Times New Roman с интервалом 1 и концевыми сносками (14 шрифт), составленными **в алфавитном порядке**. Отдельным файлом должны прилагаться **авторские данные** с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени и ученого звания. Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия, история и социология». Тел. (4832) 588-267. **Электронные адреса членов редколлегии:** *Дергачева Е.А.:* lena_debusi@yahoo.com; *Попкова Н.В.:* popkov@tu-bryansk.ru. **Информация о сборнике:** www.tu-bryansk.ru (сайт БГТУ).

Требования к авторскому оригиналу

- Подготовка электронного варианта рукописи
- Формат бумаги – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- Программа – Word, гарнитура – Times.
- Поля – верхнее и нижнее - 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см.
- Слева – **ББК научной статьи**.
- Справа – инициалы и фамилия автора (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- По центру – название статьи (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- Аннотация (на русском языке) – до 5 предложений. Начинается словами: «рассмотрены», «даны», «определены» и т.д.
- Размер шрифта (кегель) – 16 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 16).
- Межстрочный интервал – одинарный (Формат – Абзац – Междустрочный – Одинарный).
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – 1 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1).
- Выравнивание текста по ширине (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номера страниц – Внизу – По центру).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту (например, «фундаментальные ценности культуры»).
- Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.
- Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: Всем обо всём.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Союзы, предлоги в названии статьи переносятся на вторую строку.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – рубрикационные (заголовки, подзаголовки) и смысловые (термины, значимые положения, логические усиления).

- Основные приемы выделений – шрифтовые (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчный) и нешрифтовые (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на использованные источники литературы приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1, с. 27]. **Список литературы** располагается после текста статьи (шрифт 14), нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Список литературы» (шрифт слов «Список литературы» Arial, жирный, прописные буквы, по центру) и **оформляется в алфавитном порядке**.
- Литература указывается в соответствии с правилами библиографического описания работ.

**Список членов Брянского отделения Российского философского общества
в 2010 году**

1. *Бияк Кирилл Сергеевич*, аспирант
2. *Бобровский Антон Евгеньевич*, соискатель
3. *Бышова Ольга Юрьевна*, соискатель
4. *Горбачев Владимир Григорьевич*, к.ф.н., доцент
5. *Горин Дмитрий Геннадьевич*, д.ф.н.
6. *Демиденко Эдуард Семенович*, д.ф.н., профессор
7. *Дергачева Елена Александровна*, к.ф.н., доцент
8. *Жемоедова Наталья Леонидовна*, аспирант
9. *Золотарев Алексей Вадимович*, к.ф.н., доцент
10. *Исаченко Борис Андреевич*, к.ф.н., доцент
11. *Исканцев Никита Викторович*, студент
12. *Кошлаков Дмитрий Михайлович*, аспирант
13. *Кочергина Зинаида Алексеевна*, преподаватель
14. *Кравченко Владимир Владимирович*, аспирант
15. *Лапченко Наталья Николаевна*, преподаватель
16. *Ларичева Елена Анатольевна*, к.э.н., доцент
17. *Лобеева Вера Михайловна*, к.ф.н., доцент
18. *Логвиненко Юрий Николаевич*
19. *Мирошников Вячеслав Васильевич*, д.т.н., профессор
20. *Михалев-Волооков Виталий Михайлович*, к.ф.н., доцент
21. *Моисеева Анна Юрьевна*, аспирант
22. *Непомнящий Константин Евгеньевич*, преподаватель
23. *Никонов Виктор Михайлович*
24. *Ноздрина Наталья Александровна*, к.п.н., доцент
25. *Павлов Юрий Михайлович*, ассистент
26. *Патракова Алла Владимировна*, соискатель
27. *Подвойский Анатолий Дмитриевич*
28. *Попкова Наталья Владимировна*, д.ф.н., профессор
29. *Пушная Ольга Александровна*, студент
30. *Свидерский Александр Александрович*, соискатель
31. *Сиверина Юлия Юрьевна*, аспирант
32. *Симкина Надежда Николаевна*, к.ф.н., доцент
33. *Скородумов Владимир Михайлович*, соискатель
34. *Степанищев Анатолий Федорович*, д.ф.н., профессор
35. *Сычева Татьяна Михайловна*, к.ф.н., доцент
36. *Фокин Андрей Юрьевич*, ассистент
37. *Черниловский Артем Александрович*, к.ист.н., доцент
38. *Чувин Сергей Николаевич*, преподаватель
39. *Шустов Александр Федорович*, д.ф.н., профессор

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Вып. 8

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Редактор *Т.И. Королева*
Компьютерный набор *Е.А. Дергачева*

Темплан 2010 г., п. 5

Подписано в печать 10.03.10. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ.л. 12,9 Уч.-изд.л. 12,9 Тираж 60 экз. Заказ

*Издательство Брянского государственного технического университета
241035, г. Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 588-249.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Институтская, 16.*